

Ф61(2)5

Г95

П.С.Гуревич

ПРОПАГАНДА в идеологической борьбе

*учебное пособие
для вузов*

П.С.Гуревич

ПРОПАГАНДА в идеологической борьбе

Допущено Главным управлением
преподавания общественных наук
Министерства высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов и аспирантов вузов

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1987

ББК 66.61(2)5-

Г95

Рецензенты: кафедра философии МГИМО МИД СССР; д-р филос. наук, проф. П. В. Поздняков (АОН при ЦК КПСС)

Гуревич П. С.

Г95 Пропаганда в идеологической борьбе: Учеб. пособие для вузов. — М.: Высш. шк., 1987. — 263 с.

В книге показывается место пропаганды в идеологической борьбе на современном этапе, раскрываются ленинские принципы пропагандистской работы, конкретные пути их осуществления в современной идейно-политической деятельности партии. Автор на большом фактическом материале выявляет роль средств массовой информации в системе пропаганды, разоблачает буржуазные интерпретации их значения в духовной жизни общества, рассматривает в целом процесс борьбы социалистической идеологии с буржуазными пропагандистскими мифами.

Г 0902040200(4309000000)—526 31—86
001(01)—87

ББК 66.61(2)5
3 КП4

© Издательство «Высшая школа», 1987

ВВЕДЕНИЕ

Советское общество находится на важном, очень ответственном этапе своего развития. Прошедший в феврале — марте 1986 г. XXVII съезд КПСС дал всесторонний анализ основных направлений и особенностей современного развития. Съездовские документы — Политический доклад ЦК КПСС, новая редакция Программы КПСС, Устав партии и др. — это образец верности партии основополагающим марксистско-ленинским принципам, пример творческого и научного подхода к анализу проблем современности. Последовательность и преемственность в теории непременно предполагают ее творческое развитие в соответствии с историческим опытом, теми изменениями, которые произошли в стране и за ее пределами.

Научно обосновать политический курс можно лишь опираясь на изучение ключевых тенденций реальной действительности. Глубокое проникновение в диалектику происходящего, его объективную логику, умение делать правильные выводы, отражающие движение времени, — дело непростое, но настоятельно необходимое.

Социализм убедительно доказал, как подчеркивается в Программе КПСС, что этот строй определяет магистральный путь социального прогресса человечества, создает реальные возможности для исключения войны из жизни народов, для решения сложных задач в развитии экономики, культуры, просвещения, обеспечения социальной справедливости и равенства.

XXVII съезд КПСС стал историческим событием мирового значения. Он состоялся на крутом переломе в жизни страны, современного мира в целом. В Политическом докладе XXVII съезду партии дана впечатляющая, масштабная картина современного мира, его основных тенденций и противоречий, дан всесторонний анализ состояния советского общества, его успехов и трудностей и четко очерчены основные направления экономической и социальной политики партии, пути дальнейшей демократизации нашего общества. Съезд всесторонне разработал выдвинутую апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС установку на ускорение социально-экономического развития нашего общества, определив его как стратегический

курс развития страны. Революционность и глубина намеченных партией преобразований, особая роль в их осуществлении человеческого фактора, усилий, воли и сознания каждого труженика определяют сложность пропагандистских задач.

«В наше время, полное динамизма и перемен,— отмечал в Политическом докладе XXVII съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев,— существенно возрастает роль средств массовой информации. Время, прошедшее после апрельского Пленума ЦК, стало серьезным экзаменом для всей партийной журналистики. Редакционные коллективы смело взялись за сложные, во многом новые вопросы. На страницах газет и журналов, в телевизионных программах запульсировала сама жизнь с ее достижениями и противоречиями, больше стало аналитичности и гражданственности, остроты в постановке проблем и конкретной критики недостатков и упущений. Высказано немало конструктивных предложений по актуальным экономическим, социальным и идеологическим вопросам»¹.

Проблемам перестройки, ускорения был посвящен состоявшийся 27—28 января 1987 г. Пленум ЦК КПСС. На рассмотрение Пленума был вынесен вопрос о перестройке и кадровой политике партии. По этому вопросу выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. В докладе было отмечено, что сегодня, когда перестройка находится на начальном этапе, особенно важно стоять на позициях реализма, объективной оценки того, что сделано, а главное — исходить из объявленных партией планов. Это единственно правильный партийный подход.

Социализм дал трудящимся действительно широкие политические и социально-экономические права, личные свободы. Однако ускорение, перестройка возможны лишь при всемерной активизации человеческого фактора, дальнейшем развитии демократии. В этом суть курса партии на углубление социалистического самоуправления народа. Этот процесс начался. Демократизируются все стороны жизни общества. Более полнокровной становится жизнь партийных организаций. Расширяются гласность, критика и самокритика. Активнее действуют средства массовой информации. Растет участие трудящихся в делах общества, в управлении.

Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС поддержал усилия средств массовой информации по развитию критики и самокритики в нашем обществе. Советские люди по достоинству оценили их позицию в борьбе за перестройку. Более 14 млн. новых читателей прибавилось у центральных газет и журналов, многомиллионные аудитории собирают передачи Центрального телевидения на злободневные темы. Людей привле-

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 89.

кают смелость и глубина постановки актуальных проблем, касающихся ускорения социально-экономического развития страны, затрагивающих самые различные стороны жизни общества. Партия полагает, что выступления средств массовой информации будут и впредь отличаться глубиной и объективностью, высокой гражданской ответственностью.

«Можно сказать и о положительных переменах,— говорил на Пленуме М. С. Горбачев,— происходящих в республиканских и местных изданиях. Но далеко не все из них по-настоящему еще включились в перестройку, им не хватает принципиальности и смелости в постановке вопросов, критического отношения к недостаткам. Многие партийные комитеты не всегда по-настоящему используют средства информации — этот мощный рычаг перестройки, а кое-где и продолжают сковывать их деятельность»¹.

В постановлении январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС «О перестройке и кадровой политике партии» особо отмечалось, что «осуществлению задач, стоящих перед нашим обществом, утверждению гласности, здоровой, критической атмосферы активно способствуют печать, телевидение, радио. Нетерпимость к негативным явлениям и раскрытие опыта, рождаемого перестройкой, возвышение добросовестного, высокопроизводительного труда — это первостепенные и взаимосвязанные задачи средств массовой информации»².

В современную эпоху перехода от капитализма к социализму передовые социальные идеи, научная идеология имеют исключительно большое значение как для управления социальными процессами, так и для решения задач контрпропаганды. В связи с обострением идеологической борьбы особое значение за последние годы приобрели ленинские принципы непримиримости и наступательности. Партия всегда призывала в этой связи развивать политическую бдительность советских людей, их непримиримость к враждебным взглядам, умение противостоять идеологическим диверсиям классового противника, оппортунистическим и ревизионистским наскокам на реальный социализм. Активный отпор антисоветизму и антикоммунизму — это постоянное направление деятельности партийных комитетов, средств массовой информации.

Контрпропаганда — одно из важнейших направлений идейно-политической работы, и вести ее следует систематически, компетентно, привлекая к ней опытных партийных и государственных работников, ученых, специалистов. В связи с этим возникает потребность в разработке мировоззренческих, методологических и теоретических проблем пропаганды. Без широ-

---

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. М., 1987. С. 34—35.

² Там же. С. 92.

кой и фундаментальной научной базы нельзя эффективно бороться с буржуазной идеологией.

Огромное воздействие на деятельность советской прессы оказало постановление ЦК КПСС «О журнале «Коммунист». В нем определены задачи ведущего теоретического и политического журнала ЦК КПСС. «Он призван быть трибуной развивающейся общественной мысли, — говорится в постановлении, — обобщения социального опыта масс, поддерживать все новое, передовое, что рождается в ходе перестройки, раскрывать ее неотложный, глубоко революционный характер, непримиримо выступать против косности и рутины, отживших представлений и предрассудков как в теории, так и в практике. Долг журнала — ярко и убедительно показывать все богатство и непреходящее значение ленинских идей, их тесную связь с современностью, всемерно содействовать развитию нового мышления, новых подходов в политической, организаторской, хозяйственной и идейно-воспитательной деятельности, отвечающих требованиям времени»¹.

На современном этапе важно глубоко исследовать новые приемы и методы буржуазной пропаганды, ее идеологические доктрины, раскрывать их непримиримую враждебность научному социализму. «Журнал должен быть боевым органом в борьбе против буржуазной идеологии, оппортунистических концепций, попыток выхолостить и омертвить революционное, созидательное содержание марксистско-ленинской теории, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О журнале «Коммунист». — Необходимо с четких классовых позиций выступать против всех проявлений антинаучных, реакционных воззрений на развитие человеческого общества»².

В обстановке острого идеологического противоборства на международной арене постановление ЦК призывает вести наступательную борьбу против идеологии и политики империалистического угнетения, умело отстаивать историческую правоту идей и практики социализма, убедительно разоблачать буржуазную политику духовного порабощения масс. В борьбе за умы и сердца людей важно показывать принципиальное совпадение коренных интересов рабочего класса, всех трудящихся, целей коммунистов с основными гуманистическими ценностями человечества.

Осуществление этих задач возможно лишь на базе глубокого научного изучения теории пропаганды. Именно поэтому партия в последних документах — материалах XXVII съезда КПСС, в постановлении «О журнале «Коммунист», в выступлении М. С. Горбачева на Всесоюзном совещании заведующих ка-

---

¹ О журнале «Коммунист». Постановление ЦК КПСС//Коммунист. 1986. № 12. С. 3.

² Там же.

ферами общественных наук, в постановлении январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС «О перестройке и кадровой политике партии» — отмечала необходимость более активного и весомого вклада ученых и в теорию пропаганды, и непосредственно в практику идеологической работы.

При теоретическом рассмотрении проблем пропаганды решается целый ряд вопросов, имеющих непосредственное практическое значение для идеологической деятельности. В чем проявляются особенности идеологической борьбы на современном этапе? Какое место занимает в ней «психологическая война», которую ведет империализм? Каково соотношение идеологии и пропаганды? Что представляет собой феномен пропаганды? Каковы ее функции и критерии эффективности? Разработка этих вопросов приобрела сегодня особую актуальность.

За последнее время в трудах ряда советских ученых Г. А. Арбатова, Г. К. Ашина, Н. Б. Биккенина, Б. Т. Григорьяна, Ю. Н. Давыдова, Ю. А. Замошкина, В. В. Мшвениерадзе, Т. И. Ойзермана, Р. Г. Яновского и других исследователей рассмотрены закономерности идеологической борьбы на современном этапе, ее новейшие тенденции и формы, ведущие направления и методы. Однако проблема систематического, многопланового изучения массовых идеологических процессов, тех специфических механизмов, которые определяют соотношение идеологии и массового сознания, связь идеологии и пропаганды, все еще остается актуальной.

Разработка теоретических проблем пропаганды приобретает все большее значение. В трудах советских ученых — В. Л. Артемова, С. И. Беглова, Б. Н. Бессонова, А. И. Власова, Я. Н. Засурского, Н. М. Кейзерова, Е. А. Ножина, О. А. Феофанова, Ю. А. Шерковина и других авторов — исследованы многие актуальные проблемы пропаганды и контрпропаганды. Однако партия ставит перед общественными науками новые большие задачи.

Выступая на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук (октябрь 1986 г.), М. С. Горбачев сказал: «Применительно к нынешнему времени мы можем сказать, что еще до того, как мы достигнем качественно нового состояния нашего общества, мы должны добиться крупных интеллектуальных побед, существенно продвинуться вперед в сфере теории, в творческом осмыслении новых явлений и процессов жизни.

Теория необходима не только для перспективной социальной и политической ориентации. Она нужна буквально для каждого нашего шага вперед. Ни один сколько-нибудь крупный практический вопрос не может быть решен, не будучи осмыслен и обоснован теоретически. Сама теоретическая деятельность становится одной из важнейших движущих сил со-

циалистического и коммунистического строительства, паиважнейшим инструментом перестройки»¹.

Это означает, что необходимо вести дальнейшее изучение тех вопросов, которые могут содействовать повышению эффективности советской пропаганды, распространению научной идеологии.

Данное пособие в известной мере служит этим целям. Автор рассматривает теоретические аспекты советской пропаганды и контрпропаганды, показывает противоположность марксистской и буржуазной методологии изучения этих проблем. Пособие рассчитано на аспирантов и студентов, изучающих закономерности идеологической борьбы на современном этапе, роль пропаганды и конфронтации мировоззрений, теоретические вопросы пропаганды и контрпропаганды. Оно может быть использовано в учебных курсах по журналистике и научному коммунизму. Пособие адресовано также широкому кругу идеологических кадров.

---

¹ Коммунист. 1986. № 15. С. 3.

Глава I

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

§ 1. Закономерности классовой борьбы

Идеологическая борьба — одна из форм классовой борьбы между социализмом и капитализмом. В ней нет места компромиссам. Говоря о непримиримости двух мировоззрений, В. И. Ленин подчеркивал: «... вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое* отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»¹.

Сегодня во всем мире идет борьба за умы и сердца миллионов людей. Будущее человечества в немалой степени зависит от исхода этой борьбы. Коммунистическая идеология — это система идей, ценностей и идеалов, которая выражает мировоззрение рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии. Эта идеология вооружает коммунистические партии, международное коммунистическое движение ясной программой революционного переустройства мира.

Идеи коммунизма получили первоначальное развитие в утопическом социализме. Это был донаучный этап развития учения об обществе, основанном на общности имущества, на обязательном для всех труде и равном распределении благ. Только появление промышленного пролетариата на определенном, весьма высоком этапе развития производительных сил создало историческую возможность превращения социализма из утопии в науку.

Потребности общественного развития, которое выявило кричащие противоречия между частной формой собственности и общественным характером производства, усиление классовых конфликтов, пробуждение пролетариата как политической силы, вызревание условий для социалистической революции, великие открытия в области естественных наук поставили перед общественной мыслью XIX в. задачу разработки новой, подлинно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 39—40.

научной идеологии. Эту задачу выполнили К. Маркс и Ф. Энгельс. Они создали мировоззрение рабочего класса и его авангарда — коммунистических и рабочих партий.

Основоположники научного коммунизма, опираясь на исторический опыт классовой борьбы, достижения передовой мысли человечества, открыли объективные законы общественного развития, теоретически доказали неизбежность крушения капитализма и обосновали всемирно-историческую миссию пролетариата как творца нового, коммунистического общества.

В новых исторических условиях продолжатель дела К. Маркса и Ф. Энгельса В. И. Ленин всесторонне развил их учение, дал ответы на коренные вопросы современности, вооружил рабочее движение теорией социалистической революции и социалистического строительства, научной системой взглядов на проблемы войны и мира. В. И. Ленин впервые ввел и обосновал понятие «научная идеология»¹. Это понятие имеет огромное методологическое значение в борьбе против идеологии буржуазной.

Не всякая идеология является научной, а только такая, которая выражает объективную истину, отвечает интересам передовых прогрессивных сил общества, совпадающих с потребностями социального развития, раскрывает и обосновывает закономерности исторического процесса. Именно такова марксистско-ленинская, коммунистическая идеология. В. И. Ленин называл учение научного социализма «идеологией пролетариата»², «пролетарским мировоззрением»³, «коммунистической наукой»⁴, рассматривая эти определения как однозначные.

«... Социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата,— писал В. И. Ленин,— подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т. е. он основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д. и т. п. В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм *вносится* идеологами»⁵.

В отличие от предшествующих идеологий мировоззрение пролетариата не сводится ни в коей мере к защите узкоклассовых интересов. Оно раскрывает широкую панораму истории, определяет место каждого класса в социальной борьбе, показывает объективные закономерности общественного развития, дает материалистический взгляд на историю. Именно поэтому идеология пролетариата является научной по характеру, выступает средством социального ориентирования масс.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 138.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 379; Т. 9. С. 275.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 284.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 304.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 362—363.

Научность коммунистической идеологии тесно связана с ее революционной партийностью. В противоположность идеологии буржуазной, скрывающей свой эксплуататорский характер под маской объективизма, коммунистическая идеология открыто провозглашает свою партийность — умение с четких классовых позиций оценивать общественные явления. Эта ее особенность не противоречит научности, а, напротив, предполагает последовательное и глубокое познание объективных закономерностей общественного процесса. Научная идеология пролетариата противостоит буржуазной идеологии. Она активна, наступательна. Последовательно выражая устремления и чаяния широких народных масс, коммунистическая идеология является мощным оружием революционного преобразования мира, утверждения идеалов справедливости, свободы и равенства, братства людей и наций.

В живой заинтересованности рабочих, колхозников и интеллигенции вопросами социальной жизни, идеологией марксизма-ленинизма просматривается примечательная особенность нашего времени — тяга к мировоззрению. Стремление к осмысленному и целостному миропониманию — одна из глубинных потребностей человека. Он старается воссоединить элементы своего социального опыта. Ему свойствен интенсивный запрос на развернутое, связанное, целеустремленное сознание. Только оно способно быть ориентиром общественной и индивидуальной жизни, обосновывать идеалы, выразить одухотворяющие истины.

К. Маркс вдохновенно говорил об идеях, которые «овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения...»¹. К ним, по словам великого ученого и политика, разум приковывает совесть. Это «узлы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца...»². Пафос нашего мировоззрения составляют идеи социального оптимизма, грандиозного коммунистического переустройства жизни.

По своему существу коммунистическое мировоззрение универсально и целостно. Ведь оно вобрало в себя и переработало вековые духовные сокровища, гуманистические устремления, чаяния и идеалы людей. Нашему мировоззрению чужд дух сектантства, узости, классовой ограниченности. Оно сложилось и окрепло на магистральных путях истории, в острых общественных коллизиях.

Социализм обеспечил господство в духовной жизни советского общества научного мировоззрения. Его основа — марксизм-ленинизм как цельная и стройная система философских, экономических и социально-политических взглядов. Коммунизм можно строить только на базе научного осмысления прошлого,

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 118.

² Там же.

глубокого анализа настоящего и предвидения будущего. Наше мировоззрение играет огромную революционно-преобразующую роль в современном мире. Оно несет народам идеи гуманизма, интернационализма, социальной справедливости. Поступательное движение советского народа к коммунизму умножает притягательную силу учения марксизма-ленинизма.

Истории известны крупные идейные движения, грандиозные религиозные обновленческие течения, эпохи общественных преобразований. Однако никогда за всю историю человечества идеи, убеждения и ценности людей не оказывали столь значительного воздействия на социальную практику как в наши дни. Передовые общественные идеи играют все возрастающую роль в социальной деятельности, в управлении социальными процессами, в мировом противоборстве двух противоположных общественных систем.

«Социализм, первоначально ставший действительностью в нашей стране,—отмечается в Программе КПСС,—превратился в мировую систему. В международном масштабе проверена практикой марксистско-ленинская теория построения нового общества, социализм утвердился на огромных пространствах Земли, дорогой созидания коммунистической цивилизации идут сотни миллионов людей. Все новые и новые народы отказывают капитализму в доверии, не хотят связывать с ним перспективы своего развития, настойчиво ищут и находят пути к социалистическому преобразованию своих стран»¹.

Молодому, устремленному в будущее миру социализма противостоит все еще сильный и опасный, но уже прошедший зенит своего развития эксплуататорский мир капитализма. Общий кризис капитализма углубляется. Неотвратимо сужается сфера его господства, становится все более очевидной его историческая обреченность. Разумеется, как отмечалось в Политическом докладе XXVII съезду КПСС, «и нынешний этап общего кризиса не несет с собой абсолютного застоя капитализма, не исключает возможностей роста его экономики, освоения новых научно-технических направлений»². Но капитализм, не располагая позитивными целями и ориентирами, выражающими интересы трудящихся масс, сталкивается ныне с небывалым переплетением, взаимоусилением всех групп его противоречий: между империализмом и развивающимися странами и народами; противоречий глобального масштаба, затрагивающих самые основы существования цивилизации.

Неотвратимо сужается сфера господства империализма, становится более очевидной его историческая обреченность. Диалектика социального развития такова, что те самые средства,

---

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. Принята XXVII съездом КПСС. М., 1986. С. 11.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 13.

которые капитализм пускает в ход с целью укрепления своих позиций, неминуемо ведут к обострению всех его глубинных противоречий. Никакие «модификации» и маневры современного капитализма не отменяют и не могут отменить законов истории, не могут устранить острый антагонизм между трудом и капиталом, между трудящимися и монополиями, вывести исторически обреченную капиталистическую систему из состояния всеохватывающего кризиса.

В Программе КПСС всесторонне и с позиций диалектики осмыслено основное содержание нашей эпохи: «Это эпоха перехода от капитализма к социализму и коммунизму, исторического соревнования двух мировых социально-политических систем, эпоха социалистических и национально-освободительных революций, крушения колониализма, эпоха борьбы главных движущих сил общественного развития — мирового социализма, рабочего и коммунистического движения, народов освободившихся государств, массовых демократических движений — против империализма, его политики агрессии и угнетения, за мир, демократию и социальный прогресс»¹.

В определении исторического соревнования двух мировых общественных систем этот процесс диалектически соотнесен с борьбой всех прогрессивных сил против империализма. Марксистское мировоззрение исходит из того, что капитализм, развиваясь, отрицает сам себя. Этот процесс отражает созревание и обострение классовых противоречий. Он несовместим с подталкиванием революции, но вместе с тем неразрывно связан с активизацией всех антиимпериалистических сил.

Противоборство двух общественных систем на современном этапе находит свое отражение в новых тенденциях, присущих идеологической борьбе. В Программе КПСС идеология современного капитализма охарактеризована как антигуманная, наносящая все больший ущерб духовному миру людей. «Культ индивидуализма, насилия и вседозволенности, — говорится в ней, — злобный антикоммунизм, эксплуатация культуры в качестве источника наживы ведут к насаждению бездуховности, к моральной деградации. Империализм породил массовую преступность и терроризм, захлестнувшие капиталистическое общество. Все более пагубной становится роль буржуазных средств массовой информации, одурманивающих сознание людей в интересах господствующего класса»².

Буржуазная идеология отражает интересы класса капиталистов, т. е. собственников основных средств производства (фабрик, заводов, железных дорог и т. д.). Буржуазия как класс возникла в недрах феодального общества и в течение столетий выдвигала идеи, в которых обосновывала право на

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. С. 22.

² Там же. С. 15.

свое политическое и экономическое господство. Большую роль в формировании буржуазной идеологии сыграли мыслители эпохи Просвещения, которые вели борьбу против церковно-феодальной идеологии. В период крутой ломки феодальных и становления капиталистических отношений складывались и получали распространение лозунги «свободы», «равенства» и «братства».

К. Маркс и Ф. Энгельс в процессе научного, историко-материалистического анализа раннебуржуазной идеологии показали, что лозунги, выдвинутые буржуазией, представляют собой, с одной стороны, определенные, исторически оправданные требования восходящего класса, с другой — политические фикции. В этом смысле «царство разума» было у просветителей не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, «вечная справедливость» реализовалась в куцей буржуазной юстиции, «равенство» свелось к формальному равноправию перед законом, а буржуазная собственность оказалась одним из самых существенных «прав человека», основой всех остальных его прав.

В конце XIX — начале XX в. капитализм вступил в свою последнюю стадию — империализм. Буржуазия окончательно превратилась в реакционную силу. Углубились и обострились социальные антагонизмы капиталистического общества. В этих условиях перед буржуазными идеологами встала задача оправдать существование капиталистической системы, показать ее жизнеспособность, сгладить лежащие в ее основе непримиримые противоречия, а с другой стороны, опорочить единственно научную марксистско-ленинскую, коммунистическую идеологию. Стержнем буржуазной идеологии стали антикоммунизм и антисоветизм.

Антикоммунизм — основное идейно-политическое оружие империализма в его борьбе против сил социализма, демократии и прогресса, против международного рабочего и коммунистического движения, против народов, отстаивающих свое национальное освобождение.

Элементы дустороннего социального знания, содержащиеся в раннебуржуазной идеологии, сменились откровенной апологетикой капиталистических отношений; при этом буржуазная идеология в целом переродилась в социальную мифологию. Широкое распространение получили мифы «буржуазного прогресса», «равенства», «процветания», «всеобщего благосостояния» и др.

Буржуазная идеология выступает как единое целое, когда речь идет о главных задачах — борьбе против коммунизма, об историческом оправдании и увековечении капитализма. Однако внутри нее существуют различные идейно-политические течения — либерализм, консерватизм и мелкобуржуазный радикализм. Либерализм как специфическое течение буржуазной идео-

логии берет начало от программы английских вигов конца XVII в. и идей французского Просвещения.

Основываясь на трудах Дж. Локка, А. Смита и Дж. Милля, либералы отстаивали мысль об индивидуальной автономии человека, вынашивали прогрессистские иллюзии. К середине 70-х годов XIX в. либеральное движение в Европе достигло наибольшего влияния и распространения, затем (особенно в период между двумя мировыми войнами) влияние либерализма резко упало. Современный либерализм переживает кризис. Идеи государственно-монополистического управления экономическими и социальными процессами, централизованной бюрократической власти, так же как и вера в прогресс, которые составляли основу либерального курса после второй мировой войны, находятся под сильным критическим обстрелом консерваторов и радикалов.

Консерватизм формировался как защитник традиционного общества, противник демократизации общественной жизни. На различных исторических этапах консерватизм приобретал различные оттенки и особенности. Наиболее реакционным и агрессивным крылом консерватизма является фашизм. В наши дни к консерватизму относятся неофашисты, «новые правые» и неоконсерваторы. Неоконсерватизм оформился в США и ряде других западноевропейских государств в 70-х годах XX в. Неоконсерваторы выступают с апологией безудержной частнопредпринимательской практики, с лозунгами «сильной власти» и т. д.

Мелкобуржуазный радикализм как течение отражает различные тенденции. В нем находят отражение движения анархического толка, поиски так называемой альтернативной цивилизации. Заметное место в нем занимают также экстремистские и террористические группы. Перечисленные течения отличаются друг от друга конкретными способами защиты капитализма, методами борьбы против коммунизма. Они отражают интересы различных слоев буржуазии. Однако все они свидетельствуют о том, что буржуазная идеология переживает сегодня острейший кризис, который она пытается преодолеть в процессе конфронтации коммунистической идеологии.

В Программе КПСС подчеркивается: «Острейшая борьба двух мировоззрений на международной арене отражает противоположность двух мировых систем — социализма и капитализма. КПСС видит свою задачу в том, чтобы нести народам правду о реальном социализме, внутренней и внешней политике Советского Союза, активно пропагандировать советский образ жизни, наступательно, аргументированно раскрывать антинародный, бесчеловечный характер империализма, его эксплуататорскую сущность. Она будет воспитывать у советских людей высокую политическую сознательность и бдитель-

ность, умение с четких классовых позиций оценивать общественные явления, отстаивать идеалы и духовные ценности социализма»¹.

§ 2. Роль теории в идеологической борьбе

В обстановке обострившейся борьбы за умы и сердца людей, идеологического противоборства двух систем наша партия считает необходимым всемерно повышать классовую закалку людей, их бдительность, вести бескомпромиссную борьбу с буржуазной идеологией, совершенствовать формы и методы контрпропаганды.

Ведущее место в идеологических размежеваниях принадлежит теоретической борьбе. В разгар революции 1905 г. В. И. Ленин писал о том, что «... нужно продуманное и твердое миросозерцание для того, чтобы социалист владел событиями, а не события владели им»². В. И. Ленин требовал, чтобы теоретическая борьба рассматривалась в соответствии с требованиями общественной жизни. По его словам, «... различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма», причем «... не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит преобладание интереса к той или другой стороне»³.

На фоне кризисных явлений, которые характеризуют сегодня буржуазную идеологию, особенно отчетливо выявляется творческий, животворный характер марксистского мировоззрения. Его сила — в постоянном развитии, обогащении новым историческим опытом. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что революционная теория — это не догма, а живое, творческое учение, черпающее свои силы из жизни, из общественной практики.

Научное обобщение богатейшего опыта практической деятельности, накопленного нашей партией, советским народом, придает огромное политическое и теоретическое значение принимаемым партией документам. Коммунизм можно успешно строить на базе научного осмысления прошлого, глубокого анализа настоящего и предвидения будущего. Таков ленинский завет — «... сделать основой нашей агитации и пропаганды — анализ ....»⁴.

Коммунистическая партия Советского Союза проявляет неустанную заботу о творческом развитии теоретической мысли. Это ярко отразилось в решениях XXVII съезда КПСС, в других партийных документах. Они не только нацеливают научные

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. С. 54—55.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 45.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 128.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 244.

кадры на теоретическую разработку назревших проблем общественного развития, но и сами содержат важнейшие теоретические положения и выводы. Поистине неocenимо идейное богатство Конституции СССР, новой редакции Программы КПСС.

Потребность в дальнейшей теоретической разработке теории на современном этапе коммунистического строительства не только не уменьшается, а становится все большей: XXVII съезд КПСС определил направления глубоких исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера, сосредоточив внимание партии, всего нашего народа на важнейших проблемах экономического и социально-политического развития советского общества. Формирование у советских людей коммунистического сознания требует неуклонного расширения и углубления идейного влияния партии на массы, всемерного совершенствования идеологической работы; при этом особо велико значение научного, марксистского мировоззрения. КПСС во всей своей деятельности исходит из того, что верность марксистско-ленинскому учению — в его творческом развитии на основе накопленного опыта. «Партия считает своей важнейшей обязанностью дальнейшее творческое развитие марксистско-ленинской теории на основе изучения и обобщения новых явлений в жизни советского общества, — отмечается в Программе КПСС, — учета опыта других стран социалистического содружества, мирового коммунистического, рабочего, национально-освободительного и демократического движений, анализа достижений естественных, технических и общественных наук»¹.

Особенно актуально звучит сегодня ленинское требование научного, марксистского подхода к осмыслению масштабных исторических перемен. Преимущество в марксистско-ленинской теории и политике отражает объективное единство мирового революционного процесса и взаимосвязь его различных отрядов. Мировое коммунистическое движение выступает в наши дни как самая влиятельная политическая сила современности, вооруженная передовой социальной теорией.

Теория научного коммунизма вобрала в себя передовые общественные концепции, критически переосмыслив их. Она дает широкую панораму истории, раскрывает место различных классов в общественном развитии. За последние годы марксистско-ленинская идеология обогатилась ценными положениями и выводами. Разработка концепции социализма, социально-экономического ускорения, роли человеческого фактора в динамике социального прогресса, положений о важнейших тенденциях международной жизни и новом политическом мышле-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. С. 52.

нии — эти и другие теоретические обобщения вооружают партию научно обоснованным, взвешенным подходом к актуальным проблемам современности.

Однако КПСС ставит новые задачи в области разработки теории. «Нельзя уйти от факта, что наш философский и экономический фронт,— говорил в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии М. С. Горбачев,— да и обществоведение в целом находятся в состоянии, я бы сказал, известной отдаленности от запросов жизни»¹. И далее: «Атмосфера творчества, которую партия утверждает во всех областях жизни, особенно плодотворна для общественных наук. Мы надеемся, что она будет активно использована нашими экономистами и философами, юристами и социологами, историками и литературоведами для смелой, инициативной постановки новых проблем, для их творческой теоретической разработки»².

Буржуазная пропаганда противопоставляет теории научного коммунизма концепции, в которых пытается представить альтернативные пути развития современного мира, показать вечность капитализма как общественной системы, «доказать» несостоятельность марксизма-ленинизма. Теоретические, идейные столкновения ведутся сегодня по таким вопросам, как будущее человечества, научно-технический прогресс и его следствия, проблемы войны и мира.

Стремление применять насилие несомненно составляет сегодня фундаментальную особенность действий антикоммунистов. С особым ожесточением ультрареакционные силы империализма выступают на этом пути с начала 80-х годов, объявив «крестовый поход» против социализма. Резко активизируются они в борьбе против национально-освободительных движений, нередко переходя к неприкрытой вооруженной агрессии. Вместе с тем современный антикоммунизм стремится широко проявить себя и в идеологической сфере. Насильственные акции он пытается дополнять различными способами идеологического давления, внедрением своих подходов к общественным явлениям во все формы классового противоборства: экономического, политического и идеологического.

Это не может пройти мимо внимания коммунистов, которые руководствуются ленинскими положениями о необходимости анализа «господствующих или наиболее распространенных или наиболее вредных для демократии и для социализма идейно-политических течений...»³, о систематичности и последовательности в разоблачении действий классового противника.

Борьба буржуазного и коммунистического мировоззрений в нынешних условиях приобретает новые оттенки. Объясняется

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 85.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 357.

это тем, что в рамках буржуазной идеологии все большее место занимают самые реакционные, разрабатываемые исключительно с антикоммунистических позиций концепции современного общественного развития. Этот процесс стимулирует попытки антикоммунистов сформулировать некую философию истории, которая смогла бы как-нибудь объяснить происходящие в мире изменения в выгодном для них свете. Она старается дать обоснование политики капитализма, организовать «теоретическое» наступление на социализм, используя в массовой пропаганде «последнее слово науки» для манипулирования сознанием масс. Делается ставка на то, чтобы конкретные акции империализма опирались на солидный идейный багаж, имели основательную теоретическую «проработку».

Теоретическая деятельность антикоммунистов выполняет, таким образом, многообразные функции. Империалистические круги заинтересованы в получении от своих научных служб определенных сведений о социализме, о реальных противоречиях общественного развития. Данные экспертного анализа, точные или искаженные, активно используются для корректировки курса и организации более эффективной борьбы с социалистическим миром.

Следовательно, идеология антикоммунизма разрабатывается с явным расчетом предостеречь монополистические круги буржуазного класса от грубых просчетов. Вместе с тем, обращаясь к населению капиталистических стран, антикоммунизм пытается укрепить свои политические позиции на основе совсем иных подходов. Их порождает жгучая потребность империалистических сил создать такой образ социализма, который оттолкнет массы. С этой целью не только на буржуазном Западе, но и в так называемом третьем мире мобилизуются различные течения мысли, содержащие антикоммунистические настроения.

Идеологическая активность антикоммунистов объективно обусловлена. Если в 60—70-е годы буржуазные политики проводили в жизнь определенные установки, лишь ограниченно прибегая к их развернутому идеологическому обоснованию, то современный антикоммунизм стремится «обогатить» используемый ими идеологический арсенал, с тем чтобы оправдать свой политический курс в глазах широкой общественности. Все это делается, чтобы идеологически обеспечить агрессивный курс империализма, его авантюристические попытки остановить революционные, освободительные процессы в мире. Вот почему антикоммунизм 80-х годов столь настойчиво обращается к арсеналу теоретических спекуляций.

Поскольку общий характер идейных процессов в буржуазном обществе складывается под знаком насильственных методов борьбы против прогрессивных сил, это накладывает отпечаток и на теоретические концепции, на весь строй мышления антикоммунистов. Оно становится агрессивнее. Вместе с тем

все сильнее проявляются его логические и методологические просчеты и неувязки в теоретических констатациях, все чаще аргументация подменяется изложением примитивных социальных мифов:

Многочисленные социальные концепции, требующие критического разбора со стороны марксистов, возникают на гребне так называемой реидеологизаторской волны. Самый общий смысл «реидеологизации» состоит в возрождении идеологии, усилении ее роли в современном мире. Конкретизируя это положение, буржуазные исследователи демонстрируют пестрый набор различных, зачастую противоречивых и направленных друг против друга интерпретаций.

Откровенные апологеты капитализма, ведущие поборники «реидеологизации» (Р. Арон, О. Лемберг, Р. Низбет и др.) широковещательно и громогласно объявили, что в современном мире происходит якобы бурное «обновление духа», обнаружены и задействованы дремавшие до сей поры мировоззренческие ресурсы, укрепляется утраченная в минувшие десятилетия вера в мобилизационную мощь идеологии и империализма. «Реидеологизация» понимается как развернувшееся уже сегодня массовое приобщение широких слоев населения к идеалам и ценностям буржуазного общества, подвергшимся опасностям со стороны безответственных «левых» мыслителей¹.

«Начинается новый идеологический век»², — заявляет французский социолог Р. Арон. Западногерманский проповедник «реидеологизации» О. Лемберг предостерегает против односторонней критики «мифологического сознания» (так он именует идеологию), подчеркивая, что люди испытывают трудноутолимую потребность в идеологии, в спасительной вере. Идеи творят историю, сдвигают горы³, умозаключает он. Американский идеолог Р. Низбет, полемизируя с «социальными критиками», т. е. с теми, кто, напуганный размахом антиимпериалистических движений, поставил под сомнение традиционные буржуазные ориентации, утверждает, что капитализм будто бы обладает множеством неоспоримых преимуществ перед любой иной социально-экономической системой. Об этом свидетельствует, по его мнению, и присущий данному строю неисчерпаемый духовный потенциал⁴.

Более осмотрительные буржуазные теоретики «реидеологизации» придерживаются несколько иной точки зрения. Они полагают, что процесс «реидеологизации» еще только начался,

¹ См.: Гранов В. Д., Гуревич П. С., Семченко А. Т. В поисках духовной опоры. Общеполитические и международные аспекты буржуазных концепций «реидеологизации». М., 1981.

² Aron R. Remarques sur le nouvel âge idéologique. P., 1973. № 9. P. 20.

³ См.: Lemberg E. Antropologie der ideologischen Systeme. Wienheim, 1977.

⁴ См.: Nisbet R. Three values and their modern perversion//The St. Croix review. Stillwater (Minn). 1978. Vol. II. № 5. P. 23.

он находится у самых истоков¹. Успешному развитию данного процесса может содействовать некоторая критика капитализма, стремление придать ему более четко выраженные «неоконсервативные» (Д. Белл), «неолиберальные» (Д. Уилхелм) или умеренно радикальные очертания (Ж. Ламетр).

Идеологи этой ориентации готовы порассуждать о том, в каком идейном и культурном тупике находится буржуазный Запад, о нынешнем мировоззренческом «вакууме», об упадке веры и т. д. Однако эти констатации нужны им вовсе не для того, чтобы изоблачить отживший социальный строй. Напротив, они убеждены, что судьбы империализма зависят от того, насколько успешно будут осознаны и затем устранены негативные процессы, мешающие разворачиванию «реидеологизации», которая как раз и предполагает привнесение новых ценностей, соответствующих динамике современного мира.

Общий обзор «реидеологизаторских» тенденций буржуазного Запада показывает, что исследователи-марксисты имеют дело с устойчивым идейным феноменом последнего десятилетия, затронувшим различные области современного мироощущения конкретных социальных слоев и классов в капиталистических странах. Панорама этих умонастроений, как они обозначены теми или иными западными теоретиками, не воссоздает целостной картины общественного сознания Запада, а лишь порождает дополнительные вопросы, требующие критического анализа.

Что же такое «реидеологизация»? Отражает ли она некие реальные закономерности духовной жизни буржуазного мира или является очередным мифом буржуазного сознания? Буржуазные авторы, как мы видели, сами указывают на кризис духа, на крушение веры, на мировоззренческий «вакуум» и «эрозию» сознания. Но может ли отсылка к кризисным явлениям свидетельствовать о необходимости «реидеологизации», невесть как замещающей «интеллектуальную пустыню»? Наконец, не отражена ли в новой концепции потребность в идеологии, могущей на деле сплотить помыслы людей, направить их жизненную энергию в созидательное русло, возродит моральный пафос, открытый взгляд на исторические процессы, чувствительность к острым проблемам, которые были присущи мировоззрению мыслителей эпохи становления буржуазного общества? Может быть, модный термин «реидеологизация» отражает специфическую «революцию надежды» (Э. Фромм)?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо прежде всего отметить некоторые общие черты, свойственные различным «реидеологизаторским» исканиям, а затем рассмотреть их сущность. На протяжении нескольких десятилетий антикоммунисты,

---

¹ См.: *Debray R. Le scribe: Genèse du politique. P., 1980; Rosenau J. The study of political adaption. N. Y., 1981.*

в том числе «патриарх» западноевропейского антикоммунизма французский социолог Р. Арон и его не менее известные американские коллеги С. Липсет, Э. Шилз, А. Шлезингер-младший, утверждали, что в современном мире всякая идеология якобы утратила свое значение. Эта идея фигурировала в виде модной в те годы концепции «деидеологизации». Но с середины 70-х годов назревает иная тенденция. Поборники «деидеологизации» вынуждены признать свое банкротство. И здесь произошло нечто парадоксальное. Те же самые теоретики, которые рассуждали о процессах «деидеологизации», теперь стали развивать модную концепцию «реидеологизации».

Освоив их терминологию, антикоммунисты призывают «усилить идеологию», более широко разрабатывать социальные мифы, не отказываются они и от намеченных фальсификаций. Именно такую доктрину «реидеологизации» активно берут на вооружение многие направления буржуазной и мелкобуржуазной мысли, и в первую очередь ее резко антикоммунистические течения. Идеологи империализма пытаются соединить доктрины, направленные против социализма, в нечто целостное, мобилизовать разрозненные духовные силы буржуазного общества на борьбу с марксистско-ленинским мировоззрением. Это отражается прежде всего в идеологическом обосновании различных акций империализма.

На протяжении двух столетий, например, американский народ воспитывался в духе «исторического мессианства». Его убеждали в том, что американцы призваны построить «лучший из миров», а Европа, не говоря уже о других регионах земного шара, будет вынуждена догонять стремительную Америку. В массовом сознании укреплялось убеждение, что именно США в противовес остальному миру могут стать истинным проводником религиозных и гражданских свобод, воплотить в жизнь «священные заветы» библейских и буржуазных пророков.

Однако историческая практика вступила в противоречие с этим мифом. Социалистические страны развиваются более динамично; экономическая и социальная жизнь капитализма также опровергает легенду об историческом предназначении Америки. Казалось бы, эта легенда должна развеяться. Но именно сегодня она обретает развернутое идеологическое обрамление. Речь теперь идет о том, что все народы мира, дескать, переживают вчерашний и позавчерашний день Соединенных Штатов. Именно США призваны будто бы исправить едва ли не «запутавшую» историю, следить за тем, чтобы она шла по удобной им магистрали. Миф об «особой миссии» Америки, который развивали многие, в том числе такие буржуазные теоретики, как американский историк Дж. Робертсон¹ и

---

¹ См.: *Robertson J. O. American Myth, American Reality. N. Y., 1980.*

французский исследователь Ж.-А. Астр¹, усиленно разрабатывается антикоммунистами. Об этом неустанно твердит небезызвестный З. Бжезинский, а также такие американские идеологи, как Д. Бурстин, который утверждает, что якобы «американская история, если сравнивать ее с историей Западной Европы», движется «в пять раз быстрее². О стремительном продвижении США по пути компьютеризации пишут сейчас многие западные теоретики³.

Империализм издавна оказывал культурный нажим на другие страны. Он создал специальную индустрию воздействия на сознание масс, с помощью которой стремился вытеснить национальную культуру, внедрить в сознание других народов стереотипы и образцы так называемой массовой культуры. В наши дни эта практика подкрепляется различными культурологическими концепциями. Именно на этой основе антикоммунисты пытаются доказать, что ныне происходит будто бы неотвратимый процесс создания некоей «планетарной» сверхкультуры. Она оценивается как результат растворения локальных, национальных общностей и создания космополитических ценностей по американскому образцу. По сути, эта концепция обосновывает тотальную американизацию культуры. При этом антикоммунизм рассматривает социальное развитие как процесс культурной экспансии, постепенного «растекания» американских ценностей по всему миру, и прежде всего по западно-европейским странам.

Культурно-идеологическое обоснование «американизации» мира имеет конкретные социально-политические цели. Империализм США и его идеологи в своих экспансионистских замыслах строят расчеты на стратегии превращения корпорации американских миллиардеров в глобальные, а Белого дома — в резиденцию негласного мирового правительства. В перспективе планируется господство над всем миром, американизация земного шара.

Космополитические тенденции особенно ощутимы в работах «новых философов» Франции (А. Глюксман, Б.-А. Леви, М. Клавель), которые с 1976 г. выступают с критикой «консервативных компонентов» культуры, провозглашая при этом антимарксистские, антикоммунистические взгляды. В книге «Французская идеология» Б.-А. Леви, например, подвергаются критике все попытки «отстоять» национальную культуру⁴. Объективно его исследование служит теоретическим оправданием интереса космополитических слоев буржуазного мира, транснациональных корпораций. Этому служат попытки антикоммунистов

¹ См.: *Astre J. A. Situation de l'ideologie aux USA. P., 1980.*

² См.: *Boorstin D. The republic of technology. N. Y., 1978. P. 43.*

³ См.: *Toffler A. Previews and Premises. Toronto. N. Y., L., 1983.*

⁴ См.: *Lévy B.-H. L'ideologie française. Paris, 1981.*

априорно развенчать идеи патриотизма, уникальности национальных культур.

Такое реальное содержание рекламируемой буржуазными кругами «реидеологизаторской волны». В ее многообразном идейном материале видно стремление идеологов антикоммунизма оказать поддержку правящим кругам капиталистического Запада, которым становится все труднее перехватывать политическую инициативу без разработки новых концепций.

§ 3. Многоликость антикоммунизма

Антикоммунизм многолик. Будучи концентрированным выражением политики империализма в целом, его реакционных сил, и прежде всего промышленной, финансовой олигархии, антикоммунизм распадается на множество направлений и разновидностей. В какой же мере можно говорить об этом идейно-политическом явлении как относительно целостной системе взглядов?

Понятие «антикоммунизм» традиционно включает в себя три компонента: теории, направленные против научного коммунизма; государственную деятельность, призванную подавлять коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движения; ретроградные представления и реакционные стереотипы, фигурирующие в массовом сознании. Как единое целое он выступает против марксистско-ленинского учения, за увековечение капитализма. Но среди антикоммунистических идейных течений наблюдаются разногласия во мнениях о конкретных способах защиты капитализма, методах противодействия коммунистическому движению и социалистическим странам. Различные буржуазные идейно-политические течения — неоконсерватизм, либерализм и мелкобуржуазный радикализм выступают со специфическими концепциями, своеобразной аргументацией.

Тот факт, что буржуазная идеология является ареной ожесточенных идейных конфликтов и в ней усиливается поляризация течений, которые соперничают между собой, объясняется противоречиями капитализма и присущими ему классово-политическими коллизиями. Но спор тут, по существу, идет о том, кто эффективнее борется против социализма. В конечном счете выбор тех или иных концептуальных подходов определяет конкретные возможности их использования. В условиях общего и крайнего острого кризиса капитализма каждое идейное направление стремится доказать, что именно оно может спасти буржуазную систему, указать верные пути и рецепты для дискредитации нового общества. Антикоммунисты нередко критикуют друг друга, обвиняя представителей родственных ориентаций в неэффективности применяемых ими форм борьбы.

В результате этой внутренней противоречивости, которая присуща буржуазному сознанию, происходит вполне реальный

процесс поляризации воззрений, верований, умонастроений и различных идейных веяний. Многие буржуазные социологи, оценивая эту ситуацию, придают ей апологетическое освещение. Они говорят не о подорванности идеологии капитализма, а о ее вхождении в новую фазу. Эти исследователи все еще рассматривают данную мозаику как неопровержимое и веское свидетельство духовного изобилия, идейного плюрализма, мировоззренческих исканий и т. д. Делается попытка внедрить мысль, что требование единства идеологии есть некий анахронизм.

Наглядным примером такого подхода к проблеме может служить миф о «взрыве идеологий», рожденный в недрах либерального сознания. Многие западные теоретики, в том числе Р. Лилиенфельд, Ф. Хаек, Х. Хольц и другие, полагают, что некогда прежде капиталистическое общество не знало столь мощного взлета самых различных духовных состояний, как ныне. Разорванность буржуазного сознания, сумятицу воззрений они оценивают как многообразие духовной жизни, обуславливающее неисчерпаемое богатство социального поведения.

Либеральные мыслители утверждают, что некогда полные и развернутые системы взглядов претерпевают сегодня определенные мутации, в результате которых появляются самые невероятные комплексы идей. По их мнению, «взрыв мировоззрений» — это неудержимый рост идей, теорий, концепций, претендующих на управление человеком и обществом. Только догматики, утверждают социологи этой ориентации, могут говорить о буржуазной идеологии как о едином понятии. На самом деле в капиталистическом обществе постоянно сменяют друг друга и борются между собой буржуазный гуманизм, либерализм, национализм, прагматизм, иррационализм, скептицизм и другие идейные направления.

Идеология буржуазного общества, как уже отмечалось, действительно чрезвычайно пестра и противоречива. В ней находят место не только различные общественно-политические умонастроения, но и всякого рода идейные брожения — от «контркультуры» до увлечения мистицизмом, от богоискательства до нудизма. Все эти духовные веяния образуют причудливую панораму неожиданных, нередко курьезных и гротескных жизненных ориентаций.

Западные исследователи, характеризуя то или иное идейное поветрие, стали теперь все чаще пользоваться словом «идеология». Они много говорят и пишут об идеологии индустриализма, бизнеса, досуга, гедонизма, футуризма и т. д. В чем смысл этой тенденции? Приверженцы либеральной версии «реидеологизации» хотят создать впечатление, будто прежние описания идеологии как ложного, галлюцинаторного сознания не соответствует современным социологическим представлениям. Любое умонастроение, если оно поддерживает чью-то веру и

служит ориентиром поведения, имеет право на существование и может быть квалифицировано как своеобразная идеология.

Западные теоретики демагогически доказывают, будто многие современные идеологи пропитаны духом антибуржуазности, исповедуют более широкие по своему первоначальному пафосу антропологические, исходящие из предназначения человека, гуманистические и футурологические, т. е. прогностические, идеи. Таким образом, исследователи данной ориентации пытаются низвести идеологическую борьбу до уровня частного аспекта плюралистической картины общественного сознания современного мира.

В связи с этим возникает методологический вопрос о том, в какой мере можно говорить о конкретных умонастроениях капиталистического мира как о специфических идеологиях. Советские исследователи уже отметили, что в марксистской литературе термин «идеология» употребляется и для характеристики взглядов части того или иного класса. Говорится, например, об идеологии фашизма, либеральной идеологии и т. д.¹

Термин «идеология» в марксистской литературе служит обозначением мировоззрения того или иного класса. Но при более конкретном социологическом анализе возникает потребность обрисовать оттенки, стороны мировоззрения различных отрядов господствующего или угнетенного класса. Так, В. И. Ленин говорил о «веховстве» как идеологии контрреволюционной либеральной буржуазии². Отмечая раздробленность рабочего класса «между несколькими идеологиями»³, В. И. Ленин употребляет такие понятия, как идеология оппортунизма, ревизионизма, анархо-синдикализма⁴.

Термин «идеология» используется в марксистской литературе и для характеристики различных идейных течений, имеющих классовое содержание. В. И. Ленин, в частности, писал об идеологии национализма⁵, народничества⁶, толстовства⁷, существующих, однако, не автономно, а в контексте острой идеологической борьбы антагонистических классов.

При рассмотрении либеральных спекуляций о «взрыве идеологии» сохраняют свою методологическую значимость ленинские мысли о том, что в современном мире существуют только две идеологии — буржуазная и социалистическая. Третьей, внеклассовой или надклассовой, идеологии в классовом обществе нет и не может быть. Ее человечество не выработало и не может выработать. Социалистическая и буржуазная идеологии

¹ См.: В лабиринтах буржуазного сознания. М., 1978. С. 14.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 357.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 41.

⁴ См. там же.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 325.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 50.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 213.

принципиально непримиримы между собой, поэтому всякое умаление социалистической идеологии означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Эти закономерности подтверждены более чем полуторавековым опытом борьбы между социалистической и буржуазной идеологиями.

Разумеется, подкрепивая эту основную методологическую посылку, исследователи-марксисты проявляют интерес к социологическому анализу той идейной пестроты, которая характеризует сегодня буржуазное сознание. Они показывают, в чем реальная природа этой мозаичности.

Буржуазное ограниченное мышление усматривает в ней проявление «свободы духа». Однако с точки зрения классового подхода в данном случае речь идет о разновидностях классовой идеологии, представляющих интересы различных отрядов буржуазии.

Буржуазная идеология складывалась веками. Поэтому в ее арсенале можно обнаружить различные веяния, отражающие те или иные идеологические настроения, не только апологетические, но и социально-критические комплексы идей, которые сторонники либеральной версии «реидеологизации» подают как «новую идеологию», противостоящую якобы казенно-академическому мышлению прошлого.

Действительно, между взглядами апологетов и критиков немало различий. Первые утверждают веру в науку и технику как носителей прогресса, в буржуазное государство, способное якобы решать все общественные проблемы. Вторые, напротив, выступают против технической цивилизации, против истеблишмента, поработившего индивида.

Однако между апологетами и критиками обнаруживается внутреннее родство. И те и другие исходят из убеждения, будто буржуазные ценности незыблемы, неустранимы. В этом смысле многие представители буржуазной социально-критической мысли вроде Г. Маркузе, выступая против официальных буржуазных доктрин, объективно укрепляли в сознании масс миф об успешности интеграционных мероприятий капитализма.

Так выявляется общая основа, свидетельствующая о том, что мы имеем дело с буржуазным мировоззрением, объективно содействующим укреплению капиталистического порядка вещей. «Гуманизм», «критицизм», «нигилизм» не представляют собой отдельных, вполне автономных идеологий, как это утверждают западные исследователи, они характеризуют лишь оттенки буржуазной идеологии, ее отдельные стороны.

Не подлежит сомнению тот факт, что современная «технократическая идеология» обнаруживает безразличие к внутренним запросам личности, к ее индивидуальной жизни. Она по самой своей сути лишена человеческого измерения. Естественно, такой подход к социальным проблемам вызывает встречную реакцию. Многие буржуазные мыслители выступают про-

тив идеально спроектированного порядка, где нет места человеческой индивидуальности, стихийности, уникальности.

Эти теоретики указывают на то, что внутренний мир личности богаче. Человек не хочет быть анонимным придатком машины. Он выступает против технократической утопии во всеоружии своих запросов, индивидуальных потребностей и переживаний. Социальные критики улавливают эти настроения и создают специфическую идеологию, направленную против психологии индустриализма. Но означает ли это, что внутри буржуазного сознания складывается «новая идеология», сам факт появления которой подтверждает мысль о «взрыве мировоззрений»?

Нет, такой вывод был бы неверным. Во-первых, апелляции к гуманизму возникли не сегодня. К. Маркс давно уже подметил и описал раздвоенность буржуазного сознания. Ведь капиталистическое развитие не в состоянии обеспечить полного расцвета человеческих задатков, содействовать раскрытию внутреннего потенциала личности. Поэтому как естественная реакция в буржуазном мироощущении возникает тоска по иным ценностям, созвучным индивидуальным устремлениям. Там, где господствует прагматический расчет, неизбежно отбрасывается и тень этих принципов — романтическая критика капитализма.

Однако социальные критики, выдвигая разностороннюю личностную проблематику, не могут сформулировать сколь угодно последовательной программы, содействующей реализации социального идеала. Они остаются в рамках буржуазного сознания, разделяя его предрассудки и суеверия. Поэтому романтический подход к общественным процессам, по словам К. Маркса, будет «сопровождать буржуазный взгляд вплоть до его блаженной кончины»¹.

«Рассогласование» буржуазного сознания вовсе не свидетельствует о том, что оно раздробилось на автономные идеологии — гуманистического, нигилистического или апокалипсического (т. е. предрекающего конец света) характера. При оценке новых миссионерских воззрений, которыми так богата современная идеологическая практика капиталистического мира, важно учитывать, что многочисленные комплексы идей, о которых толкуют либеральные «реидеологизаторы», не выходят за пределы буржуазного мирозерцания, не отвергают частной собственности, а следовательно, стоят на почве капитализма. Вот почему разнообразные попытки современных «реидеологизаторов» создать новые идеологии представляют собой не что иное, как иллюзии.

Однако либеральная версия реидеологизации не исчерпывается мифом о «взрыве идеологий». В то время как некоторые теоретики вроде Х. Хольца приветствуют «распыление

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 106.

идеологий», возникновение новых воззрений, другие исследователи полагают, что автономные идеологии, которые носят фрагментарный характер, должны слиться в нечто целостное. Преодоление партикуляризма, по их мнению, ведет к рождению «тотальной идеологии», свободной от догматизма, узости мышления, односторонности социальной позиции заангажированного идеолога.

Вообще призывы к созданию универсальной идеологии поддерживаются представителями самых различных философских и социологических течений. Всех их объединяет попытка синтезировать различные подходы к общественным процессам, якобы позволяющая вывести анализ на новый уровень обобщения, представить идеологию в качестве некоего всеобъемлющего духовного образования.

Буржуазные реидеологизаторы упускают при этом, что действительная идейная инициатива, мировоззренческое богатство возникают у народов в ходе социально-исторического опыта, а не в результате академической систематизации накопленных сведений. Передовое, прогрессивное мировоззрение несомненно имеет различные источники социального познания. Вместе с тем В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, какую роль в выработке целостного научного представления о реальности играет революционная практика, направленная на построение нового общества.

Углубление кризисных явлений капитализма — вполне объективный процесс. Сторонники же либерально-глобалистской версии реидеологизации предпочитают искать выход из этих противоречий в духовной сфере. Они убеждены в том, что возможен некий планетарный взгляд на закономерности социального развития. Достичь его якобы можно лишь путем синтеза различных воззрений. Поэтому современные либералы благосклонно относятся к различным религиозным веяниям. Они призывают соединить идеологию с религией, выявить некоторые общие позиции, присущие политической теологии и прочим религиозным исканиям. Идеология будущего мыслится, таким образом, как «конвергенция», т. е. как схождение разных, в том числе противоположных, воззрений. Но как выработать единую идеологию, когда сам господствующий класс расколот на соперничающие слои, политические группировки, «социальные элиты»? Как устранить возрастающую поляризацию буржуазных идеологических течений? Сторонники либерально-глобалистской версии реидеологизации впадают в абстрактное проповедничество, обращенное к идеологам различных ориентаций, которых призывают стремительно двинуться навстречу друг другу, соединить свои духовные и нравственные усилия.

Своеобразную «конкуренцию» буржуазных теоретических построений можно увидеть на примере нынешнего обострившегося противоборства между неоконсервативной и неолибе-

ральной ориентациями в антикоммунизме. Широкое распространение на Западе получила его неоконсервативная версия. Наибольшим влиянием в официальных, государственно-монополистических кругах пользуются социальные консерваторы — З. Бжезинский, Д. Белл, Р. Низбет¹ в США, Г. Кальтенбруннер в ФРГ и др. Они опасливо относятся к идее социального прогресса, нередко склоняются к антипрогрессистским позициям. Однако неоконсерваторы принимают технологические и экономические новшества, призванные, по их мнению, усилить капитализм и обеспечить его превосходство над социализмом. В поисках выхода из современного кризиса они пытаются разрабатывать теоретические схемы, которые, как им кажется, формируют более надежную основу экономической политики империализма.

Отсюда возникают претенциозные понятия «рейганомика», экономическая политика «тэтчеризма», которые под предлогом якобы оздоравливающего влияния «игры рыночных сил», по сути, всего лишь стимулируют рост военных расходов. Социальную сущность неоконсерватизма ясно характеризуют такие основы «рейганомики», как освобождение от налогового бремени «экономических активистов», которые представляют собой, по словам французского экономиста Г. Сормана, капиталистическую элиту и «творцов богатства»¹. Сентенции Рейгана относительно того, что «достаточно каждому предоставить возможность работать свободно, чтобы возродить американскую мечту», утверждения теоретиков «рейганомики», будто «деньги богатых в конечном итоге составляют счастье бедных»², практически ведут лишь к тому, что богатые становятся богаче, а бедные — беднее. Вместо решения насущных хозяйственных и социальных проблем это только обостряет кризисное состояние мировой капиталистической экономики. Поэтому неизбежной целью неоконсерваторов становится модернизация их идеологического аппарата как пропагандистского инструмента защиты капитализма в условиях, когда социалистическая система стала определяющей силой дальнейшего развития мировой истории.

Эти теоретики окружают ореолом подвижничества проявления индивидуального предпринимательства, готовность к соперничеству, подвергают резкой критике принцип коллективизма. Свободный рынок и ограничение власти государства они рассматривают как необходимое условие для реализации целей, которые ставит перед собой отдельный индивид. Идеологи неоконсерватизма «обосновывают» курс на обострение международной напряженности и осуществление агрессивных акций империализма, ратуют за повсеместное «сокрушение» социализма и всех «непокорных» посредством разного рода бойкотов

¹ *Sorman G. La révolution conservatrice américaine. Fayard, 1983. P. 203—204.*

² *Ibid.*

и военного нажима. А в отношении стран так называемого третьего мира они оправдывают политику прямых авантур, проявляют враждебность к любому инакомыслию, отвергают прогрессивные, модернистские веяния в религиях и культурах.

Таким образом, мы видим, что неоконсерваторы предлагают более осложненную версию «реидеологизации». В отличие от либералов они не верят в возможность относительно плавного преобразования разрозненных взглядов в «глобальную идеологию», которая будто бы явится результатом «чудесного сплава» различных мировоззрений. Неоконсерваторы отвергают такую терпимость, проповедуют идейную агрессивность. По их мнению, «возрождение духа» возможно лишь на путях критической переоценки сложившихся ценностей, решительного и радикального разрыва с устоявшимися социальными воззрениями.

Спасение от революционных бурь и социальных катаклизмов консерваторы видят не в появлении новых идей, а в возврате к идеалам давно ушедшего «золотого века» капитализма. Однако возврат должен сопровождаться пересмотром прежних ценностей. Такие ориентиры прошлого, как «порядок», «авторитет», приверженцы неоконсерватизма решительно поддерживают. То же самое относится к принципу «свободы индивида», священным фундаментом которого остается, разумеется, «свобода собственности». Зато другие лозунги восходящего капитализма, такие, как «прогресс и равноправие», решительно отвергаются. Неоконсервативная реидеологизация не мирится даже со словесным признанием прогресса и равенства граждан в буржуазном обществе.

Оказавшись перед фактом крушения многих буржуазных идеологических течений, неоконсерваторы испытывают недоверие к идеологии как к системе идей. Они подчеркивают, что их собственное течение не представляет целостного, развернутого учения. Так, например, неоконсерватор Х. Дитц утверждает, что идеология неоконсерватизма — это скорее жизненная позиция, проявление потребности противостоять непредвиденным факторам, идейным колебаниям, мятежным настроениям, нежели самостоятельное мировоззрение.

Будучи достаточно знакомы с кухней буржуазной политики, неоконсерваторы отдают себе отчет в том, что многие их установки, продиктованные «злостью дня», могут впоследствии оказаться непригодными с точки зрения их собственных интересов. К тому же они не могут избавиться от противоречий в принципах, программных подходах. Например, выступая против прогресса, они считают возможным и даже необходимым поставить на службу интересам своего класса достижения научно-технической революции. Но это не укладывается в стройную

¹ См.: Conservatism international. Stuttgart, 1973.

идеологическую систему, вынуждает к бесконечным исправлениям, оговоркам и т. д. Отсюда туманный, непоследовательный, противоречивый характер их идеологических построений, выступления против идеологии как целостного комплекса идей. Такого рода расплывчатость принципов, основополагающих теоретических позиций рассматривается как дополнительная возможность для идеологического маневрирования.

Вот почему в 80-е годы стали выявляться кризисные процессы внутри неоконсервативной версии антикоммунизма. Прежде всего обнаружилась несостоятельность предлагаемых ее авторами экономических программ. Неоконсерватизм терпит поражение также из-за непопулярности среди широких масс проводимого им милитаристского курса. Бремя военных расходов в результате безудержной гонки вооружений, усиление влияния военно-промышленного комплекса, как и разгул шовинистической пропаганды, вызывают недовольство широких групп населения. Отсюда возникает стремление неоконсерваторов к определенной модернизации антикоммунизма, когда его наиболее одиозные установки дополняются демагогическими призывами к миру, «демократическому» решению социально-политических противоречий и т. п.

Наряду с нарастанием указанных тенденций в последние годы начинает проявляться своеобразная контртенденция, усиливающая позиции неолиберальной версии. Ее представители, среди которых особое влияние приобретают американские социологи Д. Бурстин, О. Тоффлер, Н. Барри и другие, ищут иных альтернатив социализму, обращаясь к технократическим идеям.

После многочисленных пророчеств по поводу гибели «технической цивилизации», пропаганды современного апокалипсиса в индустриальных капиталистических странах вновь возродились технократические иллюзии. На этот раз они связаны с «коммуникационно-компьютерной революцией». Широкое проникновение коммуникационной и компьютерной техники в экономическую и социальную жизнь Запада в середине 70-х — начале 80-х годов, появление специфической отрасли знания — информатики («телематики») — оживили технократическую утопию.

В отличие от неоконсерваторов реформисты и либералы верят в возможность стремительного технического обновления мира на базе государственно-монополистической организации. Они полагают, что не столько экономические, сколько в первую очередь политические механизмы, совместная выработка направлений развития различными буржуазными правительствами смогут обеспечить рост благосостояния при капитализме, и надеются, что «компьютерное общество» завтрашнего дня поможет решить проблемы, которые оказались непосильными для неоконсерваторов. В частности, автоматы, подключенные

к «банкам информации», возьмут на себя функции управления. «Анархокапитализм», о котором говорили неоконсерваторы, сменится четко организованным обществом. Частная инициатива в нем будет сочетаться с продуманным регулированием производства и распределения.

С помощью «компьютеризации», по мнению неолибералов, капитализм станет более мобильным, гибким, нежели социализм. Политическая система социализма, как они полагают, не приспособлена к столь радикальным нововведениям. Она будет якобы сопротивляться последовательной компьютеризации. Это, мол, и обеспечит преимущество капитализма в соревновании с социализмом.

Интерес к исторической перспективе выражается также в появлении множества «сценариев» и «прогнозов», по которым, как полагают их авторы, может осуществляться развитие человечества. Прогностический бум, бурный расцвет социального утопизма также наглядно показывают, что нынешний антикоммунизм пытается сформулировать свою широкую мировоззренческую концепцию общественной жизни.

Буржуазная философия истории отвергает представления об объективности и связности исторического процесса. Отрекаясь от объективных критериев и оснований исторического развития, буржуазные исследователи стали еще чаще, чем прежде, говорить о непредсказуемом и хаотичном движении общественных событий. Причем если некоторые из них, например американский социолог Д. Белл, еще пытаются придать анализу социально-исторического организма известную завершенность, вводя категории «осевых измерений», скрепляющих хотя бы отдельные стороны общественных связей и помогающих будто бы осознать логику различных сфер социальной деятельности¹, то многие другие, в том числе западногерманский социолог О. Лемберг и французский социолог Ж. Эллюль, стали склоняться к мысли о полной бесконтрольности истории, о стихийности и абсолютной парадоксальности общественных изменений².

Таким образом, отвергаются не только объективные, материальные предпосылки исторического движения. Оспаривается любая попытка опереться на какие-либо постоянно действующие принципы при анализе ведущих тенденций прошлого и особенно современной эпохи. Извращая марксистско-ленинскую концепцию истории человечества, многие буржуазные исследователи утверждают, будто теория научного коммунизма провозглашает плоский эволюционизм, предполагающий наличие унылого и однообразного исторического ландшафта. Полемизируя с таким же надуманным воззрением, западные авторы полагают,

¹ См.: *Bell D. The cultural contradictions of capitalism. N. Y., 1976; Bell D. The Social Framework of the Information Society. Oxford, 1980.*

² См.: *Ellul J. La subversion du christianisme. Paris, 1984.*

что настало время для выдвижения идеи множественности методологий, позволяющих «промыслить» историю с разных позиций.

Вместе с тем буржуазные исследователи, демонстрируя различные подходы к философии истории, фактически пытаются оправдать вечность капитализма как социального строя. Исходя из произвольных, но активно пропагандируемых утверждений, антикоммунисты ведут теперь развернутую критику политического строя стран социализма, активно используя тактику постепенного и рассчитанного на перспективу размывания его идейно-политических основ. В ход идут идеи «наведения мостов», «конвергентности» и т. п., что становится своеобразным дополнением империалистических концепций «селективных» подходов к социалистическим странам и «силового» давления на них.

В этой конфронтации двух версий антикоммунизма неоконсерватизм обладает пока несомненным преимуществом — в его руках находится власть. Поэтому он претендует на то, чтобы сохранить лидирующее положение в разработке антикоммунистической идеологии. Причем неоконсерваторы используют некоторые положения неолибералов. Традиционные для консерваторов темы — нация, семья, долг, власть — дополняются ныне такими тезисами возрожденного неолиберализма, как личный интерес, индивидуализм, «свобода»¹. Однако главные усилия неоконсерваторов направлены на оправдание их основной концепции защиты старого строя, на усиление философского обоснования исторического авантюризма.

Антикоммунизм всегда был составной частью наступления на демократические свободы и права народов, политики агрессии и войны. Нынешняя его активизация сопровождается нагнетание империалистическими кругами международной напряженности, угрожающей интересам всех народов.

В свое время немецкие нацисты, исповедовавшие философию исторического авантюризма, открыто объединяли ее со своей внешнеполитической линией. Правящая элита США тоже стремится к тому, чтобы идеология поддерживала даже конъюнктурные повороты ее политического курса, чтобы все милитаристские акции обеспечивались идеологическим прикрытием. Поэтому наступление на социализм, на освободившиеся народы сопровождается интенсификацией идеолого-пропагандистского воздействия на массы.

Исторический авантюризм особенно наглядно проявляет себя в разработке социальной мифологии — версий о «советской военной угрозе», «красной коммунистической опасности», «тоталитаризме». Идеологи империализма необычно рьяно эксплуатируют свои надуманные концепции («прав человека»,

¹ См.: The Politics of Thatcherism/Ed. by S. Hall and M. Jacques. L., 1983.

«международного терроризма» и др.) и усиливают различные политические кампании против реального социализма. Все более частыми становятся нападки на социалистический образ жизни. Одновременно распространяются идеи политического насилия, иррациональные и мистические настроения, расистские и человеконенавистнические представления.

Утратив политическое господство в ряде регионов Азии, Африки и Латинской Америки, государственно-монополистический капитализм США активно поощряет антикоммунизм в этих регионах, пытаясь в своих интересах противодействовать развернувшейся там борьбе социально-политических сил, как это происходит в Сальвадоре, Ливане, Южной Африке и многих других странах. Продуцируются идеи, которые призваны обеспечить широкое проникновение в эти страны зарубежных капиталов, создать там новые формы зависимости от транснациональных корпораций, усилить позиции частного предпринимательства, например концепции «взаимозависимости», «технологического лидерства Запада» и т. д.

С точки зрения идеологов «свободного мира», молодые государства Азии, Африки и Латинской Америки неизбежно повторяют тот путь, по которому прошли капиталистические страны. Приверженцы этой концепции, которая включена в обширный арсенал обоснований и оправданий капиталистической экспансии в «третьем мире», полагают, что его народы усвоят буржуазные стандарты экономического развития и образ жизни, капиталистические модели социального устройства.

Антикоммунизм апеллирует также и к националистическим чувствам. Он пытается внушить массам каждой отдельной страны мысль о том, что историко-культурные традиции, своеобразие национальной психологии исключают здесь применение социалистических идей. При этом полностью замалчивается уникальный в истории человечества факт расцвета национальных по форме и социалистических по содержанию культур народов и республик Советского Союза, других стран социализма. Ставка делается на стандартизацию самобытности по американскому образцу, культ местничества, разжигание шовинистических настроений.

Учитывая значительное влияние религии на сознание народов Африки, Азии, латиноамериканских стран, антикоммунисты пытаются внушить верующим враждебное отношение к политике и идеологии тех социальных сил, которые выступают за революционные преобразования и социализм. Они настаивают на том, что союз с атеистами абсолютно невозможен, и опираются при этом на наиболее примитивные измышления тех религиозных кругов, которые идут по пути реакции.

Во всем своем идеологическом воздействии на развивающийся мир антикоммунисты исходят из стратегии глобального подавления освободительных движений. Они рассчитывают на

идейное разложение народов, поднявшихся к самостоятельной жизни, стремятся подорвать коммунистические партии, прогрессивные и патриотические движения, поддерживая фашистские, конфессионалистские¹ и диктаторские режимы, прибегая к экономическому и политическому шантажу.

Разумеется, важнейшим объектом нынешней антикоммунистической «философии действия» являются широкие массы развитых капиталистических стран. К ним обращены пропагандистские кампании, направленные на поиски «глобального сознания», «планетарных международных отношений», на противопоставление социализму «компьютерного общества». К этому следует добавить религиозные проповеди, учения «новых пророков», «гуру» и «мессий», призывающих трудящихся к пассивности, устранению от сознательной социальной жизни, политическому верноподданничеству и соглашательству. При этом даже пытаются представить нищету и другие общественные пороки капитализма «испытанием божьим», используют библейские предсказания для извращения современной истории, определяя нынешний этап как эпоху апокалипсиса.

По всем направлениям своих теоретических разработок современный антикоммунизм вынужден прибегать к идеологической символической маске, к маскировке истинных целей господствующего класса. На практике это сводится к созданию манипулятивных теоретических построений и соответствующей методологии для обработки населения. Весь поток пропаганды здесь направлен на утверждение новых идеологических стереотипов, культурных стандартов, на использование ранее не употреблявшихся средств идейно-психологического воздействия на массы.

Проведенный нами анализ попыток буржуазного класса подкреплять свою политическую стратегию арсеналом идеологических средств позволяет прийти к некоторым общим выводам. Во-первых, очевидно, что монополистические круги стремятся использовать все теоретические ресурсы буржуазного мира, применяя в зависимости от обстановки неоллиберальные, неоконсервативные и прочие рецепты сохранения своих социальных и политических привилегий. Причем централизирующую роль в их идеологических построениях и политических действиях в нарастающей мере играет антикоммунизм.

---

¹ Реакционные силы буржуазного Запада в последнее время с особым усердием применяют такое идейно-политическое средство раскола масс, как конфессионализм. Возбуждая религиозный фанатизм и шовинизм, межнациональную и религиозную вражду, конфессионализм в идеологическом плане призван скрыть от трудящихся классовую сущность общественных противоречий и отношений. В политическом плане конфессионализм, как показывает пример Ливана и ряда других ближневосточных и азиатских стран, становится в руках империалистической агентуры средством подстрекательства междуобщих различных групп населения на основе национальных и религиозных предрассудков.

Во-вторых, непредвзятый взгляд на процессы общественного развития в мире последних десятилетий показывает, что выявленные марксистско-ленинской теорией тенденции классовой борьбы, освобождения народов от оков капиталистической эксплуатации необратимы. Поэтому точно так же, как бессильно буржуазное общество остановить ход истории, бессилён и антикоммунизм сформировать теоретические и политические альтернативы учению коммунистов.

Буржуазные теоретики уделяют большое внимание вопросам идеологии. Они разрабатывают концепции, в которых пытаются обосновать неустранимость неравенства и эксплуатации, неизбежность частной собственности.

В последние годы буржуазные исследователи усилили интерес не только к содержанию идеологии. Они стали изучать сами функциональные механизмы, т. е. проявлять интерес к тому, как функционируют идеи, какое влияние они оказывают на массы, почему те или иные идеи вдохновляют людей, а затем перестают их увлекать. Осмысление идеологии как социального феномена стало особой областью буржуазной социологии, получившей в настоящее время заметное развитие.

В разработке теоретических проблем соотношения идеологии и пропаганды марксистская наука имеет несомненный приоритет. В трудах классиков марксизма-ленинизма эти вопросы получили развернутое освещение.

Глава II

СООТНОШЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ И ПРОПАГАНДЫ

§ 1. Генезис идеологии

Марксистская и буржуазная философии по-разному трактуют содержание термина «идеология», ее социальную природу и общественные функции. Марксистская философия рассматривает идеологию как важную часть общественного сознания, как систему политических, юридических, философских, нравственных, эстетических, этических, религиозных и других взглядов. Идеология не только обусловлена общественным бытием, не только отражает характер социальных отношений, но активно поддерживает, укрепляет общественный строй.

В классово-антагонистическом обществе прогрессивная, нарождающаяся идеология подрывает основы господствующего порядка, идейно обосновывает новые общественные отношения. Определяя черты идеологии, важно подчеркнуть также, что это система регулятивных идей, представлений, идеалов, импе-

ративов, которая отражает положение, потребности, интересы, устремления определенного класса, общественной группы или всего общества, исторически конкретные условия и уровень развития общества и служит постоянным социальным ориентиром для индивида, группы, класса.

Научному определению идеологии как социального явления противостоят многочисленные буржуазные версии. Интерпретация понятия идеологии буржуазными учеными отличается противоречивостью, нечеткостью. Это отмечают и сами буржуазные исследователи. Так, английский социолог К. Самнер в книге «Прочтение идеологии» пишет: «В литературе встречаются различные, иногда не согласующиеся между собой способы употребления этого понятия. Например, под идеологией понимаем совокупность мнений, порождаемых интересами; систему политических убеждений; поверхностное истолкование общественных явлений на базе превращенных форм сознания; представления, соответствующие экономической структуре общества; систему взглядов, возникающих с развитием некоторых форм общественной практики и противостоящих научно-теоретическому познанию действительности, и т. д.»¹.

В современной буржуазной литературе среди существующего множества определений идеологии можно выделить два подхода. Большинство западных исследователей рассматривает идеологию как ложное сознание. «Идеология — это форма сознания, — пишет английский социолог Дж. Ларен, — фиксирующая лишь внешние явления, скрывающая извращенность (искаженность) социальных отношений»². Такое же понимание идеологии характерно для английских социологов, которые участвовали в семинаре по проблемам идеологии в Дюркгеймском университете³. По мнению французского социолога Ж. Эллюля, термин «идеология» превратился в расхожее слово для обозначения самых различных явлений действительности. Отмечая отсутствие мало-мальски приемлемого определения этого понятия в западной литературе, Эллюль определяет идеологию как «низведенную до уровня чувств и ощущений упрощенную политическую доктрину или глобальную концепцию мира»⁴.

Однако далеко не все буржуазные социологи и философы понимают идеологию только как ложное сознание. Некоторые из них утверждают, что она вообще не связана с классовыми и, следовательно, деформированными, по их мнению, представлениями и интересами, а служит лишь средством культурной ориентации людей. Эту точку зрения развивает, например, французский социальный антрополог Л. Дюмон⁵. Близки этому

¹ Sumner C. Reading ideologies. L., 1979. P. 4.

² Larrain J. The concept of ideology. L., 1979. P. 5.

³ См.: The Form of Ideology. L., 1980. P. 113—114.

⁴ Ellul J. L'ideologie marxiste chretienne. Paris, 1979. P. 5.

⁵ См.: Esprit (Paris). 1983. № 9/10. P. 65—73.

воззрению взгляды западногерманского социолога О. Лемберга, который в своих последних работах пытался утвердить позитивное значение идеологии в истории¹.

В истории западноевропейской мысли термин «идеология» претерпевал смысловые изменения. Он наполнялся разным содержанием, отражая эволюцию тех или иных представлений об идеологии как общественном явлении. Даже в рамках одного концептуального истолкования идеологии, например как ложного сознания, возникали различные ее трактовки. Следовательно, мало определять идеологию как ложное сознание или доказывать ее позитивное значение в истории. Важно показать, почему возникают те или иные интерпретации идеологии, каковы их философские предпосылки.

При рассмотрении того или иного явления важно различать анализ самого феномена и тот категориальный аппарат, который используется исследователем. Бывает так, что конкретный процесс реально происходит в истории, однако еще не существует адекватного термина для отображения данного объекта. Например, слово «пропаганда» появилось в XVII в., но само это явление возникло, как уже отмечалось, в раннеклассовом обществе и теоретически осмысливалось во всех последующих формациях.

При изучении генезиса идеологии важно установить, когда возникла идеология как общественное явление, когда появилось это слово и когда началось теоретическое изучение данного феномена. Анализ этих вопросов необходим потому, что многие западноевропейские философы проявляли большой интерес к названному социальному явлению, однако ни в рабовладельческом, ни в феодальном, ни в раннекапиталистическом обществе вплоть до XVIII в. слово «идеология» не использовалось. Ни Платон, ни Макиавелли, ни Гельвеций, изучавшие данное общественное явление, не употребляли этот термин.

Выяснение этих вопросов поможет также показать принципиальное отличие марксистского и буржуазного понимания не только сущности идеологии, но и того, как стала складываться идеология, каковы причины ее возникновения. Буржуазные исследователи утверждают, что идеология появилась в XVIII в. как средство интеграции людей, что ей предшествовали религия и национализм как формы самосознания народов. Согласно марксизму, идеология возникла в раннеклассовом обществе, где впервые появляются классовые антагонизмы. При первобытнообщинном строе сознание в значительной мере носило мифологический характер. Это была первая исторически сложившаяся форма сознания. К. Маркс и Ф. Энгельс называли его «стадным»². Мифологическое сознание первобытных людей

¹ См.: *Lemberg E. Anthropologie der ideologischen System. Wienheim, 1977.*

² *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30.*

объединяло их разрозненные представления о мире, окружающей природе, которые складывались на заре человеческого общества. Содержание сознания определялось в основном жестокой борьбой с природой, борьбой за существование.

В первобытном обществе еще не было разделения труда на материальный и духовный, следовательно, и не могло быть попыток систематизировать зачатки идейных представлений. Тем не менее они уже начали складываться внутри рода, семьи, племени, в которых постепенно вызревали отношения социального неравенства. Как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, производство идей тогда было «...непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»¹.

Религиозные, нравственные и эстетические представления в эпоху родового строя уже включали в себя элементы идеологического видения мира. Закреплению этих представлений содействовало, в частности, изобретение письменности. Это расширяло духовное общение, способствовало дальнейшему формированию культуры. Именно в этот период стала развиваться и деятельность по производству идей. Появились и первые идеологи-проповедники, служители культа, ораторы.

Однако идеология как социальный феномен возникла в раннеклассовом обществе, в котором появилось социальное неравенство. У господствующего класса, сосредоточившего в своих руках экономическую и политическую власть, возникла потребность в обосновании сложившегося общественного порядка, в создании системы таких идей, которые бы обеспечивали ему власть и закрепляли его господство. Эксплуататорам было необходимо такое мировоззрение, которое оправдывало бы социальное неравенство, их привилегии. Эти функции и стала выполнять идеология эксплуататорского класса.

На формирование идеологии как специфического социального явления оказало влияние также отделение физического труда от умственного. Это позволило определенной прослойке общества разрабатывать развернутую систему воззрений, в которых можно выразить отношение к миру, к социальному расслоению, к историческому прогрессу. «Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда»². Для определенной группы людей умственный труд стал главной формой их жизнедеятельности. Представители интеллектуального труда стремились придать социальным идеям широкое истолкование, привести их в некую систему. Лишь «...с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 24.

² Там же. С. 30.

перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д.»¹.

Термин «идеология» восходит к слову «идея», которое появилось в древнегреческом обществе. Генезис самого понятия «идея» несомненно связан с философским осмыслением сознания, его происхождения и функционирования. Первая теория идей была развита древнегреческим философом Платоном. Трактую их в гносеологическом смысле, он полагал, что идеи вечны, «занебесны», не зависят от пространства и времени. Другой древнегреческий философ — Аристотель в трудах «Органон» и «Метафизика» разработал вопрос о значении понятий для познания бытия.

Таким образом, идеи как устойчивые представления возникли еще в первобытном обществе, понятие «идея» появилось в Древней Греции. Идеология же как совокупность определенных идей сложилась в классовой рабовладельческой формации (хотя слова «идеология» в то время еще не было, оно возникло в XVIII в.). Но если идеология включает в себя комплекс идей, то правомерно возникает вопрос: как эти идеи и идеология соотносятся?

В самом общем виде эта проблема кажется предельно простой. Идеология — это совокупность идей, внутренне связанных между собой. Но означает ли это, что между определенными идеями и уже сложившимися их совокупностями существует полное согласие, т. е. что идеи не противоречат друг другу? Далее, какова мера взаимной зависимости идей, позволяющая квалифицировать их как самостоятельные идеологии? Иначе говоря, на каком этапе комплекс идей образует нечто целостное и может оцениваться как качественно новое образование?

Соотношение идей и идеологии в марксистской и буржуазной философии рассматривается по-разному. Согласно марксизму, идеи обретают внутреннюю связность постольку, поскольку они выражают интересы конкретного класса, его мировоззрение и мировосприятие. В обществе, разделенном на эксплуататоров и эксплуатируемых, в ходе социально-политической борьбы противостоящие классы определяют свое отношение к сложившимся формам собственности, к существующему социальному устройству, способу производства, к системе господства и подчинения. Это отношение выражается в идеях, которые отражают и защищают классовые интересы. Каждый класс формирует ценности, «святыни», в которых он выражает идеальный ход событий, формулирует свои цели. Так в результате обоснования классовых интересов складывается и развивается целостная система представлений.

Однако многие современные буржуазные философы считают,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 30.

что многообразие тем и внутренняя связность идеологии составляет ее слабую сторону, ибо внутри любой целостной системы, полагают они, неизбежно возникают многочисленные неувязки, порождающие догматизм, ортодоксию, антинаучность и т. д. «Идеология — это «товаромысли» широкого потребления, — писал американский философ и психолог Э. Фромм, — распространяемые печатью, ораторами, идеологами для того, чтобы манипулировать массами»¹.

Согласно подобным взглядам, основным недостатком того или иного мировоззрения является не его несоответствие основным закономерностям исторического процесса, а присущая ему целостность, внутренняя связность идей. Выход из этого положения некоторые буржуазные философы видят в том, чтобы противопоставить идеологическим системам отдельные «критические» цели, «новые» идеалы и ценности.

С подобными утверждениями советские ученые столкнулись на XV Всемирном конгрессе философов, где обсуждались, в частности, проблемы мировоззрения и свободы личности. Такие философы, как Ф. Бласкез (Испания), М. Утияма (Япония), утверждали, что человеческая свобода в первую очередь определяется идейной автономностью, идейной независимостью. В выступлениях буржуазных философов содержалась откровенная попытка расчленить идеологические системы, превратить их в амальгаму разрозненных мнений, не отражающих классовую позицию мыслителя. В частности, Э. Фромм отдал предпочтение идеям в противовес идеологиям. Идея, по его словам, помогает формированию глубинных потребностей человека. Он предлагает «расковать» идеологии, «раздробить» их. «Идея взывает к действительности, — пишет он, — она раскрывает глаза. Она пробуждает ото сна. Она побуждает думать и чувствовать активно»².

Разумеется, марксистская философия не отрицает ценности ряда идей, которые отражают интересы и чаяния людей. Будучи целостным мировоззрением, марксизм одновременно подчеркивает, что такие идеи, как идеи свободы, равенства, интернационализма, мира, сыграли важную роль в истории человечества, способствуя взаимному пониманию и сближению народов. Марксисты с глубоким вниманием относятся к передовым социальным идеям, наследуют и преобразуют эти идеи в соответствии с историческим опытом и своими теоретическими позициями.

Сила марксизма-ленинизма — в его научности, в глубокой внутренней связи отдельных выводов и идей, в объективном и всестороннем анализе реальных исторических закономер-

---

¹ *Fromm E. The revolution of hope. N. Y., 1970. P. 40.*

² Там же.

ностей. В истории человечества идеи не просто сменяли друг друга. В борьбе, в противоборстве различных представлений постепенно складывались конкретные идеологические системы, отражающие интересы различных классов.

Анализ соотношения идей и идеологии показывает, что в классово-антагонистическом обществе идеи впервые оформляются в некую целостную систему, выступают как осознанное выражение социальных интересов противоположных классов. С тех пор противоборство идеологий становится одной из форм классовой борьбы.

Различное положение классов в системе антагонистических общественных отношений порождает противоположность не только их материальных интересов. Конфликты между классами находят отражение в духовной сфере, в области идей. Классовая основа определяет роль идеологии в обществе, ее конкретное общественное назначение и социальные функции. Интересы реакционных классов питают идеологию, ложно отражающую действительность; интересы прогрессивных, революционных классов способствуют формированию достоверных, истинных элементов идеологии. Буржуазная идеология служит укреплению эксплуататорского строя, оправданию его правомерности. Революционная научная идеология обосновывает неизбежность социалистических революций, установления власти пролетариата.

Сформировавшиеся в обществе, разделенном на противоположные по своим интересам классы, идеологии стали играть важную роль в социальной жизни. В них были систематизированы представления противостоящих классов о перспективах общественного развития, они служили средством социальной ориентации и в зависимости от конкретных исторических условий либо содействовали стабилизации общественного организма, либо ускоряли процессы социального изменения.

Появление и функционирование идеологии привлекало внимание многих мыслителей в рабовладельческом и феодальном обществах. Она стала объектом специального социально-философского анализа на протяжении многих веков истории общественной мысли. Вот почему, раскрыв генезис идеологии, т. е. реальные общественно-исторические предпосылки ее появления, нужно, по-видимому, проследить, как отдельные философские и социологические воззрения на идеи подвели западных исследователей к мысли о создании науки об идеологии.

Изучение идеологии и идеологических процессов в истории общественной мысли опирается на весьма давние философские и социологические традиции.

Первым в Европе, кто пытался последовательно развить и продумать вопросы, непосредственно связанные с раскрытием социальной сущности идеологии, можно считать итальянского мыслителя, идеолога нарождающейся буржуазии Никколо

Макиавелли. К. Маркс видел историческую заслугу Макиавелли в том, что он одним из первых стал рассматривать государство человеческими глазами и выводить его законы из разума и опыта, а не из теологии¹.

Этот видный политический деятель утверждал, что общество развивается не по воле бога, а в силу естественных причин. По его мнению, в основе развития истории лежат материальный интерес и сила. Он считал допустимым в политической борьбе поступаться во имя поставленных целей законами морали, использовать любые средства ради сплочения своих сторонников. Макиавелли оправдывал жестокость и вероломство правителей в их борьбе за власть, хотя и развивал при этом определенные гуманистические идеи.

По сути дела, в основном труде Макиавелли «Государь» были высказаны некоторые мысли о роли идей в политических столкновениях. Итальянский мыслитель в конечном счете рассматривал идеологию как способ обмана людей, анализировал методы, которые могут помочь политику объединить своих сторонников.

Пристрастность человеческих суждений (мнений, идей) Макиавелли выводил из индивидуальных особенностей людей. Именно это положение стало позже ключевым тезисом в буржуазных концепциях идеологии.

Начиная с XVI в. интерес к социальной роли идей становится все более интенсивным. Обостренное внимание к данной тематике обусловлено большими историческими изменениями и социальными конфликтами, приведшими к крушению феодального строя. Выход на историческую арену буржуазии как самостоятельной общественной силы углублял всесторонний интерес не только к содержанию социальных идей, но и к тому, как они складываются, в какой мере отражают общественные потребности и запросы. Возникновение новых идей стали связывать с познанием.

Для понимания последующего развития теоретических представлений об идеях и идеологии, содержании идей и их общественной роли важно отметить следующее. С точки зрения марксизма, идею как понятие о предметах и явлениях внешнего мира можно рассматривать в трех аспектах: гносеологическом (познавательном), социальном (социологическом) и аксиологическом (ценностном). Исторически эти подходы в западноевропейской философии складывались постепенно и применялись в исследовании идеологии в отрыве один от другого. Органическое соединение названных подходов было осуществлено марксизмом.

Буржуазные социологи и сегодня, как правило, игнорируют комплексную, всестороннюю связь этих подходов к идеологии.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 111.

Они нередко рассматривают роль идей в познании и общественной жизни односторонне, что приводит к искажению реальных духовных процессов. Например, изучая идеи только как средство познания истины, многие западные ученые не могут объяснить, почему, скажем, ложные, заведомо недостоверные представления иногда играют значительную роль в историческом процессе. Другие, придавая идеям только ценностное истолкование, не в состоянии показать конкретное социально-историческое содержание тех или иных духовных явлений. В их интерпретациях идеи, которые они рассматривают как «святости», лишены познавательного значения. Они содействуют лишь нравственной ориентировке, выражают психологические потребности индивида. На основе таких воззрений складывается односторонний взгляд на идеологию как социальное явление.

Только основоположники марксизма сумели подойти к проблеме комплексно, показав, что лишь в результате всестороннего, интегрального изучения духовных представлений, их реальной роли в истории можно понять специфику идеологии как общественного феномена.

Рассмотрим первый, т. е. гносеологический, подход. Идеи бывают истинные и ложные. На этой основе можно говорить о познавательной ценности или ложности тех или иных конкретных идей, суждений. Например, воззрение древних, трактующее атомистическое строение Вселенной, справедливо рассматривается современной наукой как продуктивная эвристическая идея, религиозное же учение о сотворении мира, живой и неживой природы — как ложный, ненаучный взгляд на реальность. Разумеется, в сложном диалектическом процессе познания обнаруживается определенная взаимосвязь истины и заблуждения. В частности, алхимики, хотя и развивали антинаучные идеи, одновременно ввели в обиход науки методы точных взвешиваний, огнеупорные тигли, стеклянные и керамические сосуды для лабораторий, в том числе и реторту, которая стала теперь эмблемой химии. Заблуждение нередко выступает как этап на пути продвижения к истине.

К. Маркс показал, что сознание становится ложным, неистинным, если оно обусловлено господством в обществе вещных отношений, которые мистифицируются и закрепляются в сознании в виде идей. «Отношения, разумеется, могут быть выражены только в идеях,— писал К. Маркс,— и поэтому философы усмотрели своеобразие нового времени в господстве над ним идей и со свержением этого господства идей отождествили порождение свободной индивидуальности. Совершить эту ошибку было с идеологической точки зрения тем легче, что вышеуказанное господство отношений... выступает в сознании самих индивидов как господство идей, а вера в вечность этих идей, т. е. вышеуказанных отношений вещной зависимости, конечно,

всячески укрепляется, поддерживается и внушается господствующими классами»¹.

В гносеологическом плане идея выступает как определенный момент познания. Освоение, понимание действительности, окружающего мира и его закономерностей марксистская философия рассматривает как процесс восхождения от конкретного восприятия, ощущения, представления ко все более абстрактной системе понятий, категорий, гипотез и теоретических построений.

Однако в истории нередко бывает так, что идея обнаруживает свою ложность, недостоверность, но продолжает играть значительную роль в жизни классов и общества в целом. Более того, заведомо «позорные» идеи могут находить признание в реакционных кругах, определять сознание и психологию больших групп людей. Например, расистские идеи нацистов нашли питательную почву в мелкобуржуазной среде. В то же время прогрессивные идеи не всегда сразу получают признание. Восходящие классы постепенно приобретают своих сторонников по мере вызревания объективных исторических условий.

Чтобы узнать, какова конкретная судьба идеи, надо посмотреть, какую роль в истории она играла, как проявилась в конкретных исторических событиях, какие общественные силы ее поддерживали. К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» показал, что идея сильной власти совершенно не вязалась с убогой личностью Бонапарта III. Однако крестьянские массы не только поверили в эту иллюзорную идею, но и активно поддержали ее. Она определяла их реальное поведение в конкретной исторической ситуации. Это означает, что идеи нужно оценивать не только с гносеологической, но и с социологической точки зрения.

Наконец, идеи имеют, как отмечалось, ценностно-ориентирующее измерение. То или иное представление может носить абсолютно достоверный характер, но быть неприемлемым для человека, оцениваться им отрицательно. В то же время заведомо ложная идея, скажем мысль о загробной жизни, способна приносить утешение верующим людям. Результаты познания подвергаются нравственной оценке, сопоставляются с идеалом, с тем, что человек привык считать значимым, нужным, праведным для себя.

Буржуазные философы, в частности неотомисты, полагают, что процесс «добывания» истины свободен от человеческих целей, интересов, ценностей. Они объявляют истину божественной, независимой от устремлений человека и человечества. Сторонники субъективного идеализма, напротив, подчеркивают доминирующую роль субъекта в познании. Они считают, что формирование представлений о мире зависит от развернутой

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 108.

субъективности познающего, т. е. от присущих ему стремлений и влечений. Так, экзистенциалисты не отрицают, что наука и техника добывают объективно-истинное знание, но результаты познания, по их мнению, предельно безразличны к человеку, его переживаниям, его внутреннему миру.

Весьма активный интерес к проблемам происхождения и функционирования идей выявился в период крутой ломки феодальных и становления капиталистических отношений. Именно в это время со всей остротой встала проблема общей оценки идей и их роли в истории. Суть вопроса можно было бы сформулировать так: какое значение — позитивное или негативное — имеет идеология? С одной стороны, нарождающаяся буржуазия нуждалась в выработке целостного взгляда на социальный процесс, и это укрепляло представление о том, что идеи выполняют некую созидательную роль. С другой стороны, все отчетливее обнаруживалась отрицательная, а нередко и разрушительная роль тех или иных идей, например идеи религиозной вражды.

С XVIII в. «критика идеологии» имела преимущественно моральный характер. Идеология, согласно просветителям, должна изобличать политические институты как средство духовного воздействия на людей, вскрывать сущность религии как инструмента оправдания несправедливых социальных отношений, показывать реальные связи, сложившиеся между церковью и государством, алтарем и троном. «Критика идеологии» была, таким образом, направлена как против религии и клерикального обмана, так и против политических институтов, которые охраняют власть.

Классовая ограниченность просветителей не позволяла им показать социальный характер идеологии. В сфере социологической интерпретации идей просветители не доходили до радикальных выводов, которые раскрывали бы нерасторжимую связь идеологии и общества. Поэтому в их работах еще нет понимания идеологии как системы взглядов, обусловленных социальным бытием. Они и не могли сделать такой вывод.

Связывая познавательные и политические аспекты данного общественного феномена, просветители в основном сосредоточили свое внимание на изучении узкопонимаемых гносеологических вопросов, не раскрывая классовой природы идеологии. Их первые попытки создать концепцию идеологии сводились к довольно абстрактным рассуждениям о том, как рождаются идеи. При этом речь шла не о социальных коллизиях, противоречиях, а о механизме соотношения эмоционального и рационального подхода к реальности. Фактически утверждалось, что только эмоции, порожденные интересами индивида, могут вызвать к жизни конкретные идейные представления.

На рубеже XVIII и XIX вв. поздние просветители превратили учение об идеях в морально-политическую доктрину.

подчеркивали активный характер, практическую значимость идеологии. Деятели этого времени пытались теоретически осмыслить, показать, как философские идеи влияют на политику. В частности, П. Кабанис полагал, что именно идеи оказывают наибольшее влияние на общественную мораль, которая рассматривалась им в качестве источника политических страстей.

Как раз в этот период группа французских экономистов, философов, естествоиспытателей (Дестют де Траси, П. Кабанис, Э. Кондильяк, К. Вольней, Ж. Гара) использовала новое слово «идеология» для обозначения теоретической дисциплины, призванной заниматься изучением генезиса и функционирования идей. Термин «идеология», таким образом, первоначально означал «науку об идеях». Эти мыслители предполагали создать особую философскую дисциплину, изучающую мегодологические основы всех наук. Идеология как самостоятельная наука должна была, по словам П. Кабаниса, «иметь в настоящее или будущее время непосредственное приложение к изысканиям и работам мыслителя, моралиста и законодателя»¹.

Дестют де Траси, который ввел понятие «идеология», видел свою задачу в том, чтобы выявлять истоки человеческого познания, его границы и степень достоверности. Поэтому науку об идеях он считал наиболее фундаментальной, рассматривая ее как основу для всех других дисциплин. В его многотомной работе «Элементы идеологии» (первый том вышел в 1801 г.) идеология трактуется как своеобразный эталон, как познание универсальных законов на базе рационального функционирования человеческого разума.

У де Траси, Кабаниса, Кондильяка, Вольнея термин «идеология» имел положительный смысл и означал учение об идеях, которые, очистившись от религиозных и научных предрассудков, станут базой для всестороннего просвещения людей. Мыслители конца XVIII — начала XIX в. уже включали в понятие идеологии представление о ложном сознании, т. е. различных предрассудках, идолах, иллюзиях, которые могут стать объектом теоретического анализа. Негативный смысл слову «идеология» придал Наполеон, который с 1797 г. был членом Национального института, разделял идеи просветителей, но после того, как они осудили его деспотические действия, резко разошелся с ними. Наполеон обвинил своих недавних единомышленников в доктринерстве и романтическом идеализме, в непонимании реальной политической практики и тех интересов, которые волновали французское общество. Он стал презрительно именовать их «идеологами». С этого времени началось смысловое

---

¹ Кабанис П. Отношения между физической и нравственною природою человека. СПб., 1865. Т. 1. С. 121.

преображение понятия «идеология». Оно стало обретать отрицательный смысл.

С начала XIX в. западными теоретиками все полнее осознается политическое содержание термина «идеология». Он все чаще используется в политических дискуссиях, в борьбе различных общественных групп. Учение об идеях из абстрактного объяснения происхождения тех или иных духовных представлений превратилось в политическую доктрину. Именно с этого времени идеология стала рассматриваться как реальная сила, которая играет важную роль в обществе, в борьбе классов.

Однако, приобретая все большее политическое звучание, идеология долго не находила точек соприкосновения с социологией, общественно-историческими воззрениями. Хотя в рамках французского позитивизма и немецкого идеализма продолжала развиваться критика религии и метафизики, буржуазные ученые не могли раскрыть социальные корни происхождения и функционирования идей. Напротив, многие исследователи полагали, что идеи коренятся в особенностях человеческой природы. Этим будто бы и определяется их активная роль в политике.

Теологи периода Реставрации, лидеры феодально-аристократического контрреволюционного движения, в том числе Э. Бёрк, Ф. Баадер, Л. Бональд, Ж. де Местр, полагали, что истоки идей надлежит искать в человеке, его природе. А поскольку человек греховен, постоянно норовит нарушить божьи запреты и вместе с тем как-то оправдать свои поступки, идеи не могут содержать истину. Последняя заключена лишь в божественном откровении. Стало быть, потребность в идеях продиктована стремлением человека прикрыть свои неблагоприятные деяния, создать ложное впечатление о своих намерениях. Поэтому всякое просвещение («идеологизирование») лишено смысла и лишь множит обман. Стало быть, человеческая природа неизменна и всегда будет порождать ложные идеи. Поэтому нет нужды менять социальный политический строй. Всякое общественное преобразование, инспирированное ложной идеей (а других идей, по их мнению, не бывает), есть зло.

Одновременно с иррационалистическими (в частности, антропологическими) трактовками идеологии стало развиваться социологическое направление в осмыслении данного явления. Разрабатываемая Контом социология в некотором отношении соответствовала общим устремлениям эпохи Реставрации. Развернув широкое изобличение идеологии, которое было начато просветителями, Конт завершил этот процесс более радикально, т. е. показал, что уходит целая эпоха человеческой истории, связанной с идеологией, на смену которой приходит наука. Вместе с тем учение Конта оказалось созвучным идее о том, что идеальный порядок обеспечивает существующая социальная организация. Таким образом, указав на связь идей с общественными запросами, Конт не сумел последовательно развить эту

мысль. Его идеи об анахронизме идеологии, уступающей место позитивному знанию, вступали в противоречие со статусом этого знания, которое переставало заниматься критикой.

Конттовское изобличение метафизики оказало влияние на развитие позитивизма. Оно стимулировало специфические искания, которые впоследствии были актуализированы в дюркгеймовской концепции идеологии. Критика Контом религии была продолжена немецкой идеалистической философией. Хотя при этом термин «идеология» зачастую не употреблялся, однако религия рассматривалась как конкретная форма идеологического сознания.

Специфическую теорию идей развивали также представители радикального крыла гегелевской философской школы — младогегельянцы. Многие духовные представления, господствовавшие в буржуазном обществе, они называли иллюзорными. Особенно резко младогегельянцы критиковали религиозные мифы (например, Д. Штраус в книге «Жизнь Иисуса» и др.). Младогегельянцам принадлежит первая попытка анализа религии с использованием своеобразной теории идеологии. Они пытались понять, как в обществе возникают и получают принудительную силу ложные представления. Живучесть социальных мифов они усматривали в «отчуждении» продуктов индивидуального сознания, в том, что отдельные иллюзии, рожденные в голове человека, сохраняют статус самостоятельных абстракций.

Уже Фейербах почувствовал, ограниченность такого подхода к общественному сознанию, когда не исследуются материальные условия. Но последовательную критику младогегельянской концепции идеологии дали лишь К. Маркс и Ф. Энгельс в работах «Святое семейство» и «Немецкая идеология».

Как показывает социально-исторический анализ истоков современных буржуазных версий идеологии, различные эпохи — время восхождения буржуазии как класса и время упрочения ее власти — создали разные подходы к рассмотрению интересующей нас проблемы. Мыслители Просвещения утверждали, что ложные идеи должны быть уничтожены, идеологи Реставрации, анти-Просвещения все больше продвигались к мысли о том, что ложные идеи нужны для стабилизации общества.

Между тем социальные конфликты XIX в., нарастание пролетарского движения ставили вопрос о более глубоком, научном понимании идеологии как социального феномена. Важно было показать, почему идеи выполняют в истории различную роль, содействуют революционному энтузиазму масс или, напротив, консолидируют реакционные воззрения. Решить эти проблемы с позиции буржуазной методологии было невозможно. Ни абстрактные рассуждения об эмоциях как импульсах идей, ни отвлеченные оценки моральных требований к социальному поведению, ни попытки создания позитивной социологии,

ни антропологические исследования, раскрывающие объективный характер происхождения иллюзии, не позволяли ответить на этот вопрос.

§ 2. Классики марксизма об идеологии

Создавая мировоззрение рабочего класса и его авангарда — коммунистических и рабочих партий, К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли большое внимание осмыслению идеологии как социального явления. Понятие идеологии в марксизме тоже претерпело известную эволюцию. Можно сказать, что по мере развития марксистской философии оно употреблялось в разных значениях, в нем выявлялись новые оттенки. Основоположники научного коммунизма не пользовались термином «научная идеология», называя идеологию «иллюзией эпохи», «ложным сознанием». Они употребляли это понятие для характеристики извращенных форм сознания и в общесоциологическом смысле.

К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли критике идеологию как ложное, иллюзорное сознание, проиллюстрировали идеалистическое понимание истории в немецкой классической философии второй половины XVIII — первой половины XIX в., от Канта до Гегеля и младогегельянцев А. Руге, Д. Штрауса, братьев Бауэр, М. Штирнера. Критикуя, скажем, Дюринга, Ф. Энгельс писал: «Конструировать эти результаты в уме, исходить из них как из основы и затем в уме реконструировать из них мир — это и есть *идеология*, та идеология, которой до сих пор страдали и все разновидности материализма»¹. Характеризуя философские взгляды Гегеля, К. Маркс и Ф. Энгельс усматривали у него «идеологическое извращение»² именно в том, что он исходил из «философской идеологии»³.

Поскольку К. Маркс и Ф. Энгельс не пользовались понятием идеологии в позитивном смысле, буржуазные социологи и ревизионисты на этом основании выдвинули множество спекуляций. Они стали доказывать, будто В. И. Ленин назвал марксизм «идеологией» вопреки основоположникам научного коммунизма. Эти буржуазные концепции опровергнуты во многих работах исследователей-марксистов⁴. В русле нашей темы существенно показать, что К. Маркс и Ф. Энгельс не ограничились критикой иллюзий, ложного сознания вообще; они подходили к их изучению с исторических позиций. К. Маркс показал, в частности, что «вначале эта иллюзия правдива»⁵, имея в виду тот факт, что в идеологии восходящего класса содержатся

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 630.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 301.

³ См. там же. С. 307.

⁴ См.: Мшвениерадзе В. В. Роль идеологии в жизни общества. М., 1969; Игитханян М. Х. Научная концепция идеологии и ревизионизм. М., 1972.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 47.

истинные представления. Когда же, как показывают К. Маркс и Ф. Энгельс, буржуазия приходит к власти, она упрочивает свое господство, разрабатывая «ложное познание».

К. Маркс и Ф. Энгельс употребляли термин «идеологическое» не только в узконегативном, но и в общесоциологическом смысле. Так, характеризуя роль идей в развитии общества, они отмечали, что «идеологические области оказывают в свою очередь обратное, но вторичное воздействие на эти материальные условия...»¹. В ряде работ советских исследователей прослежена эволюция понятия «идеология» в марксистско-ленинской литературе², в частности показано, как в трудах классиков марксизма постепенно обогащалось содержание термина. От узкого толкования (как «ложное познание») они переходили к общесоциологической интерпретации понятия.

В работах основоположников научного коммунизма не встречаются термины «буржуазная идеология», «пролетарская идеология». Однако в их трудах содержится учение об общественном сознании, о духовной жизни общества. В нем раскрыты общие закономерности возникновения, развития и функционирования идеологии в целом, показаны специфические особенности той или иной идеологии, дана развернутая критика буржуазной идеологии, противостоящей научной идеологии.

К. Маркс и Ф. Энгельс проводили различие между понятием идеологии и теорией идеологии. Например, при написании работы «Немецкая идеология» они обсуждали круг вопросов, связанных с раскрытием содержания буржуазной идеологии. В более поздних трудах они освещали центральные вопросы теории идеологии, хотя сам термин при этом не использовали.

Проблемами идеологии К. Маркс и Ф. Энгельс занимались на протяжении всей своей теоретической деятельности, открывая все новые и новые грани этого социального явления, давая ему всестороннюю оценку. Если, например, в «Немецкой идеологии» они подробно проанализировали особенности буржуазного сознания, обусловленность идей объективными факторами, то в письмах Ф. Энгельса 90-х годов особое внимание уделяется другому, не менее важному вопросу — раскрытию активной, революционно-преобразующей роли сознания, идей.

Основоположники марксизма на многочисленных примерах показали, что в зависимости от классовой направленности идеология может выражать историческую правду или иллюзию, знания или предрассудки, может служить пробуждению мысли и насаждению суеверия, воспитанию художественного вкуса и культивированию безвкусицы, утверждению высоких моральных норм и растлению нравов. Они всесторонне обосновали мысль о том, что нет и не может быть абстрактной, свободной

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 370.

² См.: Марксистская философия в XIX в. М., 1979; Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. М., 1982.

от политических целей пропаганды идей. К. Маркс и Ф. Энгельс показали как ограниченность просветительского подхода к идеологии, так и открытую тенденциозность буржуазной идеологии, которая стремилась оправдать эксплуатацию и угнетение трудящихся масс.

Примером научного, исторического подхода к идеологии как к духовному образованию служит их анализ общественного сознания эпохи Просвещения, идеологии ранней буржуазии. Эволюцию идеологических воззрений в буржуазном обществе они связывали с назревшими общественными проблемами, отмечая, что буржуазная идеология выражала прогрессивные исторические тенденции, когда она была направлена против феодального строя, присущих ему социальных отношений. В то же время они показали, какую роль в духовной жизни играли всякого рода идеализации, т. е. такие представления, которые воплощали наивную веру мыслителей той эпохи в справедливость капиталистического строя. Наконец, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркнули, что, вступив в противоречие с объективным процессом исторического развития, буржуазная идеология стала все чаще прибегать к лицемерию, сознательному обману.

В трудах классиков марксизма раскрыты такие аспекты теории идеологии, как происхождение идей, дана характеристика так называемого идеологического метода мышления, проведен анализ буржуазной идеологии как ложного сознания, рассмотрена социальная мифология. Вместе с тем в их работах подчеркнута активная роль сознания, субъективного фактора, проанализированы соотношение различных форм общественного сознания, научные формы идеологии и т. д. Но главная их заслуга состоит в создании целостной научной теории идеологии. К. Маркс и Ф. Энгельс критически переработали огромный историко-философский материал. Они преодолели ограниченность прежних подходов к идеологии, а также дали этому феномену философское, социально-классовое объяснение. В наследии основоположников научного коммунизма содержатся глубокие и разносторонние идеи, которые позволили марксистам впоследствии развить и обогатить их учение об идеологии.

Заслуга К. Маркса и Ф. Энгельса состоит также в том, что они показали связь общественных идей с материальными условиями жизни общества, с социально-экономическими факторами. Они считали, что любая идеология выступает как продукт «действительного жизненного процесса»¹, что в ту или иную эпоху господствующими идеями являются идеи господствующего класса. Подчеркивая зависимость общественного сознания от общественного бытия, К. Маркс в предисловии к «Критике политической экономии» писал: «Как об отдельном

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 25.

человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями»¹.

Раскрывая решающую роль общественного бытия по отношению к общественному сознанию, К. Маркс и Ф. Энгельс выявили связь идеологических построений с реальными интересами и потребностями классов, с противоречиями общественной жизни. К. Маркс писал: «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение»².

Эти положения основоположников марксизма имеют принципиальное методологическое значение для анализа современных идеологических процессов. Они позволяют выявить объективные основы возникновения и функционирования конкретных идеологических форм, показать их обусловленность материальной деятельностью, указать на действительные критерии, дающие возможность анализировать идеологию с точки зрения ее отношения к истине, науке, истории, классовой борьбе.

Вскрыв зависимость идей от реального исторического процесса, К. Маркс и Ф. Энгельс уделили особое внимание анализу буржуазной идеологии как ложного сознания. Последовательно проводя материалистический принцип, они показали, что предшествующая философия игнорировала реальные истоки духовных представлений, что иллюзорное видение действительности порождено капиталистическим способом производства, классовыми интересами буржуазии, формами извращенного сознания.

Это был качественно новый подход к идеологии. к раскрытию механизма ложных воззрений. Ведь даже домарксовские материалисты полагали, что религия и другие фантастические представления потому и являются неистинными, что не отражают никакой реальности. Религиозные взгляды они считали выдумкой, порождением фантазии индивида, не связанной с конкретной действительностью. Только Л. Фейербах сумел подняться до материалистического понимания религии, указав на ее земные корни. В целом же до первой половины XIX в. гос-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7.

² Там же.

подставало мнение, будто духовные воззрения обусловлены не историческим процессом, не его закономерностями, а индивидуальным творчеством различных идеологов.

К. Маркс и Ф. Энгельс не только выявили зависимость общественного сознания от общественного бытия, но и показали конкретно, какие именно реальные процессы получили в буржуазной идеологии превратное, искаженное освещение и каков механизм появления духовных иллюзий. Они подчеркивали, что все виды идеологии необходимо последовательно выводить из материальных предпосылок. «Даже туманные образования в мозгу людей,— писали они,— и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности... Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»¹.

Анализируя источники и причины мистификации действительности, К. Маркс и Ф. Энгельс раскрыли тайны иллюзорного сознания. Они доказали, что антагонистический характер капиталистических общественных отношений порождает фетишизм, неверное восприятие людьми реальных закономерностей жизни. Извращенное сознание идеолога, искажение им действительности обусловлены его положением, общественной функцией. Иллюзии политиков, юристов, мыслителей порождены представлением, будто общественное положение, реальная судьба конкретного класса обусловлены не его местом в системе материального производства, а мировоззрением идеолога.

Социальные иллюзии оказываются живучими не только потому, что они порождены определенной исторической реальностью, но и потому, что в классово-антагонистическом обществе их поддерживают идеологи, которые убеждены в том, будто именно они произвольно творят идеи. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что у идей нет своей собственной истории, независимой от истории общества². Они призывали постоянно развенчивать неоправданные претензии идеологов, возмнивших, будто именно в их головах рождаются ничем не обусловленные мыслительные системы. Начиная с «Тезисов о Фейербахе» и «Немецкой идеологии», основоположники научного коммунизма доказывали, что представления, взгляды, конституции, идеологические воззрения, правовые системы имеют видимость самостоятельной истории³. Последовательно проводя материалистический принцип при анализе идеологических про-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 25.

² См. там же.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 83.

цессов, К. Маркс и Ф. Энгельс перешли к развернутому исследованию различных духовных явлений, показав, как рождается ложное сознание.

К. Маркс и Ф. Энгельс дали научно обоснованную характеристику определенного метода социального мышления, который в противоположность научному они назвали «идеологическим». С этим методом связаны представления о том, будто духовные процессы определяют сами себя, для него характерны мнимый критицизм, субъективизм и фабрикация ложных причинных связей, телеологизм, некритичность при осмыслении исторических форм сознания.

Раскрыв механизм, источники ложного сознания, К. Маркс и Ф. Энгельс не ограничились этим. Они показали, что иллюзии, духовные фикции, скажем, идеи протестантизма, несмотря на свою неистинность, иногда обладают способностью спланивать людей, воодушевлять их¹. Таким образом, основоположники марксизма раскрыли реальное значение тех или иных идеологических построений, дали развернутый социологический анализ идеологии как явления.

Ф. Энгельс действительно говорил о том, что идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным². Но он характеризовал таким образом буржуазную идеологию, которая, считал он, в иллюзорной форме отражает содержание конкретной эпохи. Такой конкретно-исторический подход к идеологии давал возможность понять, почему прогрессивная в свое время буржуазная идеология превратилась в реакционную.

Таким образом, в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса вскрыты реальные истоки превратных представлений, идеалистическая философия рассмотрена как ложное сознание, проанализированы особенности идеологии как иллюзорного мировосприятия. Они доказали, что искажение социальной действительности, свойственное реакционным идеологиям, объективно обусловлено положением эксплуататорского класса, его ролью в общественном производстве, его интересами и т. д.³ В работах К. Маркса и Ф. Энгельса всесторонне проанализированы буржуазная идеология как ложное сознание. Они не ограничились указанием на генезис подобных духовных явлений. «Если во всей идеологии,— писали они,— люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре, то и это явление точно так же происходит из исторического процесса их жизни,— подобно тому как обратное изображение предметов на сетчатке глаза происходит из непосредственно физи-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 467—472.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 313.

³ См.: Ойзерман Т. И. Марксистско-ленинское понимание идеологии // Философские проблемы идеологической борьбы. М., 1978. С. 21.

ческого процесса их жизни»¹. Ими рассмотрены и такие вопросы: как и почему люди создают ложные идеи? какую роль играют последние в их жизни? как устранить эти фикции?

Люди далеко не всегда могут объяснить механизм развития истории, понять реальные причины общественной динамики. Но это вовсе не означает, будто они ставят перед собой лишь иллюзорные цели. Они могут, как уже отмечалось, осознавать назревшие общественные потребности, но могут взять на вооружение и ложные идеи, иллюзии, мифы. Поэтому исследователь-марксист должен не только показать иллюзорный характер теорий, но и раскрыть фактическую роль идей в истории, их объективное содержание.

Как мы видели, домарксистские мыслители анализировали идеи либо в гносеологическом, либо в социологическом, либо в ценностном аспекте. Например, некоторые буржуазные теоретики, рассматривая ложное сознание как предрассудки, не выходили за рамки чисто гносеологического, познавательного, рассуждения, что не позволяло им выявить социальное содержание, действительное значение фиктивного, иллюзорного сознания.

Общественные идеи оказывают воздействие на историческую практику не только потому, что они истинны или, наоборот, ложны. Роль такой общественной формы сознания, как, скажем, религия, невозможно оценить в рамках только познавательного подхода. «Главное, по-видимому, состоит в том,— замечает Т. И. Ойзерман,— что социальные идеи, учения, поскольку они выражают определенные общественные потребности, представляют собой могущественные духовные силы общественного развития. Это особенно очевидно на примере религии, игравшей значительную роль в борьбе классов, особенно в эпоху ранних буржуазных революций»². Чтобы раскрыть историческое значение тех или иных идей, необходим их всесторонний социологический анализ.

Анализируя ложное сознание в социологическом аспекте, К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что в нем есть различные элементы, в том числе и такие, которые могут быть переосмыслены, использованы в прогрессивных учениях. Как известно, теоретики научного коммунизма считали немецкую классическую философию одним из источников своего учения. Критикуя ее, они одновременно взяли оттуда все ценные идеи.

Критический анализ причин возникновения ложного сознания К. Маркс и Ф. Энгельс завершили тезисом о необходимости преобразования действительности революционным путем. Иллюзии сохраняют свое влияние до той поры, пока действуют реальные факторы, их породившие. Вот почему устранить лож-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 25.

² Ойзерман Т. И. Марксистско-ленинское понимание идеологии//Философские проблемы идеологической борьбы. С. 16.

ное сознание можно не столько путем теоретического изобличения, сколько в ходе революционного изменения самой практики.

Критикуя буржуазную идеологию как изжившее себя мировоззрение, как ложное сознание, К. Маркс и Ф. Энгельс противопоставили ей научную, социалистическую идеологию. К. Маркс отмечал, что их задача — «сообща разработать наши взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии...»¹. Вскрывая связь идеологических построений с реальными интересами и потребностями общественных классов, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали: задача передового, прогрессивного мировоззрения состоит в том, чтобы вооружить рабочий класс теорией, которая раскрывала бы его исторические задачи. Будучи передовым, самым последовательным борцом против капитализма, рабочий класс, возглавив революционную борьбу всех трудящихся, в союзе с ними должен осуществить социалистическую революцию и установить свою власть — диктатуру пролетариата. В отличие от утопического социализма, представители которого не видели реальной общественной силы, способной осуществить переход от капитализма к социализму, марксизм открыл такую силу в пролетариате.

Согласно учению К. Маркса и Ф. Энгельса, по мере революционного изменения социального бытия, по мере того, как люди все глубже будут познавать основные законы исторического процесса, овладевать им, начнет изменяться и характер духовных представлений. Ложное сознание будет изжито. «Там, где прекращается спекулятивное мышление, — писали они, — перед лицом действительной жизни, — там как раз и начинается действительная положительная наука... Прекращаются фразы о сознании, их место должно занять действительное знание»².

С переходом общества к социализму господствующей становится такая идеология, которая основана на научном знании, объективно отражает действительность. Учение К. Маркса и Ф. Энгельса означало превращение социализма из утопии в науку. Открыв закон общественного развития, показав роль общественного производства в смене формаций, определив ведущую роль пролетариата как носителя новых общественных отношений, они тем самым превратили социалистическое учение в строгую научную теорию. Ф. Энгельс подчеркивал, что марксизм является научным мировоззрением.

Попытки дискредитировать марксизм как научную идеологию, принизить его влияние весьма многочисленны в современной буржуазной философии. Отвергая это учение в целом, западные теоретики иногда отмечают заслуги К. Маркса и Ф. Энгельса в разработке тех или иных положений теории идеологии.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 8.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 26.

Например, персоналисты признают вклад К. Маркса и Ф. Энгельса в развитие представлений об идеологии как социальном феномене¹. О продуктивности Марксовой концепции идеологии пишет П. Рикер в статье «Может ли быть научной концепция идеологии?»². О значении марксистского вклада в изучение природы, сущности идеологии говорят и буржуазные социологи, так или иначе затрагивающие эту тему³.

Однако буржуазные теоретики рассматривают марксистскую концепцию идеологии явно тенденциозно. Они принимают вклад К. Маркса и Ф. Энгельса в ее разработку, но извращают их мысли, стремятся противопоставить взгляды молодого Маркса взглядам зрелого, Маркса — Энгельсу, воззрения последних — позиции В. И. Ленина. Игнорирование принципа историзма в рассмотрении теории идеологии не позволяет буржуазным идеологам показать развитие представлений об идеологии в западноевропейской мысли, а следовательно, объективно оценить заслугу К. Маркса и Ф. Энгельса в формировании и развитии философских и социологических представлений об идеологии, увидеть принципиальное отличие их взглядов от взглядов их предшественников.

§ 3. Буржуазные фальсификации марксистского учения об идеологии

Как правило, буржуазные ученые рассматривают отдельные конкретные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса об идеологии. Однако дать целостное научное представление о взглядах основоположников на идеологию можно только осмысливая эти высказывания в рамках их теоретически развернутых воззрений. Этого-то как раз и избегают буржуазные теоретики, которые стремятся представить марксистскую концепцию идеологии в искаженном виде. При этом буржуазные авторы не обращают внимания на эволюцию воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса на идеологию. Они пытаются представить учение основоположников научного коммунизма как застывшую схему, игнорируя тот факт, что марксистское учение постоянно развивалось, обогащалось новыми выводами и положениями, диктуемыми общественной практикой. Именно поэтому то или иное их высказывание всегда должно рассматриваться с учетом конкретной ситуации.

Один из приемов буржуазных философов состоит в том, чтобы «признать» вклад К. Маркса и Ф. Энгельса в разработку теории идеологии, но отвергнуть при этом их качественно

---

¹ См.: *Lacroix J. F. Le personnalisme comme anti-ideologie.* Paris, 1972.

² См.: *Phenomenology and the socialist sciences: a dialogue.* The Hague etc., 1978. P. 44—59.

³ См.: *Heilbroner R. L. Marxism for against.* L., N. Y., 1980.

новый, принципиальный подход к рассмотрению данного общественного явления. Нередко в буржуазной академической науке К. Маркс представляется простым продолжением О. Конта, лишь развившим некоторые положения родоначальника позитивизма. Между тем, как мы видели, классики марксизма дали совершенно иное истолкование феномена идеологии, преодолев ограниченность «позитивной социологии».

В качестве непосредственных предтеч К. Маркса фигурируют также и малоизвестные авторы. Так, Г. Либер и Г. Бютов пытаются доказать, что марксистское понимание идеологии якобы полностью совпадает с воззрениями Д. Миллера и других немецких просветителей. Эти авторы пишут о том, что Миллер еще в 1771 г., а К. Фрелих — в 1792 г. указывали; что человеческое мышление зависит от социальных отношений¹.

Действительно, названные ученые высказали ряд верных замечаний о сущности сознания. В частности, К. Фрелих в критике религии пошел дальше французских просветителей и ставил вопрос об изменении некоторых форм собственности, которые порождают идеологические предрассудки. Согласно взглядам этого мыслителя, только общество, свободное от уродливых форм собственности, может выработать правильное мышление и моральный образ жизни. Однако эти положения не дают оснований говорить о создании целостной, развернутой концепции идеологии и тем более о совпадении ее с учением К. Маркса и Ф. Энгельса.

Иногда буржуазные теоретики, развивая тезис о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс восприняли многие идеи своих предшественников, проводят мысль о том, что современные буржуазные учения в свою очередь исходят из идей основоположников марксизма. Рассматривая идеологию, в том числе и социалистическую, лишь как ложное сознание, некоторые западные авторы (Г. Барт, Г. Бютов, Г. Либер, Э. Хельцле) хотят показать, что такое истолкование этого феномена не противоречит высказываниям К. Маркса и Ф. Энгельса, а опирается на их воззрения.

Так, американский социолог С. Липсет в статье «Конец идеологии и идеология интеллектуалов»² проводит две откровенно тенденциозные идеи. Прежде всего он подчеркивает, будто К. Маркс и Ф. Энгельс, показав, что всякое мировоззрение пропитано классовым духом, тем самым склонялись к мысли о неустранимой иллюзорности идеологии. Кроме того, по мнению американского теоретика, Ф. Энгельс якобы предрекал

---

¹ См.: *Marxism, communism and western society. A comparative encyclopedia.* N. Y., 1972. Vol. 1—8. P. 203.

² См.: *Culture and its creators/Ed. by J. Ben-David and F. Clarc.* Chicago, 1977. P. 15.

«конец всякой идеологии». Это выдается за основание для оправдания современной теории «деидеологизации».

Выше отмечалось, что классовый характер идеологии не противоречит ее истинности, если речь идет о научной идеологии. В марксистском мировоззрении, выражающем интересы рабочего класса, дано решение важнейших проблем исторического развития. В нем определены роль и место в социальном процессе не только пролетариата, но и других классов, представлена разносторонняя панорама общественной жизни.

Что касается второго тезиса С. Липсета, то он тоже заведомо ложен. Ф. Энгельс говорил вовсе не о том, что идеология непременно отомрет и наступит ее конец, о чем в наше время, до начала 70-х годов, много писали буржуазные исследователи, сторонники концепции «деидеологизации». У Энгельса речь идет о характеристиках ложного сознания. Он подчеркнул, что оно стойко, органично присуще буржуазному социальному мышлению и его устранение привело бы к исчезновению идеологии. Но в том-то и дело, что ложное сознание составляет существо идеалистического подхода к познанию социальных явлений, его не так легко изжить, «...иначе, — отмечает Ф. Энгельс, — пришел бы конец всей идеологии»¹. В этом выводе не содержится пророчества о грядущей деидеологизации, а, напротив, отмечается устойчивость идеологического метода мышления как формы отвлечения от реальности.

Рассматривая марксистское учение об идеологии, многие буржуазные исследователи пытаются фальсифицировать идею классового подхода к ее генезису. Так, швейцарский профессор Г. Барт в многократно переиздаваемом труде стремится доказать, будто К. Маркс выводил ложные идеи из противоречий самого сознания, утверждал, что всякое продвижение к истине бессмысленно². Однако основоположники научного коммунизма не рассматривали ложное сознание как результат «ошибок разума». Они считали его классово ограниченным сознанием, обусловленным антагонистической основой общества. Противоречивое бытие, по их мнению, порождает противоречивое сознание. Согласно марксистскому учению, пишет Барт, источником формирования идеологии является способность познания фетишизировать действительность. Он подробно разъясняет, что основоположники научного коммунизма трактовали любую идеологию как иллюзорное, идеалистически отчужденное сознание. Барт проводит аналогию между марксистским пониманием идеологического процесса и учением французских просветителей о предрассудках, которые возникают в результате нелепого, ошибочного мышления индивида.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 313.

² См.: Барт Н. Wahrheit und Ideologie. Erlenbach, 1981.

Но у К. Маркса и Ф. Энгельса носителями идеологии являются классы, политические партии, а не отдельные субъекты, как у Барта, упрощенно трактующего процесс познания, исключаящего из него социально-историческую практику. Источником заблуждений, согласно марксизму, являются не «ошибки индивидуального разума», не предрассудки познающего субъекта, а противоречивое бытие, искаженное отражение социальных процессов в сознании таких общностей, как классы. Поэтому попытка объяснить существование идеологии антропологическими, психологическими особенностями отдельных людей, игнорируя при этом социально-исторические факторы, совершенно несостоятельна.

Барт приписывает марксизму некий автоматизм в понимании генезиса идей. Он игнорирует положение марксизма о том, что идеология не является прямым отражением идей господствующего класса, а представляет собой более сложный феномен. По Барту, получается, будто марксисты вообще не изучают природу идей как таковых, а ограничиваются указанием на социально-исторические факторы, которые их порождают. Если, мол, в марксизме сознание является лишь отражением бытия, если форма и содержание сознания полностью определяются материальными условиями жизни, то личность, стало быть, автоматически задается некими «реальными условиями» исторического процесса. Именно такие представления с позиции теории научного коммунизма оцениваются как вульгарно-социологические.

Формы идеологического сознания, согласно марксизму, не служат простым, зеркальным отражением социально-исторической практики. Реальный процесс духовного освоения действительности связан с развитием общества, постоянно изменяющимися социальными явлениями. Кроме того, как мы покажем далее, идеология играет далеко не пассивную роль в обществе, оказывая воздействия на реальные мотивы поведения людей.

Барт неправомерно расширяет марксистскую концепцию идеологической обусловленности общественного сознания до панидеологизма. Он утверждает, что не только надстроечные явления, но и вся духовная жизнь общества, сфера сознания и самосознания человека якобы трактуются Марксом как область идеологического. По мнению Барта, К. Маркс персонифицирует экономические категории и тем самым абсолютизирует роль социальных институтов, общественных факторов.

Подобные доводы не однажды выдвигались и другими противниками марксизма. Напомним еще раз, что марксизм отвергает вульгарно-детерминистические представления об автоматической предопределенности содержания сознания классовой принадлежности индивида или отдельных социальных групп. Общественная обусловленность сознания индивида может быть

понята с более широких позиций — с точки зрения не только классовой принадлежности человека, но и характера общественных отношений.

Буржуазные теоретики приписывают марксизму понимание идеологии как формы пассивного отражения социальной действительности¹. Поскольку К. Маркс и Ф. Энгельс высказали немало суждений, отвергающих эту точку зрения, западные исследователи иногда вынуждены приводить их. Но тогда пускается в ход другая фальсификация, будто в марксизме вообще отсутствует целостная концепция идеологии, а есть лишь исключаящие друг друга подходы к анализу этого социального феномена. Такой вариант извращенного толкования марксистской концепции идеологии мы находим в работе западногерманского социолога Э. Хёльцле². Этот автор подчеркивает, что воззрения основоположников научного коммунизма об идеологии постоянно эволюционировали. Ранее уже отмечалось, что в процессе создания теории идеологии их взгляды углублялись, формулировки уточнялись, выливаясь в стройную, научную концепцию. Но Э. Хёльцле имеет в виду нечто иное. Он проводит разграничительную линию между взглядами молодого и зрелого Маркса, между воззрениями Маркса и Энгельса.

Из рассуждений Хёльцле вытекает, будто К. Маркс не отождествлял ложное сознание с умышленной фальсификацией. Это сделал якобы Ф. Энгельс, огрубив мысли К. Маркса. Кроме того, утверждает Хёльцле, Ф. Энгельс не отрицал того факта, что идеология оказывает определенное воздействие на исторический процесс, и не считал, следовательно, экономический фактор единственно определяющим происхождение идей и сознания в целом. Попытки противопоставить взгляды К. Маркса взглядам Ф. Энгельса не выдерживают критики, поскольку их понимание идеологии было единым. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что в начале своей деятельности основное внимание они уделяли обоснованию материалистического понимания сознания. Вместе с тем они подчеркивали, что не акцентировали свои усилия на раскрытии другой стороны этого вопроса — активной роли идеологии. Ф. Энгельс призывал молодых марксистов восполнить этот пробел.

Ф. Энгельс действительно раскрыл активную роль идеологии, представил ее как фактор, влияющий на общественные процессы. Но эти положения не противоречили взглядам К. Маркса, а развивали, обогащали выработанную ими концепцию идеологии. Разработка таких важных проблем, как роль субъективного фактора в истории, относительная самостоятельность идеологии, говорит о целостности и глубокой научности марксистской теории идеологии.

¹ См.: *Merquior J. G. The veil and mask: Essays on culture and ideology.* L., 1979.

² См.: *Höizle E. Idee und Ideologie.* Bern, 1983.

Как не раз подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, духовные явления нельзя выводить непосредственно из развития производительных сил, поскольку между экономическими и идеологическими факторами нет однозначной зависимости. Идеология обладает относительной самостоятельностью, внутренней преемственностью, собственной логикой развития. Духовные явления оказывают влияние на процессы общественного развития. Отношения между общественным бытием и общественным сознанием сложны, подвижны и изменяются вместе с развитием и усложнением общественной жизни. Марксисты выступают против недооценки и игнорирования роли политических и идеологических факторов в истории, подчеркивая, что экономические условия жизни определяют общественное сознание лишь в конечном счете. Поэтому необходим всесторонний анализ духовных процессов, связанных как с идеологией, так и с социально-психологическими явлениями.

Можно указать также и на другие фальсификации буржуазных теоретиков, стремящихся доказать внутреннюю противоречивость марксистской концепции идеологии. Попытки тенденциозно представить марксистскую концепцию идеологии предпринимаются в буржуазной литературе, как правило, в традициях идеализма и буржуазного историзма. При таком подходе особое внимание уделяется философским работам молодого Маркса. Что касается его экономических трудов, то либо считается, что они не имеют непосредственного отношения к разработке этих проблем, либо утверждает, что в них пересматриваются его прежние философские позиции.

В буржуазной литературе обнаруживается и другая тенденция. Ее представители считают, что марксистская концепция идеологии создавалась зрелым Марксом, а его ранние работы они оценивают негативно. При этом воззрения основоположников научного коммунизма, особенно К. Маркса, либо отождествляются с позитивистскими взглядами, либо трактуются в духе структурализма. Эти положения получили особое хождение в буржуазной литературе после выхода в свет работ французского философа Л. Альтюсера. Рассматривая историю формирования представлений об идеологии в марксизме, Альтюсер утверждает, будто ранние работы Маркса не содержат научного понимания сущности идеологии. По его мнению, элементы такого осмысления имеются в «Капитале».

Говоря об «идеологическом» периоде в идейном развитии К. Маркса, Альтюсер подчеркивает большое влияние на его взгляды классической немецкой философии конца XVIII — начала XIX в. В 1840—1842 гг. К. Маркс испытывал, по мнению Альтюсера, преимущественно воздействие «кантианско-фихтеанских воззрений», а в 1842—1845 гг. он был феербахянцем. «Идеологизм» Маркса заключается, по словам Альтюсера, в том, что он ставил проблему человека, его сущности, свободы

и т. д. Затем Маркс якобы отошел от этой проблематики, что нашло отражение в трех существенных моментах: «... 1) в создании теории истории и политики, с использованием таких новых понятий, как социальная формация, производительные силы, производственные отношения, суперструктура, идеология, определяемая в конечном счете через экономику и другие уровни социальной практики; 2) в рациональной критике теоретических претензий всякого философского гуманизма; 3) в определении гуманизма как идеологии»¹.

Анализируя познавательные принципы, из которых исходил К. Маркс при исследовании проблем политической экономии, Альтюсер пытается показать противоположность между «идеологическим» и «научным» подходом к познанию истории, который якобы осуществлен зрелым Марксом. Эти взгляды французского философа получили отражение в буржуазной литературе².

Как уже отмечалось, такого рода противопоставления ранних и поздних работ основоположников научного коммунизма беспочвенны. К. Маркс и Ф. Энгельс не только разработали материалистическую концепцию истории, но глубоко и последовательно анализировали духовные процессы, создали такое учение, которое позволяет всесторонне понять сознание с точки зрения не только его обусловленности материальными условиями жизни общества, но и его активности, действительности.

Классическая немецкая философия представляла собой своеобразную «философию сознания». Реальность сознания здесь рассматривалась только в одном аспекте — в сфере восприятия и представления, которые присущи рефлексивному сознанию индивида. К. Маркс показывает обусловленность сознания социальными факторами, социальными механизмами. По словам М. К. Мамардашвили, такой подход выявил археологические глубины сознания. «Из схем Марковского анализа сознания вытекают элементы целого ряда теорий: 1) теоретической модели социальной обусловленности сознания; 2) теории фетишизма и символики социального в сознании; 3) теории идеологии (заметим, что развитая Марксом социально-философская критика идеологии и превратилась впоследствии в то, что теперь называется социологией знания как академической дисциплиной); 4) теории науки и свободного духовного производства как особых форм деятельности сознания; 5) теории сознания как орудия личностного развития человека и его ответственности в сфере культуры и исторического действия»³.

¹ *Altusser L. Pour Marx. Paris, 1969. P. 233; Altusser L. Idéologie et appareils idéologiques d'état//Pensee. Paris, 1970. № 151.*

² См.: *Abercrombie N. Class, structure and knowledge: Problems in the Sociology of Knowledge. Oxford, 1980.*

³ *Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса//Вопросы философии. 1968. № 6. С. 16—17.*

Еще при жизни Ф. Энгельса буржуазные идеологи пытались приписать марксистам односторонний взгляд на общественный процесс, утверждая, что они отрицают активную роль надстроечных явлений. Ф. Энгельс в письмах об историческом материализме показал полную несостоятельность подобных утверждений, подчеркнув значимость духовных процессов, оказывающих влияние на ход исторических событий. Ф. Энгельс проанализировал происхождение и развитие всех основных надстроечных форм, раскрыл их сложное взаимодействие как с экономической основой общественной жизни, так и между собой. Он показал, что надстроечные явления могут либо содействовать развитию общества, либо, напротив, тормозить его дальнейший прогресс и даже реконструировать отжившие уклады. В сфере надстройки антагонистического общества рано или поздно возникают новые духовные процессы, складывается революционная идеология, которая способствует разрушению прежнего базиса и установлению нового, более передового. Влияние надстройки на базис представляет собой закономерность общественного развития. Раскрывая содержание понятия «относительная самостоятельность идей», Ф. Энгельс конкретизировал марксистское учение о роли идеологических форм, а также других форм общественного сознания в истории.

Некоторые буржуазные теоретики утверждают, будто в марксистской концепции идеологии отрицается преемственность идей, ибо идеология связывается с конкретной формацией. Так, профессор социологии Бразильского университета Ж. Г. Меркиор в книге «Вуаль и маска: очерки о культуре» подчеркивает, что в соответствии с известным определением идеологии, которое содержится в «Немецкой идеологии», трудно анализировать кочующие мифологические образы, существующие в различных идеологических системах»¹.

Эта точка зрения откровенно тенденциозна. Марксистская теория идеологии учитывает не только активную роль сознания, но и способы накопления идейного материала, сложную и многофункциональную судьбу конкретных идей, рожденных в ту или иную эпоху, но продолжающих свою жизнь в иной социально-исторической обстановке. Дело в том, что между формами общественного сознания складываются специфические связи. На различных исторических этапах философия или наука может отражать наиболее активные и значимые элементы общественного сознания. Скажем, в средние века религия играла огромную роль. Вполне естественно, что в этот период религиозное учение интенсивно вбирало в себя политические и мировоззренческие идеи, философия приобретала теологическую окраску.

---

¹ См.: Merquior J. G. The veil and the mask: Essays on culture and ideology. L., 1979.

К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что идеология каждого класса использует весь идейный материал, накопленный человечеством. Разумеется, духовные представления подвергаются при этом переработке в соответствии с задачами того или иного класса. Вот почему некоторые идеи в преобразованном виде могут входить в арсенал разных идейных течений. Порой целые идейно-мифологические комплексы возрождаются в новых идеологических построениях, если возникает общественная потребность в этом.

Как уже говорилось, буржуазная пропаганда создает разветвленную социальную мифологию, мобилизуя, в частности, различные древние сюжеты, символы и т. д. «До сих пор думали, — писал К. Маркс, — что создание христианских мифов было возможно в Римской империи только потому, что еще не было изобретено книгопечатание. Как раз наоборот. Ежедневная пресса и телеграф, который моментально разносит свои открытия по всему земному шару, фабрикуют больше мифов (а буржуазные ослы верят в них и распространяют их) за один день, чем раньше можно было изготовить за столетие»¹.

О социальной мифологии К. Маркс писал также в одном из писем к Зорге в 1877 г. Компромисс социалистов с лассальянцами, подчеркивал он, порождает соглашение с другими половинчатыми элементами, в том числе «с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов», которые как раз и пытаются заново персонифицировать богинь «справедливости, свободы, равенства и братства»².

Показывая возрождение тех или иных кочующих мифов, К. Маркс и Ф. Энгельс всегда подчеркивали их классовый смысл, их роль в новой исторической обстановке. Так, критикуя Бакунина, они писали, что морально-политические рассуждения этого идеолога включали в себя самые неожиданные ходы мысли. Например, как это ни парадоксально, бунтарско-анархистская концепция Бакунина включала идеи дисциплинарного единомыслия, которые покоились, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, на принципе, сформулированном лидером иезуитов Игнатием Лойолой³. Анализируя идеи Бакунина, они отмечали, что в них в пародийной форме воспроизводились такие важнейшие установки иезуитов, как инквизиторство, идея папской непогрешимости, эскобарство (правило «цель оправдывает средства») ⁴.

К. Маркс и Ф. Энгельс вопреки мнению Меркиора, который пытается обединить марксистскую концепцию идеологии, всегда учитывали преемственность идей, возможности их переосмысления идеологами новой эпохи. «Духи прошлого», «боевые

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 215.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 234.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 342.

⁴ См. там же.

лозунги», «костюмы», подчеркивали они, нередко заимствуются, чтобы разыграть новую сцену всемирной истории¹. Это говорит не только о том, что идеи обладают миграционной способностью и, стало быть, относительной свободой, автономностью. Речь идет о возрождении в конкретных условиях социальной мифологии, уже выполнявшей свое назначение, но переосмысленной в новых исторических условиях в интересах того или иного класса.

Именно с этой точки зрения К. Маркс анализировал в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» своеобразие революционных ситуаций во Франции в 1793 и 1848 гг. Он показал, что в ходе революционных событий 1848 г. фигурировали те же лозунги и призывы, которые использовались ранее, во времена Великой французской революции. Однако они приобрели теперь иное, пародийное звучание. «Традиции всех мертвых поколений,— писал К. Маркс,— тяготеют, как кошмар, над умами живых»². Он отмечал при этом, что в эпохи революционных кризисов люди прибегают к заклинаниям, взывая к помощи духов, чтобы в освещенном древностью наряде разыграть новые ситуации. «При рассмотрении этих всемирно-исторических заклинаний мертвых,— отмечал он,— тотчас же бросается в глаза резкое различие между ними»³. В одном случае можно говорить о вокрешении духа революции, в другом — о том, чтобы «заставить снова бродить ее призрак»⁴.

Историко-сравнительный анализ ненаучных идеологий разных эпох показывает, что в них есть общие элементы, некие комплексы, те или иные социальные мифы, которые составляют ядро различных идейных течений, иногда исторически далеких друг от друга. Например, идеи порядка, справедливости, свободы, мессиянства обретают в разных идеологиях конкретное историческое и политическое звучание. Лозунги освобождения от произвола властителей пронизывали, например, различные реформаторские движения. Они содержались и в идеологии ранней буржуазии.

Однако это не означает, будто в духовной жизни человечества постоянно воскрешаются одни и те же фикции, иллюзии. Именно так считают многие современные буржуазные социологи, которые полагают, что теории идеологии должны в основном классифицировать постоянно преобразуемые социальные мифы. При таком подходе история человечества выглядит фарсом, ибо получается, что различные социальные движения провоцируются вечно воскрешаемыми мифами. Одни и те же иллюзии якобы воодушевляют все новые и новые поколения. В этом отношении сохраняют свою актуальность следующие

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 119.

² Там же.

³ Там же. С. 120.

⁴ Там же. С. 121.

слова К. Маркса: «Поверхностному наблюдателю кажется, будто все великие исторические движения в конце концов обращаются фарсом или, по крайней мере, банальностью»¹. На самом деле исторический процесс подчинен объективным закономерностям, а участвующие в политической борьбе классы апеллируют к разным духовным традициям в соответствии с теми социальными задачами, которые они решают.

С обострением социальных антагонизмов капиталистического общества усложняются связи между идеологией и пропагандой. Так, мелкобуржуазные представления превращаются в иллюзии, в массовые предрассудки. Господствующий класс, обладая реальной властью, прилагает большие усилия для внедрения в сознание людей различных идеологических фикций. При этом сама буржуазная идеология испытывает на себе влияние «расхожих» взглядов, стимулируемых пропагандистским процессом. Она постоянно несет на себе отпечаток того, что вслед за К. Марксом можно назвать идеализмом повседневной жизни, ее обыденной вульгарной религией.

Основоположники научного социализма показали качественно новое соотношение, которое складывается между передовой теорией и формами ее распространения. Возникновение революционной идеологии рабочего класса, превращение социализма из утопии в науку предопределили развитие принципиально новых, социально активных форм духовно-идеологической практики. К. Маркс, как уже отмечено советскими исследователями, в ранних своих работах характеризует «союз между философией и пролетариатом» в понятиях массовой социально-исторической практики, которая невозможна без развернутого просвещения, без широкого распространения научной идеологии.

К. Маркс и Ф. Энгельс раскрыли ряд социологических закономерностей, которые характеризуют массовые идеологические процессы. Однако в отличие от господствующих в их время абстрактно-просветительских взглядов на пропаганду как на отвлеченное просвещение, разъяснение вечных истин К. Маркс и Ф. Энгельс показали классовый характер пропаганды.

Они дали этому понятию широкое социально-экономическое, политическое и историческое истолкование. Отметив, что пропаганда действительно предполагает широкое просвещение масс, немыслима без просветительского пафоса, К. Маркс и Ф. Энгельс вместе с тем показали, что этим дело не ограничивается. Излагая научные основы мировоззрения пролетариата, выдвигая задачи теоретического просвещения масс, К. Маркс и Ф. Энгельс употребляли понятие пропаганды не только в этом смысле. Основоположники научного коммунизма выделяли пропаганду марксистскую «в подлинном смысле слова»², а

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 174.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 498.

также пропаганду «сектантскую»¹, «религиозную»², «либеральную»³, «буржуазную парламентскую»⁴ и т. д.

Такое представление было огромным теоретическим обобщением, шагом вперед по сравнению с просветительскими воззрениями, сторонники которых полагали, что распространение идей, т. е. «просвещение масс», началось именно в их эпоху, а прежде как особый феномен оно не было знакомо. Эту точку зрения разделяют сегодня и некоторые буржуазные авторы. Р. Арон и Д. Белл связывают появление идеологии (и пропаганды как способа их распространения) с упадком религиозной веры, наступившим в западноевропейских странах в XVIII—XIX вв.

К. Маркс и Ф. Энгельс, раскрывая иллюзии мыслителей XVIII в., показали, что на протяжении всей истории цивилизации господствующая идеология насаждалась путем пропаганды. Таким образом, были преодолены абстрактно-просветительские представления о пропаганде как подвижнической деятельности, вызванной чисто субъективными намерениями, гуманистическими целями просвещения и т. д. К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что массовые социальные движения также использовали пропаганду как средство распространения своих идей. Единой «общечеловеческой» идеологии в истории никогда не существовало. Зато всегда действовали противоборствующие идеологии, выражавшие интересы каждого из существовавших в эту эпоху классов. К. Маркс и Ф. Энгельс дали развернутое социологическое объяснение пропаганде, которая служила средством распространения идеологии. Они раскрыли классовый характер, социальную природу и общественные функции пропаганды. Вместе с тем они отметили своеобразное обесценивание и измелчание просветительских идеалов в культурной практике капитализма XIX в. Это нашло свое отражение в анализе различных типов литературы, воссоздающих представления вульгарной демократии.

Таким образом, история пропаганды в Европе показывает, что на протяжении многих веков велась борьба различных идеологий. С появлением пролетариата одной из острых форм классовых столкновений стала идеологическая борьба. В ней находит отражение конфронтация научной (пролетарской) и ненаучной (буржуазной) идеологии. При этом мировоззрение буржуазии все больше вырождается в социальную мифологию, пролетарская же идеология, напротив, последовательно, развивается, крепнет, утверждается как подлинно научное мировоззрение, способное адекватно отобразить реальность, выработать исторические прогнозы, предложить средства для их реализации.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 423.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 368.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 577.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 95.

В. И. ЛЕНИН О ПРОПАГАНДЕ

§ 1. Понятие научной идеологии

Уже XVIII и особенно XIX век наглядно показали, что новые каналы пропаганды — газеты и журналы — вопреки просветительским концепциям не проясняют общественное сознание, а используются господствующей буржуазией для искажения действительности, для эксплуатации предрассудков и иллюзий масс. Применение технических средств в культурной практике капитализма ознаменовалось не приобщением людей к высшим духовным ценностям, как полагали просветители, а развернутой программой манипулирования сознанием масс.

К. Маркс и Ф. Энгельс наглядно продемонстрировали, что массовые средства общения в силу классового характера пропаганды могут в равной мере служить правде и иллюзиям, сознательности и духовному соvrращению, знанию и предрассудкам. Буржуазная идеология не отвечает интересам большинства людей. Поэтому она навязывается обществу принудительно. Иллюзии «классической демократии», на которой настаивали просветители, быстро обнаружили свою несостоятельность. Они оказались в весьма разительном противоречии с практикой буржуазного общества. Стало очевидным, что постоянный рост тиражей, увеличение объема материалов печати отнюдь не приводит к свободному изъявлению воли большинства граждан буржуазного мира.

После того как капитализм вступил в свою последнюю стадию — империализм, буржуазия окончательно превратилась в реакционную силу. Углубились и обострились антагонизмы капиталистического общества. В этих условиях перед идеологами господствующего класса встала задача оправдать существование капиталистической системы, показать ее жизнеспособность, сгладить лежащие в ее основе непримиримые противоречия. Вот почему элементы достоверного социального знания, содержащиеся в буржуазной идеологии, сменились откровенной апологетикой буржуазных отношений, продуманным искажением реальных социальных фактов.

Буржуазные идеологи все реже обращаются к трезвому осмыслению действительных общественных противоречий. Они вынуждены разрабатывать и обосновывать различные духовные фикции, скрывающие объективный ход общественного развития. Защищая интересы господствующего класса, они создают и всячески пытаются доказать правомочность различных социальных мифов. Последние освещают «вечные» вопросы власти и подчинения, зависимости и свободы, несправедливости и равенства.

Миф как самостоятельная форма сознания возник в глубокой

древности, еще до появления религии. Будучи исторически одной из форм сознания, миф не исчез после того, как появилась религия, идеология, наука. Он продолжал оказывать воздействие на представления людей. Однако в XIX—XX вв. в судьбе мифа произошли существенные перемены. Прежде всего его начали использовать при анализе социально-политических проблем. Так, в общественном сознании капиталистического мира появились мифы «буржуазного прогресса», «процветания», «равенства», «всеобщего благосостояния». Буржуазные политики и идеологи, создавшие эти мифы, стали разрабатывать особый тип идеологического сознания — социальную мифологию.

В идеологии нового и новейшего времени понятие мифа использовалось для обозначения различного рода иллюзорных представлений, которые тем не менее оказываются средством социальной ориентировки для некоторых общественных групп. Еще основоположники научного коммунизма обратили внимание на попытки заменить научное понимание исторического процесса социальной «мифологией с ее богинями справедливости, свободы, равенства и братства»¹. К. Маркс и Ф. Энгельс раскрыли объективные причины, которые привели к перерастанию буржуазной идеологии в социальную мифологию.

Потребность в социальной мифологии была вызвана прежде всего усилением кризисных процессов в капиталистической экономике, социальных отношениях, политике, общественном сознании. Перерождению буржуазной идеологии в мифологию способствовало и широкое распространение иррационализма, который сменил рационализм периода становления капитализма. Этот процесс явился идеологическим отражением изменений в социальной действительности. Многие буржуазные философы стали сомневаться в познавательных возможностях разума и отводить особую роль интуиции, чувствам, инстинктам. Уже с середины XIX в. иррационализм оказался отличительной чертой буржуазного сознания, философским выражением кризиса буржуазной идеологии.

Еще раз подчеркнем и такую причину широкого распространения социальной мифологии, как рождение новых каналов информации. Появление новых средств идеологического воздействия — печати, а позже радио и телевидения — раскрыло огромные возможности для фабрикации социальных мифов и внедрения их в общественное сознание. В период перехода капитализма в стадию империализма усилилась роль массовой пропаганды.

В трудах В. И. Ленина содержится развернутая система суждений о пропаганде как социальном явлении, о ее классовом характере, общественных функциях, о содержании и фор-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 234.

мах идеологической борьбы в современном мире. Некоторые из этих вопросов уже получили освещение в советской литературе¹.

Ленинские идеи о пропаганде как социальном явлении, о контрпропаганде широко комментируются в современной буржуазной литературе. Выдвигается, в частности, тезис о том, что политика СССР и других социалистических стран носит будто бы откровенно-прагматический характер, что правящие партии этих стран «готовы использовать любые средства идейного воздействия, лишь бы достичь своих целей». Отныне коммунистическая идеология, делают они заключение, «подчиняется пропаганде, которой предстоит добиваться прямых политических результатов». В этом, по их мнению, смысл понятия «контрпропаганда».

Буржуазные социологи, извращая ленинские суждения, хотят во что бы то ни стало подорвать влияние правдивой советской пропаганды, базирующейся на марксистско-ленинском мировоззрении. Попытки исказить ленинскую концепцию пропаганды не новы. Особенно активно они проявились в 60-е годы. Такие видные западные социологи, как Ж. Доменак, Ж. Эллюль, утверждали, будто в современном мире прежнее, характерное для прошлого века соотношение между идеологией и пропагандой радикально изменилось.

Так, Ж. Эллюль в книге «Пропаганда» отмечал, что к концу XIX в. между идеологией и пропагандой сложилось традиционное отношение, при котором господствующую роль стали играть мировоззренческие системы. Процесс пропаганды целиком детерминировался идеологией. Однако эта классическая схема, по мнению французского социолога, оказалась непригодной для политической практики нового столетия. «Новое отношение, — пишет Эллюль, — характеризуется тем, что пропаганда уже не подчинена идеологии, не ставит целью ее распространение, а становится автономной и подчиняется лишь своим собственным законам, главный из которых — эффективность и утилитарность»².

Эта тенденция будто бы затронула все господствующие идеологии XX в., особенно марксизм, которые поставлены ныне в зависимость от пропаганды, от ближайших тактических целей, от сегодняшних политических интересов, в результате чего социальная конъюнктура обеспечивается теперь не идеологией, а пропагандой³. Содержанием концепции Ж. Эллюля является положение о том, что якобы именно в результате нынешней политической практики, преследующей временные, утилитарные

¹ См.: Кротов Ф. Г. Ленинская теория пропаганды и современность. М., 1972; Гуревич П. С. Ленин о пропаганде. Ленинские традиции пропаганды. М., 1969; его же. Ленинские принципы наступательности в борьбе с буржуазной идеологией и современность. М., 1983.

² Ellul J. Propaganda. N. Y., 1972. P. 216.

³ См. ibid.

цели, а также в результате социальных последствий научно-технической революции связь между идеологией и пропагандой не только преобразилась, но, по существу, и вовсе распалась. В современном обществе (при этом Эллюль имеет в виду и капиталистический, и социалистический мир) пропаганда перестала нуждаться в идеологии как поставщице идей и представлений. Она сама, по словам Ж. Эллюля, может творить миф, а стало быть, поэтому становится автономной¹.

Кроме того, разъясняет французский социолог, современные пропагандисты даже не знакомы с общей системой социальных воззрений, ибо они изолированы от процесса производства идей, фактически безразличны к смысловой структуре тех или иных суждений или образов. Их интересует якобы лишь арсенал приемов, с помощью которых можно добиться определенного результата в пропаганде. «Идеология постепенно,— пишет Ж. Эллюль,— выстраивается вокруг действий, предписанных пропагандой»².

Грубо извращая факты, он приписывает В. И. Ленину, партии большевиков сомнительную честь первооткрывателей новой закономерности. Именно партия большевиков, по его словам, осознала, что будто «современный мир в основе своей — это мир средств, что важно поэтому использовать все для достижения цели... А это как раз и есть дело пропаганды. Она становится решающим фактором и позволяет себе модифицировать содержание идеологии»³.

Марксизм-ленинизм отвергает подобную абстрактную постановку вопроса о соотношении идеологии и пропаганды. Нет и не может быть единого понимания их сущности и социальной природы в обществе, расколотом на враждебные классы. Марксистско-ленинская философия исходит из принципиального разграничения научной (коммунистической) идеологии и идеологии ненаучной (буржуазной). Это разграничение — первейшее условие при решении всех вопросов идеологической борьбы.

«...В обществе, раздираемом классовыми противоречиями,— писал В. И. Ленин,— и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии»⁴. В условиях противоборства социализма и капитализма всякая попытка выдвинуть вопрос об «идеологии вообще», «пропаганде вообще» носит откровенно классовый характер.

Марксистско-ленинская наука видит различие, качественное своеобразие идеологии и пропаганды. Вместе с тем очевидно, что они тесно связаны между собой. На некоторых особенностях их внутренней зависимости и спекулируют буржуазные социологи. Марксизм-ленинизм всегда исходит из приоритета миро-

¹ См.: *Ellul J.* Op. cit. P. 30.

² Ibid.

³ Ibid. P. 217.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 39—40.

воззрения, идеологии по отношению к пропаганде как средству распространения тех или иных социальных взглядов. Пропаганда выявляет свой классовый, партийный характер в особенно открытой форме, ибо она соотносит общие теоретические положения с конкретной социальной действительностью, яснее раскрывая таким образом классовую сущность идеологии.

Стратегическая задача идеологии состоит в том, чтобы вооружить класс теоретическим осознанием своих исторических задач. Роль пропаганды в общественно-историческом процессе обусловлена, таким образом, тем, какие социальные представления и идеи она несет. Основоположники научного социализма показали качественно новое соотношение, которое складывается между передовой теорией и формами ее распространения. Пролетарская пропаганда так же научна, как пролетарская социалистическая идеология. Буржуазная пропаганда так же ненаучна, как буржуазная идеология. Интересы буржуазии заставляют ее пропагандировать то, что ей выгодно, а выгодно ей проповедовать самые реакционные идеи.

К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что пролетариат не нуждается в иллюзиях относительно своего положения, своих задач. Его классовое сознание должно быть научным. Превратив социализм из утопии в науку, они выработали научное мировоззрение. «Этот результат,— подчеркивает В. Ж. Келле,— уже содержал в себе возможность определить классовое сознание пролетариата, выраженное марксизмом, как научную идеологию. Сами основоположники марксизма этого вывода не сделали, поскольку научные идеи марксизма в этот период еще не стали реальным компонентом сознания эксплуатируемых масс... Заложенная с самого начала в марксизме возможность его превращения в научную идеологию (имея в виду, что идеология представляет собой реально действующее классовое сознание) стала действительностью. Это и дало основание В. И. Ленину говорить о появлении на исторической арене подлинно научной идеологии»¹.

Опираясь на труды основоположников марксизма, В. И. Ленин ввел и обосновал понятие научной идеологии, определил марксизм как научную идеологию². Это понятие имело огромное методологическое значение в борьбе против буржуазной идеологии. Последняя служит оправданием изжившего себя капиталистического строя, она антинаучна и реакционна. В. И. Ленин назвал учение научного социализма «идеологией пролетариата»³, «пролетарским мировоззрением»⁴, «коммунистической нау-

---

¹ Келле В. Ж. Ленинская концепция научной идеологии//Борьба идей в современном мире. М., 1976. Т. 2. С. 71.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 138.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 379; Т. 9. С. 275.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 284.

кой»¹, рассматривая эти определения как идентичные, однопорядковые. В. И. Ленин обстоятельно проанализировал и развил такие принципиальные вопросы марксистской теории идеологии, как представления о классовой и партийной сущности идеологии, о связи идеологии и общественных наук, о роли социалистической идеологии в борьбе угнетенных, о законах идеологической борьбы в современную эпоху.

Возникновение революционной идеологии рабочего класса, превращение социализма из утопии в науку предопределили принципиально новую роль пропаганды. Отныне она стала активно распространять прогрессивные воззрения, передовые социальные идеи. Вот почему Ф. Энгельс подчеркивал необходимость серьезной теоретической работы, предваряющей пропаганду. «...Когда хочешь заниматься такой пропагандой,— писал он,— когда хочешь вербовать себе единомышленников,— тогда... приходится заняться обоснованием и, стало быть, подходить к делу теоретически, то есть в конечном счете научно»².

Развивая эти мысли, В. И. Ленин проанализировал такие принципиальные вопросы марксистской теории, как научный характер идеологии рабочего класса, соотношение идеологии и пропаганды, принципы и задачи социалистической пропаганды и контрпропаганды. Он показал, что марксистская идеология выступает как средство социальной ориентации масс, научность и революционность находятся в ней в органическом единстве.

С появлением пролетарской, коммунистической идеологии, которая призвана освободить людей от духовного рабства и указать путь к познанию закономерностей развития мира, был решен вопрос о действительной соотношении между идеологией и наукой. Западные исследователи уже в начале века пытались доказать, что только наука способна открывать истины, осмысливать социальные процессы. Идеология же, будучи формой ложного сознания, не может дать достоверного знания.

В. И. Ленин доказал, что мировоззрение пролетариата не сводится только к защите его узкоклассовых интересов. Оно раскрывает широкую панораму истории, объективные закономерности исторического развития, коренящиеся в способе производства, выражает диалектико-материалистический взгляд на историю, определяет место каждого класса в обществе. Еще в 1898 г., определяя содержание партийной пропаганды, В. И. Ленин писал: «...Работа русских социал-демократов состоит в *пропаганде* учений научного социализма, в распространении среди рабочих правильного понятия о современном общественно-экономическом строе, его основаниях и его развитии, о различных *классах* русского общества, об их взаимоотношении, о борьбе этих классов между собой, о роли рабочего класса в

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 304.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 532.

этой борьбе, его отношении к падающим и развивающимся классам, к прошлому и будущему капитализма, об исторической задаче международной социал-демократии и русского рабочего класса»¹.

Концепция пропаганды и контрпропаганды у В. И. Ленина тесно связана с дальнейшим развитием мысли Ф. Энгельса о трех формах классовой борьбы — экономической, политической и теоретической.

Марксистско-ленинская идеология противостоит идеологии буржуазной и ведет с ней непримиримую борьбу. Мирного сосуществования с буржуазной идеологией быть не может. В этой борьбе нет места компромиссам. Раскрывая характер идеологической борьбы, В. И. Ленин критически освоил огромный опыт пропаганды, накопленный различными классами. Он показал, что борьба между различными социально-экономическими системами приобретает прежде всего теоретический, «профессорский» характер.

Однако идеологическая борьба не сводится только к теоретическим конфронтациям. Она проявляется также в оценке событий, т. е. в характере информирования населения. Пытаясь выработать определенные умонастроения, буржуазная пропаганда широко использует тенденциозное освещение событий дня. Для закрепления господствующих при капитализме воззрений буржуазная пропаганда апеллирует и к обыденному сознанию, пытаясь выявить идеологические аспекты в самой повседневности, в социальном окружении.

В попытках подорвать единство марксистской идеологии и коммунистической пропаганды, научной теории и революционной практики, их реальную связь буржуазные социологи все более обнажают классовые цели империалистической пропаганды, потребности монополистического капитала разрабатывать «всестороннюю» аргументацию против влияния идей научного коммунизма во всем мире.

Правильное осмысление проблемы соотношения идеологии и пропаганды невозможно без прослеживания исторических судеб противоборства коммунистической и буржуазной идеологий. В начале XX в. буржуазная идеология еще сохраняла монополию, поскольку коммунистическая пропаганда в противоположность буржуазной является средством распространения научных идей марксизма-ленинизма, способом революционного воспитания трудящихся, испытанным методом вовлечения их в активную политическую деятельность. Поэтому она немыслима без органической связи с пролетарским мировоззрением, которое, в свою очередь, активно обращено к массам.

В условиях буржуазно-помещичьей России работа революционных социал-демократов-марксистов состояла в пропаганде

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 447.

научного социализма, в распространении среди рабочих единственно правильного, классового представления о современном им общественно-экономическом и политическом строе, о взаимоотношениях различных классов общества, их борьбе между собой, о роли и месте рабочего класса в этой борьбе, о его отношении к прошлому и будущему капитализма в России, об исторической задаче международной социал-демократии и русского рабочего класса¹.

Уже в то время связь марксистской идеологии и пропаганды характеризовалась общностью социальных корней и социальной позиции в защите интересов рабочего класса, в борьбе за социализм, за коммунистические идеалы. Поэтому и развитие теории, становление пролетарской идеологии были непосредственно связаны с процессом пропагандистского воздействия на массы, с продвижением идей внутри общества. Не случайно В. И. Ленин подчеркивал, что нельзя быть идейным руководителем без теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы пропагандировать результаты этой теории².

Определяя общие условия возникновения, развития и упрощения идеологии, В. И. Ленин отмечал, что она основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы³. Научная идеология исходит из знаний, накопленных человечеством. Противники В. И. Ленина считали, что сила рабочего движения — в его стихийности. Так, русский «экономист» С. Н. Прокопович в начале века доказывал, что повседневная жизнь (т. е. социальное окружение) оказывает большее воздействие на сознание рабочих, чем идеологизирование. Он писал: «Идеологи могут окрасить в свой цвет идеологические надстройки движения (уставы, программы, речи, газеты, книги), но они не способны бороться с влиянием повседневной жизни, изменить или ускорить развитие практического сознания рабочих масс»⁴.

Отвечая «экономистам», В. И. Ленин писал: «Они не понимают, что «идеолог» только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет *вперед* стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешить все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы...»⁵.

Попытка Эллюля охарактеризовать процесс массовой пропаганды в России во время подготовки социалистической революции как «независимый» от идеологии не выдерживает сопоставления с действительностью. Что же касается его утверждения по поводу крушения традиционной связи идеологии и пропаган-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 447.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 309.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 362—363.

⁴ Прокопович С. Н. К критике Маркса. СПб., 1901, С. 233.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 363.

ды (по его словам, В. И. Ленин подчинил идеологию прагматическим целям пропаганды), то оно носит откровенно антикоммунистический и клеветнический характер.

«Экономисты» полагали, что массы сами отыщут пути своего экономического освобождения. В. И. Ленин в работе «Что делать?» решительно выступил против преклонения перед стихийностью и принижения сознательности в борьбе рабочего класса. Опровергая взгляды оппортунистов, он убедительно доказал, что стихийность является лишь зачаточной формой сознательности.

Критикуя «экономистов», В. И. Ленин всесторонне развил марксистский тезис о внесении социалистической сознательности в рабочее движение, о роли революционной теории для стихийного рабочего движения, вскрыл диалектику субъективного и объективного факторов в историческом процессе¹. «Пренебрежительное отношение к теории, уклончивость и влияние по отношению к социалистической идеологии,— писал он,— неминуемо играет на руку идеологии буржуазной»².

В. И. Ленин, таким образом, постоянно подчеркивал роль идеологии, необходимость ее широкого распространения, освобождения ее от всяких идейных шатаний. Поэтому кажется удивительным, что французский социолог усматривает здесь нечто прямо противоположное: доминирование практики пропаганды, преобладание и господство стихийности, вытеснение теории под нажимом актуальных задач и узкоутилитарных политических соображений.

Но все эти черты характеризовали как раз позицию противников В. И. Ленина — русских «экономистов». Определяя конкретные задачи социал-демократов, В. И. Ленин писал: «Массовому (стихийному) движению недостает «идеологов», настолько подготовленных теоретически, чтобы быть застрахованными от всякого шатания, недостает руководителей, обладающих таким широким политическим кругозором, такой революционной энергией, таким организаторским талантом, чтобы создать на базе нового движения боевую политическую партию»³.

Конечно, условия жизни и борьбы утверждают в пролетариате классовые чувства и самосознание. Однако научное, социалистическое сознание не возникает само собой, а вырабатывается идеологами рабочего класса, понявшими всемирно-историческую миссию пролетариата. Коммунистическое мировоззрение — плод и результат научного постижения действительности. «В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся

---

¹ См.: Чагин Б. А. Ленин о роли субъективного фактора в истории. Л., 1967.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 374.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 364.

на почве капиталистических отношений, социализм *вносится* идеологами»¹.

Научная идеология пролетариата противостоит буржуазной идеологии. Классовые столкновения находят свое отражение в духовной сфере, в сфере конфронтации идей. В ходе идеологической борьбы массы осваивают прогрессивное мировоззрение, а господствующая буржуазия пытается навязать им ложные социальные идеи. Ленинское наследие и сегодня помогает теоретически осмыслить многие важные аспекты идеологической борьбы. Марксистская методология позволяет проследить связь идеологии с социальной динамикой, с развитием конкретного общественно-экономического строя, формации.

Ленинские принципы критики буржуазного сознания представляют собой научную методологию идейной борьбы, которую ведет ныне марксистская философия, вооруженная принципом партийности. «Прямая, открытая, воинствующая партийность,— отмечает Т. И. Ойзерман,— есть с точки зрения марксизма перво и непрременное условие последовательности, принципиальности в науках об обществе, в мировоззренческих вопросах. Именно критика буржуазной политической экономии была для Маркса ограниченной составной частью позитивного исследования экономических процессов, и больше того, специфической формой такого исследования, которое выявляет, с одной стороны, объективные закономерности развития капиталистического способа производства, а с другой — их отражение в буржуазном сознании, обыденном и научном»².

Подчеркивая необходимость активной борьбы против буржуазной идеологии, В. И. Ленин настаивал на разносторонней теоретической критике концепций, выдвигаемых защитниками империализма. Он говорил, по существу, о наступательности научной идеологии. В работе «Что делать?» В. И. Ленин подчеркнул: «...отвечать на нападения мы привыкли не защитой, а контрнападением»³.

Анализируя различные аспекты борьбы социалистической и буржуазной идеологий, вскрывая классовую подоснову столкновения идей в антагонистическом обществе, В. И. Ленин видел в этом социальном процессе не только противоборство двух учений, поскольку «буржуазные влияния на рабочих никогда и нигде в мире не состояли только в идейных влияниях»⁴. В. И. Ленин отдавал отчет в том, что буржуазная идеология постоянно навязывается массам не только по линии чистой теории. Она проникает в массовое сознание через стихийные, полуосознанные умонастроения. Вот почему В. И. Ленин уде-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 363.

² Ойзерман Т. И. Ленинские принципы научной критики идеализма // Вопросы философии. 1970. № 2. С. 9.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 91.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 352.

лил большое внимание характеристике массовых идеологических процессов. Его особенно интересовали проблемы развития классового сознания, формирования идеологических традиций, проявления стихийных психологических тенденций.

В трудах В. И. Ленина содержится немало наблюдений над общественными настроениями, психическими сдвигами, непосредственными состояниями сознания различных слоев и классов общества в различные моменты их конкретно-исторической деятельности. Он обращал особое внимание на политическую значимость таких настроений, как оптимизм, энтузиазм, уверенность, сомнения, апатия и пессимизм.

Господствующий класс стремится навязать массам не только свои взгляды и доктрины. Он использует пропагандистский аппарат для того, чтобы внедрить в сознание трудящихся ценности буржуазного мира, присущие ему идеалы. Поэтому буржуазная пропаганда культивирует определенные эмоциональные состояния, аффекты, стремится уловить филистерские, рабские, пораженческие и фанатические настроения, чтобы с их помощью выявить и закрепить определенные социально-психологические типы поведения, создать конкретные шаблоны «переживания».

Рассматривая то или иное «идейное поветрие», В. И. Ленин одновременно раскрывал присущие ему ценностные ориентации, говоря, например, о духе «веховщины», «духе отреченства», охватившем самые широкие слои буржуазии после поражения первой русской революции¹. В. И. Ленин отмечал, что в результате широкого распространения получили не только специфические умонастроения, но и сопутствующее идеологии веховщины эмоционально-ценностное отношение к действительности — уныние, мракобесие, юродство и т. д.

В. И. Ленин показал, что анархизм как социальное явление обладает свойством быстро превращать революционность в «покорность, апатию, фантастику»². Анализируя идеалы, пропагандируемые капиталистической печатью, он писал также о «барском анархизме», буржуазном индивидуализме, проповеди «сверхчеловека», тяге к порнографии³.

За последнее время в нашей философской литературе не раз отмечалось, что та или иная идеологическая система, став объектом широкого распространения, претерпевает известную трансформацию, обусловленную реальным состоянием общественного сознания. В сознании массовой аудитории под влиянием конкретных идей рождаются образы и представления, которые хотя и обнаруживают смысловую близость с этими идеями, но все же по своей структуре не адекватны постулатам социальной доктрины.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 88.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 14.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 99.

Массовое сознание включает в себя не только доктринальные положения (концепты), но и типологически родственные им и все же имеющие специфическую форму образы, отражающие эмоционально-ценностные ориентации людей. Поэтому идеологическое сознание неправомерно отождествлять с сознанием «реальным», «практическим», «разлитым». Так, Ю. А. Замошкин и Н. В. Мотрошилова, характеризуя мысли и настроения «новых левых», справедливо отмечают различие между философской концепцией Маркузе и спонтанным сознанием «массовых» участников этого движения¹.

Соотношение идеологии и пропаганды как теоретическая проблема не исчерпывается, разумеется, изучением «неадекватности» идеологии в процессе ее реального функционирования. Массовое сознание не просто воспроизводит элементы некогда распространенных (полноправных) теорий, но и придает им новую целостность. Люди всегда пытаются соединить разрозненные представления в соответствии с их социальным опытом. Конкретный механизм этого взаимодействия безусловно требует анализа. Ленинские суждения о пропаганде являются для советских исследователей истоком для изучения этой проблемы.

Итак, идеологическая борьба оценивается В. И. Лениным прежде всего как борьба теоретическая. Вместе с тем он показывает, что буржуазное влияние осуществляется не только путем столкновения идей. Идеология вообще имеет ценностную природу, т. е. в ее структуре немалую роль играют идеалы, жизненные ориентации, ожидания, психологические потребности. Вот почему наши идейные противники пытаются воздействовать на обыденное сознание масс. В частности, они стремятся подвести население к восприятию буржуазных идей опосредованно — через навязывание определенных ценностных ориентаций, через косвенную оценку фактов, через воздействие на умы людей с помощью всего социального окружения.

В. И. Ленин глубоко проанализировал и эти аспекты идеологической борьбы. Большое внимание, в частности, он уделил вопросам информирования масс, критике буржуазных концепций «объективного», «беспристрастного» осведомления масс. В XX в. западные теоретики отказались от просветительской концепции пропаганды как «просвещения». Они стали разрабатывать иной подход к оценке данного социального явления. Термин «пропаганда» в буржуазной литературе все чаще заменялся иным — термином «информирование». Такая переориентация была вызвана рядом обстоятельств.

---

¹ См.: Замошкин Ю., Мотрошилова Н. «Новые левые» — их мысли и настроения // Вопросы философии. 1971. № 4. С. 43—58.

§ 2. Информирование и пропаганда

Первая мировая война нанесла окончательный удар по буржуазным абстрактно-прогрессистским концепциям пропаганды. Катастрофа заставила одних мыслителей отказаться от концепции исторического прогресса в целом, других — побудила искать причины катастрофы не в объективных противоречиях социального прогресса, а в произвольных деформациях, якобы уводящих общество от предначертанных просветительской мыслью путей развития мира.

После первой мировой войны многие буржуазные социологи пришли к выводу, что именно сфера массовой пропаганды является источником исторических деформаций. Они полагали, что войны не хотел никто, ни одно буржуазное правительство, но анализ содержания печати, по их мнению, показал, будто все страны вступили в сражение под влиянием умышленных инспираций органов пропаганды. Особенно были возмущены американские социологи: им казалось, что их страна вовлечена в войну английской и французской пропагандой¹.

Уже в начале первой мировой войны в немецкой печати сложилась своеобразная форма подачи материала. Публиковались фотографии с короткими и развернутыми подписями, которые носили характер комментария. Снимки показывали картины военных действий, мучения солдат, попавших в плен, сцены грабежа и пыток. Эти материалы производили огромное впечатление на общественное мнение буржуазных стран, вызвали гнев различных слоев населения.

Читатели полагали, что имеют дело с правдивой, непроверяемой информацией. Но неожиданно выяснилось, что эти сообщения не соответствуют действительности. Снимки не были преднамеренной инсценировкой. Они воспроизводили картины подлинных событий. Однако подписи к ним строились с расчетом на преднамеренную фабрикацию общественного мнения. Текст зачастую состоял из продуманных лживых обвинений, заведомых провокаций. Например, сцена захоронения солдат подавалась как картина изощренных пыток и т. д.

Разоблачение этих фальшивок, нехитрая механика их повседневного тиражирования буквально потрясли читателей. Оказывается, органы пропаганды вполне могут вводить в заблуждение огромные массы людей, не прибегая при этом ни к убеждению, ни к сложной технике обмана. Вполне достаточно слегка исказить текст комментария, чтобы вызвать бурю страстей, сознательно инспирированных настроений. Выяснилось, что человек во всеоружии разума и трезвости абсолютно незащищен перед изощренным обманом. Возникал вопрос: какова цена

---

¹ См.: *Lasswell H. Propaganda technique in the World War.* N. Y., 1927.

человеческой разумности, если она не создает заслона против клеветы?

Оценивая эти факты, буржуазные социологи еще при жизни В. И. Ленина выдвинули концепции, смысл которых заключался в том, что в дезориентации общественного мнения виноваты журналисты. По сути дела, складывались взгляды, которые спустя несколько десятилетий нашли развернутое истолкование у Ж. Эллюля. Пропаганда, мол, утратила связь с буржуазной идеологией, ответственность за клевету и дезинформацию несут сами журналисты.

Пропагандисты, по мнению Эллюля, как правило, даже не знакомы с общей системой социальных воззрений. Они изолированы от процесса производства идей и фактически безразличны к смысловой структуре тех или иных суждений или образов. Их (журналистов, ораторов, дикторов) интересует лишь техника манипулирования и арсенал приемов, с помощью которого можно добиться определенного результата в пропаганде. Эллюль склонен видеть растворение идеологии в пропаганде, «закат идеологии», полное рассогласование мировоззрения и действия, мысли и поступка, содержания идеологической системы и набора приемов, используемых для воздействия на массовую аудиторию.

Иначе подходил к этим вопросам В. И. Ленин. Он показал, что информация является важной и неотъемлемой сферой идеологической борьбы. Использование дезинформации в буржуазной пропаганде — это не результат ее отрыва от идеологии, а закономерное следствие связи с нею. Необходимость вводить в заблуждение общественность закономерно вытекает из самой природы буржуазной идеологии. Оценивая буржуазную пропаганду, В. И. Ленин писал: «...без масс не обойтись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма *нельзя* вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками...»¹.

Разумеется, буржуазные теоретики еще при В. И. Ленине пытались прикрыть, замамуфлировать манипулятивный характер империалистической пропаганды. Уже в первые десятилетия XX в. они стремились придать термину «пропаганда» негативный оттенок и «обосновать» новое понятие — «информирование». В их трактовке передача новостей, сведений оценивалась как нечто выходящее за рамки собственно пропаганды, идеологической борьбы в целом. Западные теоретики рассматривали информационные связи между людьми как такие факторы, которые обеспечивают единомыслие в обществе, разумное и всестороннее циркулирование мнений. В. И. Ленин резко выступил против этих буржуазных концепций.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 176.

Еще классики марксизма показали, что в условиях капиталистического общества возрастает роль информационных связей, которые пронизывают все стороны жизни буржуазного мира. Реальность возникшего корпоративного и государственно-монополистического капитализма потребовала совершенно новых типов организации, мотивации и этики. Отныне массы людей объективно нуждаются в таких рецептах поведения, которые позволяют им быстро адаптироваться к новым формам экономической практики.

В этих условиях получение информации воспринимается обыденным сознанием как единственное и надежное средство преуспевания, как механизм социального регулирования в пользу всех граждан. Буржуазная теория массовой коммуникации закрепляет эту иллюзию и придает ей видимость нового концептуального подхода к проблемам общения.

В. И. Ленин показал, что идеологическое воздействие на массы строится на базе информации. Последняя выступает в качестве мощного фактора формирования общественного мнения. Нет и не может быть беспристрастного, объективного формирования в системе буржуазной пропаганды. Индустрия новостей служит тем же идеологическим целям, что и теоретическая пропаганда.

После победы Великого Октября В. И. Ленин поставил вопрос о широком и всестороннем информировании населения республики и народов других стран. Важнейшие правительственные декреты печатались в газетах, передавались по радиотелеграфу, вывешивались на людных перекрестках. Систематически излагались важные директивы и указания Совнаркома, советских республик, сообщалось о событиях хозяйственной и культурной жизни.

К середине 1918 г. Наркомпочтель сумел обеспечить постоянное использование радиотелеграфа в целях политической пропаганды. Все важнейшие правительственные постановления, директивы, предписания шли в эфир. По словам В. Д. Бонч-Бруевича, управляющего делами Совнаркома, декреты, переданные по радио, вступали в законную силу с молниеносной быстротой¹. Так, по всей стране с помощью печати и радиотелеграфа трудящиеся узнавали о важнейших событиях, о решениях правительства, о его хозяйственных и культурных мероприятиях.

К осени 1918 г. во многих городах, на крупных железнодорожных станциях, многолюдных площадях можно было прочесть радиосообщения из Москвы. Повсюду это было новинкой, и не случайно, как отмечают многие исторические документы, население считало, что радио принесли большевики. Созданное в сентябре 1918 г. Российское телеграфное агентство (РОСТА)²

¹ См.: *Бонч-Бруевич В. Д. Ленин и радио*//Радиослушатель. 1928. № 9. С. 1—2.

² См.: *Декреты Советской власти. М., 1964. Т. III. С. 296—297.*

регулярно посылало из Москвы по радио информацию на места. На основе этих радиосообщений печатались специальные газеты РОСТА.

Радио приобщало миллионы малограмотных людей к восприятию печатного слова. Оно готовило огромную армию будущих читателей газеты. Сообщения радиотелеграфа вывешивались в виде плакатов и листовок. Их писали крупными буквами. У длинных полос РОСТА проводились громкие читки. Чтение вслух для неграмотных стало обязательным после принятия декрета Совнаркома от 10 декабря 1918 г. «О мобилизации грамотных и организации пропаганды советского строя».

Начиная с 1919 г. значительно расширяется тематика радиотелеграфных сообщений. Кроме общеполитической информации и экономических новостей в эфире появляется также культурная хроника.

С первых дней существования Советского социалистического государства его внешнеполитическая пропаганда, отстаивая на международной арене коммунистическую идеологию, ведя борьбу за мир, демократию, социализм, успешно противостоит империалистической пропаганде, которая стремится «очернить социализм, приукрасить империализм, его грабительскую, бесчеловечную политику и практику»¹.

В. И. Ленину принадлежит заслуга теоретического обоснования объективной необходимости и направленности внешнеполитической пропаганды социалистического государства, ее органической связи с внутренней и внешней политикой, стратегией и тактикой Коммунистической партии, определения основных принципов, приемов и методов практической организации. Заботясь об этом, В. И. Ленин исходил из того, что российское революционное движение, Октябрьская революция — это часть мирового революционного процесса, а Республика Советов — первый очаг и оплот социализма, сил, борющихся за новое общество. Вскоре после победы Октября В. И. Ленин подчеркивал: «Положение дел с социалистической революцией в России должно быть положено в основу всякого определения международных задач нашей Советской власти...»².

В трудах В. И. Ленина, в разработанных под его руководством и при его личном участии документах партии и Советского государства содержались основополагающие указания о целях и задачах внешнеполитической пропаганды: нести правду о политике Коммунистической партии и Советской власти, разъяснять, что только социализм способен практически обеспечить свободу от эксплуатации, подлинную демократию, братство всех народов, воплотить гуманистические идеалы и тем самым завоевывать сторонников и союзников среди широких

¹ О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апр. 1979 г. М., 1979. С. 6.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 244.

масс за рубежом, служить орудием защиты первой страны социализма от лжи и клеветы буржуазии на социалистическую революцию. Учитывая особенности развития революционного процесса при разработке внешнеполитической программы Советского государства, ставшей программой и его внешнеполитической пропаганды, В. И. Ленин указывал на необходимость использовать как силу примера «зажженный в России факел всемирной социалистической революции» и тем самым парализовать попытки империалистических буржуазных государств вмешаться во внутренние дела России или объединиться для прямой борьбы и войны против социалистической Советской республики.

Среди задач государства диктатуры пролетариата на международной арене В. И. Ленин в черновом наброске проекта Программы партии, написанном к VII съезду РКП(б), особо выделил пропаганду и агитацию¹. Ленинская постановка и разработка вопросов внешнеполитической пропаганды социалистического государства уходит своими корнями в то время, когда великий вождь пролетариата боролся за создание и укрепление в России марксистской партии нового типа, за подготовку пролетариата к социалистической революции. Обосновывая общие принципы революционной пропаганды: классовый характер, партийность, научность, наступательность, правдивость, демократизм, гуманизм, ее принципиальное отличие от буржуазной пропаганды,— В. И. Ленин задолго до победы Великого Октября указывал, что она должна опираться на прочный фундамент марксистской науки и служить распространению идей основоположников научного коммунизма — К. Маркса и Ф. Энгельса².

Огромную притягательную силу несли в себе ленинские внешнеполитические программные положения партии. Они отстаивали право каждого народа на самоопределение, решительно осуждали угнетение одной нации другой, клеймили позором грабительские войны между государствами.

Еще до Октября Ленин предвидел, что после победы социалистической революции в России пролетарская республика окажется в окружении капиталистических государств, которые развернут против нее активную враждебно-классовую, идеологическую борьбу. Поэтому Ленин считал необходимым быть готовым к этому и всесторонне использовать после победы ту силу, которую даст победившему пролетариату государственная власть³.

Первое же столкновение Советской Республики с капиталистическим миром после победы Великого Октября свидетельствовало о том, что буржуазная пропаганда попыталась тотчас же окружить революционные события в России завесой лжи и

¹ См.: В. И. Ленин о пропаганде и агитации. М., 1978. С. 5—6.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354.

³ См. там же.

клеветы. Почти одновременно прекратился ввоз советских газет в Англию, Францию, Швейцарию. Английская и французская цензура стала проявлять повышенную бдительность к тому, чтобы сообщения из Петрограда не публиковались. Гамбургское радио начало глушить передачи Царскосельской радиостанции, посылавшей в эфир первые декреты Октября, обращения Советского правительства к народам и правительствам зарубежных стран. Крупные американские газеты систематически прибегали к дезинформации. Широкую кампанию клеветы развернули газеты и телеграфные агентства Франции¹.

В сложившихся условиях партия большевиков поставила задачу выйти из искусственно созданной буржуазным правительством изоляции, рассказать народам правду о новом рабоче-крестьянском государстве, о его стремлении к миру. Для этого были использованы все возможности, которыми располагал ставший у власти рабочий класс. «Государственная власть дала нам в руки,— говорил В. И. Ленин,— громадный государственный аппарат, посредством которого агитация была поставлена на новые рельсы»².

Уже в первых документах Советской власти, обращенных не только к трудящимся России, но и к зарубежным братьям по классу, ко всем народам и правительствам, говорилось, что главным делом, которому посвящает себя власть Советов, является дело социалистического преобразования общества на основе научной теории марксизма-ленинизма. С этого времени Советское государство всю свою деятельность на международной арене подчинило интересам защиты завоеваний Октября, строительства, упрочения и развития социализма, пропаганды марксизма-ленинизма.

Богатейший материал для советской внешнеполитической пропаганды дал Декрет о мире. В нем провозглашались основы внешней политики страны социализма: принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем; пролетарский интернационализм и солидарность в отношениях с народами, ведущими борьбу против империализма. Ленинский Декрет о мире вошел в историю как великая декларация новых, демократических принципов международных отношений. Советская власть родилась под знаком ленинского Декрета о мире, и с той поры вся внешняя политика нашей страны пронизана миролюбием. Объективные исторические условия продиктовали ее конкретное содержание: курс на мирное сосуществование государств с различным общественным строем.

Декрет о мире разоблачил перед трудящимися всех стран сущность империалистических войн, осудил агрессивные войны и объявил их величайшим преступлением перед человечеством.

¹ См.: *Торез М.* Сын народа. М., 1950. С. 40; *Вильямс А. Р.* О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960; *За рубежом.* 1968. № 46. С. 195.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 284.

Небезынтересно отметить, что вскоре после принятия декрета Норвежская социал-демократическая партия внесла в Комитет по Нобелевским премиям предложение присудить премию мира за 1917 г. Председателю Совета Народных Комиссаров Советской Республики. «До настоящего времени,— говорилось в обоснование этого предложения,— для торжества идеи мира больше всего сделал Ленин, который не только всеми силами пропагандирует мир, но и принимает конкретные меры к его достижению»¹.

Раскрывая значение политики мира, В. И. Ленин отмечал, что она даст «увеличение во сто крат пропагандистской силы нашей революции»². Советское правительство обратилось к народам и правительствам зарубежных стран с разъяснением целей и направленности своей внешней политики; социалистическая страна на деле отказалась от секретной, скрываемой от народа дипломатии. Были опубликованы тайные договоры, которые царское правительство заключило с империалистическими державами. Широкая гласность как один из важнейших принципов политической пропаганды большевиков в освещении решений Советской власти укрепляла ее авторитет на международной арене.

В отличие от буржуазных правительств Советское правительство ясно и четко говорило о своих целях и намерениях не только трудящимся своей страны, но и всему миру. Ленинское положение о том, что социалистическое государство сильно сознательностью масс³, в международной практике означало внесение в сознание народов правды о Республике Советов, о ее миролюбивой внешней политике.

Международные договоры нашей страны были и остаются важным средством пропаганды и проведения ленинской политики мира. Эта ленинская традиция в наши дни закреплена в специальном Законе Союза Советских Социалистических Республик о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР.

В партийном руководстве всеми государственными делами, в том числе внешнеполитической пропагандой, В. И. Ленин видел неперемнное условие успешной деятельности Советского государства.

Тотчас же после Октябрьского переворота и перехода в руки народа средств массовой информации глава Советского правительства принял меры по укреплению партийного руководства отделов центральных газет, РОСТА, радиостанций. Сюда на руководящие посты были направлены видные большевики, в том

---

¹ Вильямс А. Р. Новая Россия глазами американцев//Иностранная литература. 1967. № 5. С. 35.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 191.

³ См. там же. С. 117.

числе В. В. Володарский, П. М. Керженцев, Л. Н. Старк, А. В. Шотман и многие другие. По личному указанию В. И. Ленина для разъяснения политики Советского государства привлекались лучшие пропагандисты, опытные публицисты, обладающие не только необходимым литературным мастерством, но и дипломатическим тактом. Владимир Ильич давал задания управляющему делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу, заведующему научно-техническим отделом ВСНХ РСФСР Н. Н. Горбунову, председателю станционно-технического комитета Царскосельской радиостанции Н. Р. Дождикову, члену коллегии Наркомпочтеля и председателю Радиосовета А. М. Николаеву по ряду важных политических, организационных и технических вопросов, связанных с повышением качества содержания и совершенствованием средств пропаганды на капиталистические страны¹. От Народного комиссариата иностранных дел, который возглавлял Г. В. Чичерин, Ленин требовал не упускать важных фактов, могущих оказать воздействие на общественное мнение буржуазных стран². О том, какую работу провел Наркоминдел РСФСР, разъясняя на основе ленинских указаний широким массам за рубежом положение молодой Советской Республики, говорилось в отчетах этого ведомства Советскому правительству, и в частности VII съезду Советов³.

Борясь за развитие социалистической революции и упрочение Советской власти, активную внешнеполитическую пропаганду повела по заданию В. И. Ленина, партии партийно-советская печать. Она должна была противостоять капиталистической печати, этой, по словам Ленина, «прочной оборудованной системы лести, лжи, мошенничества»⁴, через которую монополии получали возможность «систематически, неуклонно, ежедневно в миллионах экземпляров, обманывать, развращать, одурачивать эксплуатируемые и угнетенные массы народа, бедноту»⁵.

Видную роль коллективного организатора и пропагандиста в послеоктябрьский период продолжала играть «Правда», публикуя документы Коммунистической партии, Советского государства, работы Ленина. Из номера в номер «Правда», «Известия ЦИК» и другие газеты сообщали о мероприятиях Совет-

¹ См.: Ленин и радио. М., 1973.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 546; Т. 50. С. 304—306, 333—334; Ленинский сборник XXXVII. С. 153; и др. См. подробнее об этом, например: Чубарьян А. О. В. И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972; Ирошников М. П. Во главе Совнаркома. Государственная деятельность В. И. Ленина в 1917—1922 гг. Л., 1977. С. 97—99, 157—158.

³ См.: Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. II. С. 604. Начиная с ноября 1918 г. в эфир стала передаваться «радиогазета» на немецком языке. В декабре 1918 г. при НКВД был создан отдел Советской пропаганды ВЦИК во главе с Воровским.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 176.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 210.

ского правительства, давали подборки политических новостей, обзоры на важнейшие международные темы, комментировали события в нашей стране и за рубежом. Газеты активно пропагандировали декреты Советской власти, принципы политики рабоче-крестьянского правительства. Большая работа проводилась с целью ознакомления зарубежного читателя с положениями Конституции РСФСР, которая была принята в июле 1918 г. V Всероссийским съездом Советов. Вскоре этот документ обошел весь мир, сообщая трудящимся правду о первом на земном шаре государстве рабочих и крестьян, помогая людям лучше понять сущность Советской власти, преимущества социализма. «Уже в середине 1918 г. в Аргентине была распространена изданная нашей партией небольшая брошюра с текстом первой Конституции РСФСР, разработанной под непосредственным руководством В. И. Ленина»¹, — говорил на торжественном заседании в Москве, посвященном празднованию 60-летия Великого Октября, Генеральный секретарь Коммунистической партии Аргентины Херонимо Арнедо Альварес.

Ведущее место во внешнеполитической пропаганде занимал радиотелеграф, пользовавшийся азбукой Морзе. Реальная аудитория его была огромной, несмотря на попытки отдельных буржуазных радиостанций глушить советские передачи. Об этом В. И. Ленин говорил выступая на одном из заседаний ВЦИК в ноябре 1917 г.²

Развернувшаяся в эфире острая классовая борьба, на которую буржуазия не жалела средств (в связи с этим В. И. Ленин подчеркивал, что «миллионеры и миллиардеры даром не пустят в ход свое правительственное радио»³), требовала организации ответной радиопропаганды⁴. С этой целью В. И. Ленин принял меры по повышению уровня технического оснащения советской внешнеполитической пропаганды, в частности по созданию современного вещания, расширившего систему политического просвещения и популяризации теории научного социализма, что позволило усилить борьбу против буржуазной идеологии⁵.

Во время встречи с видным деятелем Коминтерна Б. И. Рейнштейном в 1922 г. Ленин подробно обсуждал с ним новые технические возможности, в особенности подчеркивая огромное значение радио, для которого, по существу, нет никаких препятствий. «Мы сможем, — говорил в этой беседе В. И. Ленин, — успешно опровергать ложь и клевету, возводи-

¹ 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Совместное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР 2—3 ноября 1977 г. Стенографический отчет. М., 1978. С. 127.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 85—86.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 182.

⁴ См.: Ленин и радио. С. 78.

⁵ См.: Засурский Я. Н. Важное средство пропаганды // Коммунист. 1973. № 8. С. 118.

мые на нас, и информировать наших братьев, рабочих и крестьян капиталистических стран, о нашей действительности и информировать на их собственном языке... Все это величайшей ценности средство для столь необходимого информирования сотен миллионов трудового населения капиталистических стран о нашей действительности»¹.

Под руководством В. И. Ленина внешнеполитическая пропаганда Советского государства стала эффективным средством борьбы против буржуазного дезинформирования. Когда в январе 1918 г. в Финляндии началась революция и там образовалось рабочее правительство, Ленин обратил внимание на необходимость частых и подробных советских радиопередач для опровержения «крайне лживых сообщений»² буржуазной прессы о финской революции. В эфир была послана подробная информация о действительных событиях в Финляндии.

В марте 1919 г., как только стало известно, что рабочие и крестьяне Венгрии взяли власть в свои руки и создали Венгерскую Советскую республику, с нею по указанию В. И. Ленина была налажена прямая связь, взаимная политическая информация. В мае того же года австрийская буржуазная печать, стремясь разрушить дружеские взаимоотношения двух советских республик, стала распространять клеветнические измышления о том, будто Ленин пренебрежительно относится к Венгерской республике и главе ее правительства Бела Куну. Узнав об этом, Владимир Ильич дал срочное задание Г. В. Чичерину направить министру иностранных дел Австрии ноту с разоблачением заведомой лжи, а также передать в эфир сообщение с опровержением вымыслов австрийской печати³.

Отдавая должное интернационалистской позиции РСФСР и стремясь внести свой вклад в установление и развитие связей между трудящимися братских республик, большую энергию проявили сотрудники чепельской радиостанции, через которую в 1919 г. руководители Венгерской советской республики установили прямой контакт с вождем мирового пролетариата В. И. Лениным. Макет этой радиостанции был торжественно вручен Советскому Союзу 31 мая 1979 г. от имени коллектива Чепельского комбината и других предприятий ВНР.

Направляя внешнеполитическую пропаганду Советского государства, Ленин широко использовал в этом деле накопленный опыт агитационно-пропагандистской деятельности, глубоко анализируя и творчески обогащая его на каждом новом этапе борьбы. «Если в прежнее время мы пропагандировали общими истинами,— говорил Владимир Ильич,— то теперь мы *пропагандируем работой*»⁴.

¹ Советское радио и телевидение. 1970. № 4. С. 43.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 36.

³ См.: Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. II. С. 173.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 198.

Обосновывая принцип взаимосвязи пропаганды и хозяйственного строительства, Ленин указывал: «Вся пропаганда должна быть построена на политическом опыте хозяйственного строительства. Это наша главнейшая задача...»¹. О том, как решалась эта задача, можно судить по следующему плану работы Царкосельской радиостанции летом 1918 г.: «1) Деятельность Советского правительства; 2) Жизнь деревни и на местах; 3) Важнейшие события; 4) Работа советских организаций; 5) Укрепление советского строя и борьба с контрреволюцией; 6) Провокационная работа иностранного империализма в России; 7) Выдержки из буржуазных газет, где они невольно и со злобой, но вынуждены указывать на укрепление советского строя и упрочение социалистических идей на местах и на правильность работы по укреплению и созданию новых форм жизни»².

В сентябре 1918 г. Ленин поручает Ю. М. Ларину написать брошюру «о Советской республике вообще... чтобы ознакомить за границу и наше население, чего достигли за год»³, в октябре Ленин ставит вопрос об издании социалистической литературы на иностранных языках. По указанию Владимира Ильича в эфир направляются сообщения о работе отдельных наркоматов, об экономических достижениях Республики Советов. Например, 27 мая 1919 г. Совнарком заслушал и постановил опубликовать в виде статьи доклад члена коллегии Наркомпрода А. И. Свидерского о состоянии хлебных заготовок и планах продовольственной кампании до нового урожая, а также подготовить по радио за границу основные цифровые данные доклада. На тексте подготовленной информации В. И. Ленин написал поручение секретарю РОСТА проследить и письменно доложить о передаче материала по телеграфу, а Г. В. Чичерину — позаботиться, чтобы информация была передана на немецком, французском и английском языках по радио⁴. В сентябре 1919 г. Совнарком специально обсуждал вопрос о том, чтобы наркоматы готовили краткие отчеты о своей деятельности для радиопередач за границу⁵.

Особенно большое значение Ленин придавал ознакомлению международного коммунистического движения с программными документами нашей партии и законодательными актами Советской власти, в которых отражался опыт социалистического строительства. Выступая в 1919 г. с речью при закрытии VIII съезда РПК(б), Ленин говорил: «Наша программа будет силь-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 407.

² Кузьмин Н. Доклад Второму областному съезду Советов Союза коммун Северной области о деятельности Комиссариата печати, агитации и пропаганды//Северная коммуна. Веч. выпуск. Прил. 12. 1918. 6 авг. С. 1.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 546.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 333—334.

⁵ См.: Ленинский сборник XXXIV. С. 215.

нейшим материалом для пропаганды и агитации, будет тем документом, на основании которого рабочие скажут: «Здесь наши товарищи, наши братья, здесь делается наше общее дело»¹. Характеризуя законодательную деятельность Советского государства, Владимир Ильич отмечал, что декреты, даже в тех случаях, когда они «...не могли быть проведены сразу и полностью, играли большую роль для пропаганды»².

В конце 1919 — начале 1920 г. Советское правительство выступило с широкой программой установления и развития дипломатических и торговых отношений с капиталистическими странами. В этих условиях резко возросла роль внешнеполитической пропаганды как инструмента разъяснения политики молодого Советского государства. Ленин умело использовал буржуазную прессу для пропаганды советской внешней политики, идей мирного сосуществования, для установления контактов с деловыми кругами капиталистических стран. 18 февраля 1920 г. он дал интервью корреспонденту американского агентства «Юниверсел сервис» по поводу возобновления торговли между Россией и США. Текст ленинских ответов был направлен радиограммой в Берлин и Нью-Йорк. Вскоре они появились в американской, а затем в немецкой коммунистической и социалистической прессе. В середине февраля 1920 г. Владимир Ильич принимает корреспондента американской буржуазной газеты «Уорлд» Линкольна Эйра и дает ему интервью, которое было напечатано в газете 21 февраля 1920 г., а затем обошло многие издания Западной Европы и Америки [оно было помещено в газетах «Вашингтон ивнинг стар» (США), «Дейли экспресс» (Англия) и т. д.]³.

Ленин постоянно следил за сообщениями буржуазных агентств, указывал, как следует комментировать их. Так, в ноябре 1919 г., прочитав радиосводку о международных событиях (на английском и французском языках) из Лиона, Парижа и других зарубежных городов, он поручает Г. В. Чичерину «дать комментарий и сугубо использовать»⁴.

Личным примером Ленин демонстрировал активное ведение внешнеполитической пропаганды, учил партийных и советских работников искусству контрпропаганды. Он показывал, как тот или иной факт международной жизни нужно использовать для воздействия на общественное мнение, для разъяснения важных сторон политики партии, социалистического государства.

20 сентября 1918 г., узнав из «Правды» о кампании клеветы против Советской власти, против партии большевиков, развязанной лидерами II Интернационала, Владимир Ильич принял меры для быстрейшего издания за границей брошюр, разобла-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 212.

² Там же. С. 198.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 145, 153.

⁴ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1976. С. 627.

чающих социал-реформистов, в частности каутскианцев¹. В том же году Ленин создает свое знаменитое произведение «Пролетарская революция и ренегат Каутский», в котором раскрывает истинную сущность политики лидеров II Интернационала, политики предательства интересов рабочего класса².

Обращая внимание на необходимость шире информировать мировую общественность о событиях в нашей стране и за рубежом, Ленин направляет летом 1920 г. в Госиздат письмо, в котором рекомендует эффективнее использовать содержащийся в советских и в иностранных газетах «гигантский материал, особенно по внешней политике Антанты». В частности, Ленин советовал «создать комиссию для сводки этого материала и издания ежемесячно маленьких брошюр»³.

Ленин требовал подходить с классовых позиций к оценке событий и фактов. В условиях саботажа буржуазных чиновников, крайней малочисленности собственных подготовленных кадров партия вынуждена была привлекать к советской работе старых специалистов, ставя их под свой контроль. Поэтому Ленин рекомендовал организовать работу по сбору материала в следующем порядке:

«Подкомиссия из нескольких профессоров должна (под строгим контролем) собирать *все ценное, особенно из буржуазных газет* (которые лучше всего *выдают* своих «соперников»).

Комиссия из *партийных* товарищей будет читать рукописи профессоров и исправлять и *заставлять их исправлять*»⁴.

По указаниям Ленина советские пропагандистские органы постоянно информировали мировую общественность о событиях во всех странах света. Они давали оперативный и разносторонний социальный комментарий к собственным и буржуазным сообщениям, рассказывали правду о борьбе зарубежных трудящихся против империализма. Организация такой пропаганды рассматривалась как важная сторона выполнения Советским государством своего интернационального долга.

Большое значение придавал В. И. Ленин постановке внешнеполитической пропаганды, адресованной народам зависимых и колониальных стран. Особенно большую роль в этом деле сыграли такие документы, как «Декларация прав народов России» (ноябрь 1917 г.), обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (ноябрь 1917 г.), в которых провозглашались равенство и суверенность народов, их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отказ от всяких национальных и

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 182—184.

² См. подробнее об этой работе: Ваганов Ф. М. Немеркнувшие ленинские идеи // Вопросы истории КПСС. 1978. № 11.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 251.

⁴ Там же.

национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп¹. Советская власть осудила «варварскую политику буржуазной цивилизации», которая строит благосостояние кучки эксплуататоров «на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах»², заявила о поддержке освободительной борьбы народов как одного из возможных союзников своей политики.

В 1919 г. эмир Афганистана Аманулла-хан, проводивший политику борьбы за независимость своей страны, обратился с посланием к Советскому правительству, в котором с восхищением писал о том, что руководители Советского государства взяли на себя почетную и благородную задачу заботы о мире и благе людей. В. И. Ленин и М. И. Калинин подписали 27 мая 1919 г. ответное послание главе афганского государства с приветствием «независимому афганскому народу, героически отстаивающему свою свободу от иностранных поработителей»³. РСФСР первым из государств мира заключила с Афганистаном равноправный договор, установила с ним постоянные дипломатические отношения и в целях дальнейшего углубления внешнеполитических связей и обмена политической информацией передала в дар независимому Афганистану радиостанцию.

Заключив равноправные договоры с Афганистаном, Ираном, Турцией, установив с ними мирные, дружеские отношения, Советское правительство подтвердило последовательность своей национальной политики во внешних сношениях. В ноябре 1919 г. в речи перед представителями коммунистических организаций народов Востока Ленин дал развернутое изложение новых задач, которые встали перед ними после победы социалистической революции в России. Это была конкретная программа деятельности и для советской внешнеполитической пропаганды.

Исходя из общности интересов народов РСФСР и национально-освободительных движений в антиимпериалистической борьбе, советские органы информации в своих сообщениях стали шире освещать деятельность Советского государства в решении национальной проблемы в нашей стране, больше внимания уделять классовой оценке социально-политических и национальных выступлений в колониальных районах мира.

В 1921—1923 гг., когда Советская Республика добилась заметных успехов в области экономического и политического развития, укрепила свой авторитет на международной арене, углубилась и обострилась идеологическая борьба между двумя социально-экономическими системами. В этих условиях возросла необходимость усилить пропаганду реального опыта социали-

¹ См.: Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. I. С. 14—15, 34—35.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 222.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 385—386.

стического строительства. Выступая 15 марта 1921 г. с докладом на X съезде партии о замене разверстки натуральным налогом, В. И. Ленин говорил: «А сейчас нам надо иметь в виду... чтобы о принятом вечером же было оповещено по радио во все концы мира...»¹.

Советская печать и радио активизировали свою деятельность, с тем чтобы рассказать населению зарубежных стран правду о том, какие ростки нового пробиваются на социалистической почве, как строятся отношения между классами и нациями в государстве рабочих и крестьян, кому принадлежат заводы и фабрики, как осуществляется советская демократия. Ленинская уверенность в том, что «сам факт, что Советская Россия существует, является лучшей пропагандой коммунизма во всем мире»², подтверждалась ростом международного коммунистического и рабочего движения в странах капитала, развитием национально-освободительной борьбы народов зарубежного Востока.

§ 3. «Пропаганда делом»

Третьим важным аспектом идеологической борьбы — наряду с идейными конфронтациями, информированием — является пропаганда с помощью образа жизни. Она ведется без привлечения теории, путем показа действительности, ее различных проявлений при социализме и капитализме. Социализм открыто демонстрирует свои достижения, присущие ему завоевания и ценности. Сталкиваясь с ростом популярности социализма, империализм навязывает буржуазный образ жизни в назойливо пропагандистских формах, стремясь представить капитализм как самый «демократичный», «сказочно богатый», «справедливый» строй. В этих условиях возникла задача создания действенной контрпропаганды.

Впервые слово «контрпропаганда» было использовано В. И. Лениным. В 1920 г. в связи с созданием концессионерных обществ в молодой Советской Республике на партийных собраниях высказывались опасения по поводу того, что концессионеры создадут исключительные условия для своих рабочих, привезут для них лучшую одежду, лучшую обувь, лучшее продовольствие. Разумеется, эти меры содействовали рекламе капитализма. Буржуазные предприниматели намеревались воздействовать на сознание советских рабочих.

Выступая с докладом о концессиях на заседании фракции РКП(б) VIII Всероссийского съезда Советов 21 декабря 1920 г., В. И. Ленин подробно развил свою точку зрения по этому вопросу, дав определение контрпропаганды. Он отметил, что

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 73.

² Ленинский сборник XXXVII. С. 229.

именно так будет строиться «их пропаганда среди наших рабочих...»¹. Расчет концессионеров, ведущих войну против республики, именно таков. «Получится — социалистическая республика, в которой рабочие бедствуют, а рядом капиталистический остров, где рабочие живут прекрасно»². Однако именно в этой ситуации В. И. Ленин усмотрел возможности для распространения социалистических идей, для критики буржуазного строя, для разоблачения враждебной пропаганды: «...неужели здесь от такой пропаганды мы не сможем защититься нашей контрпропагандой..?»³.

Как видно из этих суждений, В. И. Ленин не считал возможным употребить только одно понятие — «пропаганда». В условиях резкого столкновения мировоззрений нужны активные формы разоблачения буржуазных взглядов, всесторонний учет социально-экономических, политических факторов, оценка перспектив идейных сражений. Для обозначения наступательности в борьбе идей В. И. Ленин и использует слово «контрпропаганда».

При определении контрпропаганды В. И. Ленин учитывал и воздействие социализирующей пропаганды. Он понимал контрпропаганду шире, нежели ответы на идеологические акции наших противников. Их действия могли быть лишь поводом для развертывания широкой агитации среди рабочих, обличения капитализма, показа реальных преимуществ социализма.

Вернемся к ленинской оценке политики буржуазных концессионеров в молодой Советской Республике. В. И. Ленин справедливо считал, что хотя в России появится островок буржуазной действительности, где «рабочие живут прекрасно», это вовсе не должно разоружать пропагандистов. Будучи наиболее активной сферой пропаганды, где развертываются актуальные идейные схватки, контрпропаганда призвана занимать не оборонительную, а наступательную позицию. Что надлежало, например, в данном случае показать советским рабочим? Капитализм, конечно, может создать известным группам своих рабочих условия лучшие, но, как подчеркивал В. И. Ленин, «от этого условия остальной массы рабочих не улучшаются...»⁴. По мысли В. И. Ленина, контрпропаганда способна убедить людей в том, что в конечном счете «от всех соприкосновений с буржуазной Европой и Америкой всегда выигрывали мы, а не они...»⁵.

Не подлежит сомнению тот факт, что окружающая реальность воздействует на сознание людей. Тот или иной образ жизни формирует конкретные эталоны поведения, мысли.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 116.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

О «пропаганде делом», «примером» В. И. Ленин писал во многих своих работах.

Три названных аспекта идеологической борьбы — идейные, теоретические конфронтации, информирование и пропаганда образа жизни — нашли, как мы видим, глубокое научное освещение в теоретическом наследии В. И. Ленина. В последующих главах каждый из этих аспектов получит развернутое освещение на материале современной идеологической борьбы. Но прежде чем приступить к этим темам, надо, как нам кажется, показать роль В. И. Ленина в организации социалистической пропаганды.

Глава IV

ПРОПАГАНДА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

§ 1. Опыт понятийно-терминологического анализа

Термин «пропаганда» прочно вошел в политический и социальный лексикон. Он утвердился в языках самых различных народов. Анализу этого явления посвящены многочисленные труды. Большинство исследователей убеждено в том, что пропаганда играет огромную роль в историческом процессе. За последние годы распространение получило еще одно слово — «контрпропаганда», производное от названного термина.

Хотя общий смысл слова «пропаганда» вполне ясен, оно тем не менее вызывает огромное число самых неожиданных и противоречивых толкований. Многие буржуазные авторы вообще лишают это понятие теоретического статуса. Они склонны видеть в пропаганде лишь случайные, злонамеренные акции «властителей» или «подданных». Вот почему эти авторы выносят данное понятие за рамки теоретических построений, наделяя его узкопрагматическим смыслом.

Однако существует и иное отношение к пропаганде. Оно вовлекает ученых в широкий спектр общественных проблем, заставляя видеть в пропаганде важнейший механизм обеспечения социальной статики и динамики. Анализируя пропаганду как практику систематического целенаправленного воздействия на миллионы людей в современном мире, социологи видят в ней либо средство поддержания общественного порядка, либо стимул социальной динамики. Вот почему концепции пропаганды получают явный мировоззренческий смысл. Исследователи пытаются дать объяснение светлым и трагическим сторонам современного мира, обнаружить логику в цепи зависимостей,

обусловливающих конъюнктуру политических ситуаций и социальные потрясения в современных условиях.

Социально-философские, мировоззренческие аспекты концепций пропаганды проявляются, на наш взгляд, в попытках обнаружить логику исторического развития, раскрыть особенности и механизмы индивидуального и классового сознания, в стремлении создать теорию личности, осмыслить существующие системы ценностных ориентаций, сформировать нравственные требования к политической деятельности.

Подход к раскрытию содержания пропаганды как теоретического понятия в марксистско-ленинской литературе принципиально отличается от позиции буржуазных исследователей. По-разному оцениваются в ней возникновение данного социального феномена, его специфика и роль в общественном процессе. Различным образом трактуется также связь пропаганды с идеологией.

Марксистско-ленинская философия как подлинно научное мировоззрение дает стройную и целостную картину мира, всех общественных процессов. Придавая большое значение пропаганде в качестве средства распространения коммунистической идеологии, наша философия создает почву для глубокого теоретического осмысления данного явления. Развернутая система воззрений на пропаганду правомерно называется у нас «марксистско-ленинским учением о журналистике», «ленинской теорией пропаганды»¹.

Слово «пропаганда» (от лат. *propagare* — распространять) — исторически обусловленная форма политической и идеологической деятельности, которая используется различными классами, партиями и государствами для целенаправленного распространения своих идей, воззрений и ценностей с целью оказать воздействие на мировоззренческие представления, социальную ориентировку и поведение индивидов и социальных общностей.

Многовековая практика распространения идей, взглядов, теорий, сведений имеет, разумеется, различные аспекты. Нельзя поэтому раскрыть содержание понятия пропаганды, не проследив его эволюции. Исследователь-марксист может понять специфику явления, если будет «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»².

Рассматривая развитие общества как естественно-исторический процесс, в основе которого лежат объективные закономерности, марксизм-ленинизм одновременно всесторонне раскрывает роль субъективного фактора в истории. Во всех общест-

¹ См., например: *Кротов Ф. Г.* Ленинская теория пропаганды и современность. М., 1972.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

венно-экономических формациях после первобытнообщинного строя появление тех или иных классовых представлений неразрывно связано с процессом распространения социальных идей. Понять содержание пропаганды, ее общественные функции можно только на основе конкретно-исторического анализа идеологий различных классов.

Иначе подходит к изучению пропаганды как общественного явления буржуазная социология. Принципиальное несовпадение двух методологий — социалистической и буржуазной — начинается уже на стадии осмысления самого термина. Буржуазные исследователи игнорируют тот факт, что слово «пропаганда» приобрело современный смысл только в XVII в. Они нередко подчеркивают, что данное социальное явление существовало всегда и современная пропаганда мало чем отличается от той, что осуществлялась в первобытном коллективе.

При первом взгляде на различные определения пропаганды, которые дают буржуазные исследователи, может показаться, что они абсолютно тождественны. В самых общих чертах пропаганда рассматривается как организованное убеждение, обращение к сознанию индивида, распространение определенных идей и представлений. Именно эта сторона процесса и зафиксирована в расшифровке термина, которую предлагают американские социологи Роберт Холт и Роберт де Вельде. Они пишут: «Во всех определениях пропаганды подчеркивается, что она представляет собой попытку влиять на поведение, воздействуя с помощью средств массовой коммуникации на характер постижения массовой аудиторией смысла и значения окружающего мира»¹.

В американской социологии содержится попытка раскрыть природу пропаганды на основе выявления ее различий с другими видами общественной деятельности. Э. Крис и Н. Лейтес подчеркивают, что «образование в отличие от пропаганды распространяет результаты познания, т. е. такие представления, которые не носят противоречивого характера, одинаково оцениваются различными группами людей. Если же некоторые представления, в том числе и социального содержания, вызывают разное отношение у тех или иных слоев населения, можно все же полагать, что это уже сфера пропаганды»².

Разумеется, процесс образования предполагает передачу общепринятых сведений. Однако это вовсе не означает, что он свободен от идеологии, от классовой тенденциозности. Если американские дети обучаются счету на примерах, которые носят откровенно провокационный характер (в задачнике сообщается;

¹ *Robert T. Holt and Robert W. de Velde. Strategic Psychological Operations and American Foreign Policy. Chicago, 1960. P. 8.*

² *Kris E., Leites N. Trends in Twentieth Century Propaganda. Propaganda from Psychoanalysis and Social Sciences. Vol. 1. 1977. P. 393—409. См. также: Farrell B. A. The standing of psychoanalysis. Oxford, 1981.*

что из десяти прорвавшихся советских танков восемь было уничтожено. Спрашивается, сколько танков нужно еще уничтожить), то вряд ли можно утверждать, будто данное обучение преследует чисто образовательные цели.

Г. Лассуэлл, патриарх американской социологии, определяет пропаганду как попытку повлиять на установку большого числа людей по противоречивым вопросам. По мнению американского политолога, нейтральное распространение взглядов не является пропагандой¹. Такой же точки зрения придерживается профессор политологии Мельбурнского университета Э. Дейвис². Однако правомерно поставить вопрос, какое распространение взглядов можно считать нейтральным, чтобы почувствовать абстрактность такого подхода.

Французские исследователи П. Херейтоуник и Т. Морен понимают пропаганду не как распространение конкретной «ортодоксии», а как совокупность определенных структур, абстрактных символов, влияющих на человеческое восприятие, мышление и поведение³. Иначе говоря, пропаганда сводится к символическому отражению мира. Не подлежит сомнению тот факт, что средства массовой информации пользуются разработанной символикой. Однако это вовсе не означает, будто пропаганда вообще лишена идеологического и теоретического содержания.

Разумеется, в этих определениях фиксируются определенные грани пропагандистского процесса, но вместе с тем содержится конкретная тенденция: замаскировать политические цели пропаганды, свести ее к абстрактному просвещению, коммуникации или к акту символизации. При этом пропаганда нередко понимается настолько расширительно, что включает в себя фактически всю общественную жизнь. Так, английский историк О. Томсон, полемизируя с Г. Лассуэллом, предлагает следующее определение: «К пропаганде относятся любые средства внедрения и передачи образов, идей или информации, которые влияют на человеческое поведение, взятое с его активной или пассивной стороны. Сюда входят почти все аспекты искусства и коммуникации»⁴.

Буржуазные исследователи оставляют в стороне связь между идеологическими целями отдельных классов и политических партий и практикой массового воздействия на сознание людей. Господствующие классы всегда использовали пропаганду для того, чтобы замаскировать и оправдать эксплуатацию трудящихся, держать их в подчинении и покорности. В антагонистических формациях подлинные идеологические намерения господ-

¹ См.: *Lasswell H. Psychopatology and Politics*. Chicago, 1960. P. 218.

² См.: *Davies A. F. Skills, outlooks and passions*. Cambridge, 1980. P. 432.

³ См.: *Haratonic P. L., Moran T. P. Foreward*. ETS. San-Francisco. 1979.

№ 2. P. 116.

⁴ *Thomson O. Mass persuasion in history: An historical analysis of the development of propaganda techniques*. Edinburgh, 1977. P. 7.

ствующих классов прикрываются лозунгами «просвещения», проповедью «свободы», «равенства», «предприимчивости», «человеческих потребностей».

Массовое манипулирование сознанием людей имеет конкретную политическую, классовую направленность и обусловленность. Однако буржуазные теоретики хотят замаскировать этот коренной факт. Они стараются представить пропаганду не как средство достижения определенных социальных целей, а как неизбежный во всяком обществе и независимый от классовой борьбы способ обмена идеями и представлениями. Именно поэтому пропаганда, как правило, приравнивается буржуазными социологами к таким явлениям, как социальное взаимодействие, коммуникативный акт, распространение информации и т. д.

Первый вопрос, который возникает перед исследователем пропаганды, можно было сформулировать так: всегда ли существовала пропаганда? Различные ответы на этот вопрос отражают в какой-то мере неодинаковое, неоднозначное понимание самого объекта научного анализа. Некоторые буржуазные социологи, например Ч. Сипман, утверждают, что пропаганда возникла еще до появления классов, что она существовала всегда, фактически с тех пор, как люди стали пользоваться речью в общении друг с другом¹. По мнению О. Томсона, пропаганда всегда сопутствовала исторической жизни человечества: определенная техника убеждения масс во все исторические эпохи неизменно применялась как властями, так и мятежниками, как в политической сфере, так и в религиозной².

Авторы, занимающие такую позицию, доказывают, что потребность в пропаганде продиктована не столько социальными обстоятельствами, сколько социально-психологическими факторами. Пропаганда в этом случае сводится к простейшему акту общения людей, к механизмам внушения (суггестии). Разумеется, речь (вторая сигнальная система) не может быть сведена к чисто информативной коммуникации. Она содержит в себе возможность влияния на реакцию человека. Но в какой мере можно назвать пропагандой простейшие социально-психологические явления, например подражание или внушение, как это получается у Сипмана? В таком понимании полностью стирается социально-политическая характеристика пропаганды. Она сводится целиком к явлениям «психологического воздействия» в процессе общения людей.

Современная буржуазная пропаганда широко опирается на раскрытые современной наукой социально-психологические механизмы. Но объяснять подобным образом появление самой пропаганды — значит исказить реальную зависимость между этими явлениями. Другие буржуазные авторы полагают, что

¹ См.: *Siepmann C. The Nature of Propaganda. N. Y., 1969. P. 12.*

² См.: *Thomson O. Mass persuasion in history. P. 3.*

пропаганда появляется там, где возникает простейшее социальное взаимодействие. Но в данном случае речь идет уже не столько о механизмах внушения, сколько о передаче накопленного опыта и знаний, вообще о влиянии на представления другого человека. «С того самого момента,— пишет, например, Дж. Хьюз,— как человек стал общественным животным, он отдает множество времени и энергии тому, чтобы приводить мнения других людей в соответствие со своим собственным. Преобразование умов в этом смысле является ключевым пунктом социального взаимодействия»¹.

Разумеется, в условиях первобытнообщинного строя люди уже передавали друг другу накопленные сведения, трудовые навыки, мифологические представления. Они пытались воздействовать на поведение своих соплеменников, поощряя в них тягу к познанию или к труду. Но можно ли такое социальное взаимодействие называть пропагандой в современном значении слова? Старый охотник передает молодому накопленный опыт, сказитель излагает древний миф. Первобытный коллектив накапливает полезные сведения и распространяет их. Однако это приобщение массы людей к коллективной социальной практике еще не является идеологическим.

В любом обществе существует потребность в накоплении знаний. Однако хранение информации далеко не всегда преследует прямые пропагандистские цели. Существует также необходимость в передаче информации, в ее воспроизведении. Однако передача трудовых навыков, обучение по своему характеру и содержанию не могут быть отождествлены с пропагандой как с практикой целенаправленного политического воздействия на умы людей.

Близкую по смыслу концепцию развивает в книге «Пропаганда становится зрелой» американский социолог М. Чукас. Он пишет: «На протяжении всей истории различные человеческие общества разрабатывали средства формирования сознания отдельного человека и контроля за его поведением с момента рождения до его смерти»².

В данном случае американский теоретик растворяет феномен пропаганды в более широком социальном процессе, называемом социализацией. В марксистской литературе под социализацией понимается вхождение личности в мир наличной культуры, становление индивида в качестве социального существа под влиянием общественной среды в целом. В ходе социализации человек познает социальное окружение, овладевает формами общения и различными способами практической деятельности.

---

¹ *Huges J. Freedom to think//Archiv für Rechts und Socialphilosophie. Wiesbaden, 1968. Vol. 18. Nr 3. S. 289.*

² *Choukas M. Propaganda Comes of Age. Wash., 1965. P. 41.*

Процесс социализации начинается едва ли не с рождения ребенка и практически продолжается всю жизнь. Младенец застает в данном обществе определенный социальный уклад, культурные традиции, бытовые привычки. Он осваивает их постепенно. Воспитание социальных качеств, обучение социальным ролям, подготовка к социальным отношениям, приобретение навыков, знаний, умений, овладение нормами, понятиями, ценностями, целями, культурой в целом, формирование самосознания, приобретение способности управлять своим поведением, формирование активного субъекта социальных отношений — все это отдельные элементы процесса социализации.

Разумеется, в ходе социализации осуществляется контроль за сознанием отдельного человека. Однако приобщение индивида к содержанию культуры, к накопленным знаниям и духовным ценностям нельзя отождествлять с пропагандой. Усвоение социальных норм и представлений зачастую осуществляется помимо пропагандистского воздействия на индивида: в ходе воспитания, овладения трудовыми навыками, общения с природой. Следовательно, понятие социализации шире феномена пропаганды.

Конечно, идеологическое воздействие в процессе социализации весьма значительно. Ведь именно оно формирует мировоззрение, ценности личности, ее отношение к культурным стандартам и происходящим в обществе событиям. Само социальное окружение несомненно обуславливает определенные идейные представления у людей. Но социализация включает в себя и стихийное развитие личности. Вот почему не следует понимать пропаганду крайне расширительно, как это получается у Чукаса.

Таким образом, при первобытнообщинном строе не было пропаганды, потому что не возникло классовое общество, которое нуждалось бы в этом процессе. Классики научного коммунизма показали, что только после того, как появились классы, возникла потребность в идейно-психологической обработке масс. «Поэтому чем дальше идет вперед цивилизация,— подчеркивал Ф. Энгельс,— тем больше она вынуждена набрасывать покров любви на неизбежно порождаемые ею отрицательные явления, прикрашивать их или лживо отрицать,— одним словом, вводить в практику общепринятое лицемерие, которое не было известно ни более ранним формам общества, ни даже первым ступеням цивилизации...»¹.

Об идеологической направленности пропаганды писал также Н. А. Рубакин, которого высоко ценил В. И. Ленин. Он собрал огромный эмпирический материал по истории пропаганды и задумал даже создать теорию пропаганды. В книге «Пропагандология» он писал: «Издавна известно, что человечество состоит из голодных и сытых, из давимых и давящих, из обманываемых

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 177.

и обманщиков... История всех революций показывает, что все сильнее действуют на людей такие пропагандистские слова, в которых утилизуется следующая всемирно-историческая почва: несправедливое распределение материальных благ, несправедливое распределение прав и власти, несправедливое распределение знаний и умственного развития»¹. Мысль Н. А. Рубакина о кричащих социальных противоречиях как источнике пропаганды, разумеется, более содержательна, чем, скажем, суждение Г. Лассуэлла о том, что пропаганда является мобилизацией мнений по «противоречивым вопросам».

Нередко в качестве определяющего признака пропаганды буржуазная социология называет другие косвенные факторы. Например, французский социолог Ж. Доменак полагает, что пропаганда возникает лишь после того, как воздействие на людей принимает институциональный характер, т. е. закрепляется за какими-либо общественными институтами. Иначе говоря, рассуждать о пропаганде, по его мнению, можно только с того момента, когда возникают какие-либо определенные организации, провозгласившие содержанием своей деятельности распространение конкретных воззрений².

Еще одна точка зрения связывает появление пропаганды с возникновением технических средств воздействия на людей, с изобретением книгопечатания. Американский социолог У. Шрамм полагает, что нет смысла говорить о пропаганде до тех пор, пока не было современных способов тиражирования слова³. Начало этого процесса он связывает с XV веком. Но получается, будто пропаганда вызвана, к жизни не политическими целями определенных классов, а развитием техники, способов коммуникации. Такой подход лишает анализ социологической глупины.

Ряд буржуазных социологов, в том числе Р. Арон, О. Брунер, З. Бжезинский, полагают, что эпоха идеологии и пропаганды начинается с «закатом старой Европы и появлением современного мира»⁴. Р. Арон и Д. Белл связывают появление идеологии (и пропаганды как способа ее распространения) с упадком религиозной веры, наступившим, согласно их мнению, в западноевропейских странах в XVIII—XIX вв., и с формированием класса «интеллектуалов», которые взяли на себя обязанность разработки социальных воззрений. При этом идеоло-

---

¹ Рубакин Н. А. Пропагандология. Теория и практика распространения знаний, идей, настроений и действий с наименьшей затратой сил, времени и средств. 1935—1936 // Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 358, ед. хр. 3.

² См.: *Domenach J. La Propaganda politique*. Paris, 1962.

³ См.: *Schramm W. Two Concepts of Mass Communication//Responsibility in Mass Communication*. N. Y., 1957. P. 62—77.

⁴ *Bruner O. Neue Wege der Sozialgeschichte*. Göttingen, 1965. S. 205.

гия стала описываться как «эрзац-религия», «гражданская религия» или «религия интеллектуалов»¹.

Аналогичную точку зрения развивают западногерманские социологи К. Козик и К. Пруйс, которые полагают, что пропаганда возникает только в так называемом плюралистическом обществе. По существу, речь идет о современном капитализме. Авторы подчеркивают, что при нынешнем высоком уровне социальной мобильности человек не может существовать без стабилизирующего фактора, без своеобразного духовного подсказчика. Пропаганда, следовательно, как разъясняют эти исследователи, рождается там, где циркулируют потоки информации. Она, следовательно, необходимая составная часть современного общества, ибо поставляет «образцы мышления», мнений, без которых немислимо принятие политических, экономических и социальных решений².

Все эти концепции, по существу, отрицают связь пропаганды с политической идеологией, с борьбой классов. Буржуазные социологи выделяют внешние формальные признаки, характеризующие практику «реконструкции умов» (использование внушения, потребность в коммуникации и т. д.), или ссылаются на сопутствующие факторы (возникновение специальных организаций, появление техники тиражирования, формирование слоя идеологов). Ни в одном из названных нами исследований не говорится о том, что пропаганда ведется в интересах господствующих классов.

§ 2. Типологические черты

Осмисливая пропаганду как социальное явление, буржуазные теоретики выделяют различные, типологически характерные интерпретации данного феномена. Назовем среди них такие, которые имеют концептуальное оформление (более подробно они будут охарактеризованы в последующем изложении).

Пропаганда как «просвещение». Такое понимание присуще первоначальным просветительским концепциям. Данное социальное явление трактуется еще как локальное, связанное лишь с процессом распространения полезных знаний и сведений. Эта трактовка пропаганды отчетливо просматривается в идеологии XVIII в. В эпоху становления капиталистической формации философы полагали, что политический мир можно изменить с помощью знаний. Благодаря печатному слову на политической сцене стало обнаруживать себя общественное мнение. Пропаганда при этом отождествлялась с распространением истинных знаний.

¹ См.: *Bell D. The End of Ideology*. N. Y., 1967. P. 396.

² См.: *Koszyk K., Prynс K. Propaganda*. Wörterbuch zur Publizistik. München, 1970. S. 291—292.

Пропаганда как «информирование». Такое осмысление пропаганды обусловлено бурным развитием массово-информационных потоков. В период становления современной экономики, усиления социальной мобильности возникла иллюзия, будто пропаганда выполняет прямую общественную функцию — передает населению разностороннюю информацию, без которой невозможна ни экономическая, ни политическая, ни социальная жизнь. Сторонники такого подхода к феномену пропаганды видят в социальной практике только те связи, которые складываются между людьми, находящимися в потоке массовой информации.

Пропаганда как «коммуникация». Многие социальные явления рассматриваются в этой интерпретации как отражение универсального процесса общения людей на основе определенного типа коммуникации. Анализ информационных отношений и связей не предполагает изменения фундаментальных основ общественного устройства. Поэтому по своему характеру буржуазная теория пропаганды есть своеобразное социологическое учение о том, как улучшить капиталистическое общество путем регулирования информационных потоков.

Пропаганда как «социализация». В эту трактовку включается уже более широкий круг явлений. По существу, речь идет о том, что человек приобщается к культуре через пропаганду. Идеологическое воздействие усматривается уже в простейших актах социализации. При этом игнорируется тот факт, что воспитание в семье преследует не столько политические интересы, которые определяют содержание пропаганды, сколько более доступные и близкие жизненные цели (научить труду, дать образование, привить этические представления и т. д.).

Пропаганда как «социальное окружение». В этой интерпретации в систему пропаганды включаются уже не только духовные явления, но и некоторые объективные процессы и отношения самой реальности. Такую трактовку излагает, например, французский исследователь Ж. Эллюль, который развил концепцию «социологической пропаганды». Он относит к ней все социальное окружение человека (материальную среду, рекламу, социальные символы).

При историческом анализе буржуазных концепций выясняется, что в понятие пропаганды включается постепенно все более широкий круг общественных явлений. Таким образом, общая тенденция буржуазной теории сводится к тому, чтобы доказать тезис об универсальной роли пропаганды в историческом процессе. Различные исследовательские направления, которые сложились в буржуазной социологии, не захватывают в качестве объекта изучения социально-экономические отношения, формы собственности. Сам процесс пропаганды нередко сводится западными исследователями к отвлеченному просветительству, к различным формам абстрактно трактуемого социального взаи-

модействия, к способам злонамеренной инспирации и манипулирования общественным сознанием.

Однако все эти интерпретации не свидетельствуют о реальной недооценке пропаганды как инструмента достижения политических целей, поставленных господствующей буржуазией. Пропагандистские органы являются главной движущей силой огромной машины идеологической войны империализма против социалистических стран, против прогрессивных сил в мире.

Ограниченность названных подходов, узость мировоззренческих позиций западных социологов особенно отчетливо проступает при сопоставлении буржуазных взглядов с марксистско-ленинским пониманием пропаганды. Наша философия рассматривает ее в системе разносторонних социальных связей как момент революционного преобразования общества, социальной динамики. Поэтому особое внимание в нашей науке уделяется роли пропаганды в связи с развитием массовых социальных движений в предреволюционных и революционных ситуациях, в ситуациях кризиса и внутренней ломки существующей в буржуазном обществе системы ценностей и культуры. Одновременно с этим марксистско-ленинская философия подчеркивает, что значение пропаганды как инструмента развития сознания людей, их активного отношения к социальной действительности усиливается по мере возрастания сложности и масштабности задач, встающих в процессе социалистического и коммунистического строительства.

К. Маркс и Ф. Энгельс, которые положили начало научному изучению идеологии и пропаганды, дали этим явлениям широкое социально-экономическое и политическое истолкование. Они показали, что идеология появляется на определенном этапе развития производительных сил в связи с разделением общества на антагонистические классы и, еще точнее, с отделением и отрывом умственного труда от физического, что явилось моментом классовой дифференциации общества. В противоречивом и разнородном потоке общественного сознания в каждую эпоху складываются взгляды, которые занимают в нем главенствующее положение. Это взгляды класса, господствующего в данную эпоху. «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила»¹. Пропаганда дает практическую ориентацию для деятельности классов и общественных групп. Она занимается разъяснением социальных идей, внедрением их в общественное сознание в связи с определенными задачами в конкретных социальных условиях.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 45.

Поэтому с точки зрения марксизма-ленинизма идеология и пропаганда как социальные явления возникают не в доклассовом обществе, не в средние века и не в период возвышения буржуазии как класса (к этим представлениям сводятся различные концепции западных социологов), а в эпоху становления раннеклассового общества, когда впервые складывается историческая потребность господствующих классов оправдать социальное неравенство, навязать массам общественные идеи, выражающие интересы этих классов.

К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали роль пропаганды в широком социально-политическом аспекте. Они показали, что мировоззрение как система взглядов на объективный мир и место в нем человека несомненно связано с политикой, т. е. с деятельностью, выражающей отношения между классами, нациями и другими социальными общностями. Являясь совокупностью принципов, взглядов и убеждений, которая определяет активность личности, социальной группы, класса или общества в целом, мировоззрение оказывает воздействие на всю социальную практику, и прежде всего на устройство государственной власти.

В классово-антагонистическом обществе политическая борьба между классами составляет основу его развития. Уходящие с исторической арены классы проводят реакционную политику, стремясь задержать прогрессивное развитие общества. В условиях социализма политика базируется на мировоззрении, которое направлено на решение социально осознанных задач и целей.

Идеология, которая непосредственно соотносится с мировоззрением и ориентируется на социальные явления и классовые отношения, по самой своей общественной сути призвана разрабатывать мировоззренческие ориентации, переводить на язык политических программ коренные социальные интересы тех или иных классов. В современных условиях буржуазная идеология уже не может отгораживаться от социальных проблем, от развернувшейся идейной и политической борьбы. Напротив, происходит интенсивный процесс ее политизации.

С другой стороны, политика нуждается в идеологии и пропаганде. Мировоззрение испытывает на себе влияние общественного сознания своей эпохи и черпает оттуда материал для своих теоретических выводов. На основе совокупности взглядов люди осознают характер общественных отношений и борются за их изменение. В марксистской философии находят свое отражение общая картина истории, взаимоотношения различных классов, динамика социального прогресса.

Реакционные классы заинтересованы в том, чтобы в многообразном мыслительном материале, накопленном человечеством, найти оправдание своих действий, защитить отжившие устои общественной жизни. Идеология с помощью пропаганды обра-

щается к массам, стремясь представить политику господствующего класса как целесообразную и обоснованную, имеющую статус теоретической, научно обоснованной, мировоззренческой оправданности.

Связь мировоззрения и политики, хотя она и очевидна, все же далеко не однозначна. Идеология в принципе способна культивировать аполитичные установки, проповедовать социальный индифферентизм, отвлечение от политики. С другой стороны, недооценка мировоззрения в политической деятельности обычно ведет к усилению стихийных процессов, к пассивному ожиданию, ставит под угрозу достижение целей.

Мировоззрение призвано вооружать политику стратегическим арсеналом, раскрывать общие задачи, пути их решения. Но идеология нередко способна следовать за каждым изгибом политической конъюнктуры, обслуживая ближайшие потребности класса, но игнорируя при этом далекие цели, необходимость углубленной теоретической работы и т. д. Все это свидетельствует о разных задачах пропаганды, о глубине ее вовлеченности в мир идеологии.

Анализируя идеологические отношения в обществе, буржуазные теоретики впадают, как правило, в две крайности. С одной стороны, они склонны обуздить сферу идеологии, трактуя многие социальные процессы как чисто информационные, внеидеологические. С другой стороны, западные социологи стремятся все сферы духовной жизни общества оценивать как «сугубо идеологические». Так, деятели Франкфуртской школы объявили все проявления сознания и мышления «ложными» идеологическими образованиями. Впадая в панидеологизм, они включили затем в сферу идеологии ряд объективных, независимых от сознания отношений внутри общества.

Разумеется, в современном мире нет и не может быть абстрактного социального познания, отвлеченного информирования, «беспристрастной, объективной пропаганды». Однако далеко не все сведения, циркулирующие в системе массовой информации, имеют одинаковый идеологический статус. Теоретические сведения, передаваемые системой образования, могут носить характер объективного знания. Однако в условиях современных идейных размежеваний эта информация нередко приобретает идеологическую аранжировку. Мировоззренческие аспекты обнаруживаются в различных сферах знания.

Сводка погоды, передаваемая по радио или телевидению, не преследует прямых политических или идеологических целей. Однако в обстановке войны данные о погоде становятся важными стратегическими сведениями. Экономическая информация, реклама все чаще берут на себя конкретные идеологические функции. Все это говорит о том, что пропаганда подчинена идеологии. Однако ее содержание «идеологизировано» по-разному, с разной степенью «ангажированности».

Вот почему, подчеркивая идеологический характер массово-информационных процессов, исследователи-марксисты отмечают разные аспекты определения пропаганды. В самом широком смысле под пропагандой подразумевается *особый род социальной деятельности, основная функция которой состоит в распространении политических, философских, научных, технических знаний, художественных ценностей и другой информации с целью формирования определенных взглядов, представлений и эмоциональных состояний, оказания влияния на поведение людей*¹. Пропаганда духовных ценностей предполагает учет конкретной ситуации, особенностей аудитории. В процессе пропаганды нередко происходит не только популяризация науки, но и ее обогащение, развитие.

В более узком смысловом значении, как подчеркивает В. Ф. Правоторов, пропаганда — это *деятельность по распространению в массах идеологии и политики определенных классов, партий и государств*. В современных условиях идеологическая пропаганда оформилась в особую сферу духовной деятельности, представляет собой систему организаций, средств, форм и методов идейно-психологического влияния на массы. Ее характерными чертами являются целенаправленность, определенная дифференциация, непрерывность воздействия, массовость.

§ 3. Современная трактовка

Уже при социализме роль идеологии и пропаганды резко возрастает и приобретает новые черты в сравнении с капитализмом. Необычайно растет познавательная роль коммунистической идеологии, углубляются и развиваются такие ее функции, как интеграционная, мобилизующая, ориентирующая. Это относится и к экономическому строительству, которое ведется на плановых, сознательных началах и где определение целей, сравнительного значения социальных ценностей приобретает исключительное значение. Это относится в равной степени к политическому регулированию общественного развития, где руководство партии, творчество масс, другие субъективные факторы приобретают небывалую значимость. Эти факторы усиливаются по мере продвижения социалистического общества к коммунизму.

«Исходные установки марксистско-ленинской концепции пропаганды,— отмечает Н. Б. Биккенин,— определяются реальными, жизненными интересами социалистического общества, перспективами его дальнейшего развития, его «открытостью» для будущего. Значение пропаганды как инструмента развития сознания людей, их активно-действенного отношения к социаль-

---

¹ См.: Правоторов В. Ф. Пропаганда//Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 539.

ной реальности не только не снижается по мере обретения социалистическим обществом черт зрелости, но, напротив, возрастает по мере возрастания сложности и масштабности задач, встающих в процессе коммунистического строительства»¹.

Осмысление пропаганды как теоретического понятия актуализирует сегодня сложный комплекс социально-философских и социально-политических проблем. В буржуазной социологии все чаще выдвигается мысль о том, что в борьбе социализма и капитализма выиграет тот, кто сумеет более масштабно и мобильно развернуть процесс пропаганды. Суммируя взгляды такого рода, один из ведущих представителей буржуазной теории идеологии западногерманский социолог Е. Лемберг пишет: «Именно общественное сознание определяет бытие. Вера сдвигает горы»².

Анализ новейших тенденций буржуазной социологии показывает, что в начале минувшего десятилетия значительно возрос интерес западных теоретиков к осмыслению понятия пропаганды. По данным советского института научной информации АН СССР, библиография по этим вопросам за последнее пятилетие увеличилась чуть ли не вдвое. Весьма показательно, что ведущие буржуазные исследователи, в том числе З. Бжезинский, Э. Винер, Г. Кан, Ю. Хабермас, Э. Фромм, Ж. Эллюль и другие, обратились к разработке этой концепции, выдвинув ряд новых концепций.

Внешне смысл этих тенденций выражается в повышенном внимании буржуазной социологии к рассмотрению духовных процессов в капиталистическом обществе, к изучению механизмов перестройки сознания людей, к поискам новых средств манипулятивного воздействия на сознание и поведение масс. По существу, речь идет об активизации откровенно идеалистических социально-философских воззрений, преследующих идею защиты основ капиталистической системы. Она выявляется в описаниях «глобального сознания», которое якобы складывается, по мнению З. Бжезинского, на основе технотроники, и в рассмотрении «плюрализма» культуры у Г. Кана: в программах разрушения массовой коммуникации, предложенной Э. Фроммом, и в выдвинутом Ж. Эллюлем тезисе о всесиили современной пропаганды; в обосновании стихийного возникновения новой духовной атмосферы у М. Хайдеггера и в представлениях Винера о некоей внеклассовой «всечеловеческой» идеологии 2000 г.; в расчетах философов Франкфуртской школы путем духовной критики попытаться изменить объективные социальные отношения; в характеристиках типов сознания, предложенных лидерами мелкобуржуазного радикализма.

Практика буржуазной пропаганды опирается на определен-

¹ Биккенин Н. Б. Социалистическая идеология. М., 1983. С. 182.

² Lemberg E. Ideologie und Gesellschaft. Stuttgart, 1976. S. 84.

ную методологию, т. е. на совокупность представлений о принципах и методах воздействия на сознание масс. Однако у буржуазной теории пропаганды нет единой, последовательно разработанной концепции. Она не является также частью целостной теории общественно-исторических процессов, ибо буржуазная философия не располагает таким учением. В этой связи возникает вопрос: как определить границы той методологии, на которой фактически строится практика империалистической пропаганды?

Здесь сразу обнаруживаются две противоречивые тенденции, присущие буржуазной социологии. Одна состоит в предельной прагматизации теории пропаганды, в сведении ее к сумме рекомендаций, смысл которых сводится к тому, чтобы обобщить опыт институтов империалистической пропаганды по внедрению в общественное сознание буржуазных политико-идеологических стереотипов, таких, как образ «улучшенного», «преобразованного» капитализма, «коммунистической угрозы», «многомного раскола социалистической системы». Антикоммунистические теории ориентированы на внедрение в сознание трудящихся социалистических стран идей реакционного национализма, потребительского отношения к жизни, настроений аполитичности и безыдейности.

Другая тенденция западной социологии связана с попытками более широкого осмысления пропаганды как общественного явления. В этом смысле речь идет уже о создании определенной теории манипулирования сознанием людей как якобы неизбежного способа социального управления. Буржуазные социологи пытаются определить роль пропаганды в историческом развитии общества, присущие ей функции, социальные последствия ее функционирования. Манипулирование общественным сознанием рассматривается при этом как целенаправленная система идейной обработки масс, осуществляемой буржуазной пропагандой с помощью различного рода политических мифов, предрассудков и других ложных концепций.

Таким образом, в буржуазных осмыслениях пропаганды можно зафиксировать сегодня весьма противоречивые, полемические заостренные друг против друга представления об этом общественном явлении. В их концепциях преломляются стремление к политическому радикализму и проповедь аполитичности, технократические иллюзии «программирования» общественного сознания и глубокое разочарование в современных формах человеческого общения.

В связи с этим возникает вопрос: в какой мере можно говорить о буржуазной теории пропаганды как о чем-то едином при наличии противостоящих друг другу эклектических школ и школок, отражающих в своих определениях и концепциях конкретные приемы манипулирования общественным сознанием и определенную философию истории?

Нетрудно обнаружить известное единство представлений в буржуазной теории пропаганды, если понимать под ней методику манипулирования общественным сознанием. В таком истолковании теория действительно сводится к «анатомии лжи», к приемам преднамеренного дезинформирования, к рецептам идеологических диверсий. Как правило, в этом случае методология приравнивается к раскрытию множества определенных социально-психологических факторов, а «зрелость» пропаганды понимается как накопление все большего количества конкретных способов «уловления умов».

Буржуазные авторы зачастую видят свою задачу в том, чтобы совершенствовать технические приемы и процедуры массивного воздействия на сознание людей, фиксировать конкретные способы разработки и подачи журналистского материала. Эта эмпирическая ориентация трактуется западными социологами как особое, единое по своей методической оснащенности научное направление, позволяющее якобы ее сторонникам выполнить функцию «социальной инженерии».

Таким образом, одна из тенденций, обнаруживаемая в ходе рассмотрения темы, состоит в том, что буржуазная социология сводит теорию пропаганды к сумме общих утилитарных рекомендаций технико-методического характера. В западной литературе немало исследований, авторы которых дают прагматические рекомендации, «свободные» от социально-философских, общесоциологических размышлений. Основное внимание при этом уделяется выводам о механизме восприятия пропагандистских сообщений, о возможностях расчетливого манипулирования мнениями людей.

В борьбе за «уловление умов» некоторые исследователи уповают на биологические и психологические ресурсы манипулирования. В частности, в США развернута целая система экспериментов по «модификации поведения». Речь идет об использовании электротерапии, фармакологии, психохирургии и других методов и приемов для изменения психики и поведения отдельного человека и групп людей.

Однако сегодня, насколько можно судить по буржуазной литературе, такой подход все больше разочаровывает специалистов по пропаганде — как теоретиков, так и практиков. Сейчас на Западе заметна тенденция осмысливать массовые идеологические процессы с широких мировоззренческих позиций, что побуждает к более развернутому осмыслению феномена пропаганды.

В противовес прагматической, «инструментальной» ориентации другая тенденция буржуазной социологии состоит в том, чтобы осмыслить функционирование каналов империалистической пропаганды с позиции более широких общесоциальных воззрений. В этом случае западные исследователи пытаются раскрыть феномен пропаганды, определить ее роль в истори-

ческом процессе, присущие ей функции, ее место в системе общественных отношений.

Противоположная тенденция состоит в том, чтобы ориентировать исследование человеческого сознания не на психофизиологию, а на философскую рефлексию о механизмах культуры, истории, массового поведения и т. д. Иными словами, речь идет о попытках выйти за рамки узкого эмпиризма к широкой общетеоретической программе, способной дать методологию анализа и прогнозирования массового сознания и массового поведения.

Конечно, на эмпирическом уровне можно, например, описать специфику отдельных жанров, форм пропагандистской продукции Запада, не вовлекаясь в сферу мировоззренческих проблем. Однако объяснить, скажем, растущую популярность комиксов, их роль в процессе социализации личности без «социологического воображения» (воспользуемся термином американского социолога Р. Миллса) уже нелегко.

Анализируя финансовое банкротство какого-нибудь издания, буржуазный исследователь может опереться на статистику, на разбор экономической конъюнктуры. Но вряд ли можно ограничиться этим, когда необходимо объяснить причины «восхождения» того или иного журнала, т. е. роста его аудитории: здесь не обойтись без исследования мировоззренческих установок читающей публики, ее ценностных ориентаций.

Перед буржуазными экспертами по вопросам пропаганды встает множество вопросов, на которые нельзя ответить с позиции прикладной социологии. Как объяснить, например, податливость индивидуального сознания и в то же время его способность противостоять манипулятивным стандартам? Почему и как средства массовой коммуникации могут воздействовать на содержание культуры? Что представляет собой так называемая визуализация пропаганды, т. е. возрастание в ней зрительных образов? Чем конкретно порождена «мания персонификации», т. е. использование различных персонажей и героев массовой литературы в процессе манипулятивного воздействия на потребителя?

Еще больше вопросов, требующих выяснения, возникает, если обратиться к изучению аудитории, поведение которой демонстрирует еще один ряд феноменов. Чем вызван, допустим, массовый интерес к документализму в наше время? Какие особенности сознания людей обусловили «эффект серийности», вызвавший революцию в принципах построения телевизионных программ? Почему буржуазная публика отдает предпочтение коммерческому ширпотребу, различным видам галлюцинаторной литературы, устрашающим мифам, порнографии и т. д.?

Многие философы на Западе отдают себе отчет в том, что за непосредственной очевидностью явлений пропаганды скрыты

глубокие мировоззренческие проблемы. Например, М. Хайдеггер, размышляя о причинах популярности серийных изданий, разглядел здесь не только «ловкость» буржуазных издателей, уловивших будто бы запросы публики. Философ поставил вопрос шире, показав, что идея серийности (т. е. выстроенности во времени) телепередач, кинофильмов и т. д. в своеобразной форме отражает общую настроенность современного сознания, озабоченность необходимостью создать «картину мира»¹.

Можно оспорить философскую «экспертизу» Хайдеггера, но совершенно бесспорна тенденция современной буржуазной социологической теории дать мировоззренческое истолкование массовым идеологическим процессам, привлечь философские идеи для объяснения тех или иных явлений пропаганды и самой ее природы. Так, попытка канадского исследователя Г. А. Инниса рассмотреть интегративные функции пропаганды непосредственно выводится из работ Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Веблена, Дж. Дьюи, Дж. Г. Мида и Р. Э. Парка².

С другой стороны, анализ массовых идеологических процессов оказывается у многих авторов необходимым звеном в построении социологической теории, пытающейся объяснить динамику истории, содержание общественных явлений и т. д. Это относится к таким представителям современной буржуазной социальной мысли, как М. Маклюэн, Г. Энценбергер, Ж. Эллюль.

Круг проблем, которые разрабатывает сегодня буржуазная теория пропаганды, за последние годы значительно изменился. Если раньше она нередко сводилась к анализу форм и методов функционирования различных каналов массовой информации, то теперь в ее сферу все чаще входят мировоззренческие вопросы.

Чем можно объяснить тот факт, что буржуазная теория пропаганды, которая в течение нескольких десятилетий занималась описанием и классификацией эмпирического материала, обратилась сегодня к решению сложных философско-методологических вопросов? Это стремление связано, на наш взгляд, с тремя основными обстоятельствами.

Во-первых, оно обусловлено логикой борьбы на международной арене двух общественно-экономических систем — социалистической и капиталистической, побуждающей западных исследователей изучать связь идеологии и пропаганды, анализировать механизмы воздействия на потребности и устремления представителей различных социальных групп, выяснять роль пропаганды в социально-историческом процессе. Острота идеологической борьбы на современном этапе требует от западных социологов оперативного раскрытия потенциала пропаганды,

---

¹ См.: *Heidegger M. Holzwege. Fr. am. M., 1963. S. 100—104.*

² См.: *Innis H. A. The Bias of Communication. Toronto, 1971.*

что влечет за собой попытки концептуального объяснения этого явления.

Во-вторых, интерес к пропаганде как к сложному явлению продиктован заметной экспансией социального утопизма в буржуазную литературу. Настоящий бум в области социально-философского анализа пропаганды является оборотной стороной «футурологического бума», свидетельствует о стремлении разобраться в характере воздействия на массовые аудитории бесчисленных предсказаний, провозвестий и предостережений, выброшенных на книжный рынок. В буржуазную социологическую литературу вошло понятие «эффект Эдипа». Под ним подразумевается всякое отклонение от «нормального» хода истории под влиянием прогноза, завладевшего сознанием и ставшего для людей социальным ориентиром поведения.

Наконец, повысившийся теоретический интерес к пропаганде вызван в капиталистическом мире, по-видимому, самим внутренним развитием социологической науки и смежных областей знания. То, что интерес этот приобретает социально-философский характер, в немалой степени объясняется неудовлетворенностью узкоэмпирическим характером до сих пор господствовавшего социологического исследования и стремлением надстроить над ним какое-то подобие философской рефлексии об обществе, истории культуры, механизмах формирования индивидуального сознания.

Пытаясь ответить на вопрос, чем можно объяснить триумфы и кризисы буржуазной пропаганды, ее «блеск» и «нищету», ее технологическую «непогрешимость» и иллюзорную «неуправляемость», западные социологи, естественно, выходят за рамки чисто эмпирических констатаций. Можно описать и классифицировать тематические направления тех или иных кампаний, указать на эффективность отдельных методик и приемов, оставаясь на уровне утилитарного социологического представления. Но нельзя объяснить явления «деполитизации» или процесс «вовлечения» индивида в пропаганду, не затронув тех проблем, которые традиционно закреплены за социально-философским анализом.

Совершенно очевидно, что империалистическая пропаганда с особой активностью ищет сегодня теоретического обоснования своих акций. И хотя пути осмысления механизмов общественного сознания различны, можно говорить о буржуазной теории пропаганды прежде всего как о собирательном понятии, противостоящем эмпиризму журналистской практики. Различные социологические школы и школы объединены стремлением создать вполне самостоятельную науку о пропаганде.

Но о буржуазной теории пропаганды можно говорить и в более широком смысле, при анализе ее мировоззренческих аспектов, хотя именно здесь и обнаруживается, казалось бы, полная несопоставимость ее отдельных направлений. Буржуаз-

ная наука о пропаганде не представляет собой теоретически оформленного целого. Она существует во множестве вариантов, включает в себя различные по своему социально-классовому содержанию идейные течения. Такое положение объясняется тем, что, как уже отмечалось, буржуазная философия не располагает единой и целостной теорией общественно-исторических процессов. Анализ социальных явлений ведется ею на основе вульгарно-техницистских, антропологических, социокультурных и социально-психологических подходов.

Вместе с тем известное единство буржуазной теории пропаганды обнаруживается при анализе ее как идеологического явления. Мы говорим о буржуазной идеологии, несмотря на то что она представляет собой нечто сложное и запутанное, распадающееся на отдельные течения. Точно так же теория империалистической пропаганды противостоит марксистско-ленинской концепции пропаганды как нечто идеологически целостное. Это особенно наглядно выявляется при изучении ее политико-социологических аспектов. И в самой постановке проблем, и в способах их рассмотрения обнаруживается определенная методологическая общность буржуазной теории пропаганды.

Критика методологических основ этой пропаганды предполагает анализ ее теории, рассмотрение той совокупности взглядов, которые накоплены буржуазной социологией в рамках изучения общественного мнения, пропаганды и массовых средств информации. Буржуазная социология, как мы видели, стремится дать собственное обоснование социальной природы пропаганды, определить ее место в системе буржуазных общественных отношений, замаскировать манипулятивный характер деятельности массовых изданий.

Ставя вопрос о глубокой марксистской критике «теорий, методов и приемов буржуазной журналистики»¹, мы одновременно обязаны провести последовательное различие между характером коммунистической и буржуазной пропаганды, между научным и антинаучным истолкованием пропаганды.

Критерий научности в данном случае тесно связан прежде всего с идеологическим содержанием пропаганды. Коммунистическая пропаганда распространяет передовое научное мировоззрение. В этом смысле мы говорим о том, что наша пропаганда научна, ибо она отражает прогрессивные исторические тенденции². Буржуазная идеология антинаучна. Она защищает отживший социальный строй, навязывает реакционные общественные идеи.

Духовные процессы капиталистического мира не могут быть ничем иным, кроме как отражением объективных противоречий буржуазного строя. Поэтому империалистическая пропаганда,

¹ Засурский Я. Н. XXV съезд КПСС и развитие журналистского образования // Вестник МГУ. Журналистика. 1976. № 2. С. 5.

² См.: Коммунистическая пропаганда: вопросы теории и методики. М., 1974.

будучи индустрией лжи и обмана, не может в то же время произвольно выключиться из естественно-исторического процесса. Она постоянно связана с реальными закономерностями данной формации, которые получают в пропаганде извращенное истолкование.

Империалистическая пропаганда выступает не только в качестве духовно-психологического фактора, воздействующего на сознание масс. Она выполняет также роль регулятора социально-экономических процессов, происходящих внутри государственно-монополистического капитализма. Следовательно, буржуазная пропаганда вынуждена приспосабливаться к тем фактическим запросам, которые выдвигает экономическая практика современного капитализма, к потребностям государственно-монополистической организации. Именно поэтому она сталкивается с целым рядом объективных предпосылок, имеющих прямое отношение к носителю конкретных общественных отношений, к его социально-классовому обществу, к вполне реальному жизненному окружению человека.

При анализе буржуазной пропаганды важно видеть различие между объективными и субъективными факторами, влияющими на нее. Механизм манипулирования общественным мнением, который использует империалистическая пропаганда, учитывает иллюзии и предрассудки масс, действительно укорененные в самой исторической практике капиталистического строя. Эта закономерность может реализоваться стихийно, эмпирически. Вместе с тем эффективная эксплуатация заблуждений требует определенной теоретической работы, в ходе которой изучаются пружины массового сознания.

Содержание коммунистической и буржуазной пропаганды, естественно, отражается далее на присущих ей формах и приемах, применительно к которым также возникает вопрос о научности и ее критериях. Направленная на развитие общественного сознания коммунистическая пропаганда пользуется методами убеждения и просвещения. Единство содержания и формы, правды и способов ее раскрытия, донесения до масс позволяет коммунистической пропаганде распространять марксистско-ленинскую идеологию на научных основах¹.

Империалистическая пропаганда, будучи проводником буржуазных идей, вынуждена маскировать разрыв между научной картиной мира и капиталистической действительностью. Поэтому она берет на вооружение способы манипулирования, дезинформации. Однако вопрос о научности этих способов ставится здесь уже не гносеологически, т. е. с точки зрения соответствия истине, процессу познания, а функционально, т. е. с позиции эффективности того или иного манипулятивного приема. Но в

---

¹ См.: Научные основы коммунистической пропаганды. Материалы международного симпозиума. Москва, 11—13 февраля 1975 г. М., 1975.

этом случае научность буржуазной пропаганды понимается совсем в другом смысле, в урезанном и искаженном, как возможность на базе современного знания достигать тех или иных результатов, эффективно эксплуатируя иллюзии и предрассудки масс, «научно» отлаживая механизм манипулирования общественным мнением.

Науку о пропаганде буржуазные социологи понимают именно в этом смысле. Они всячески обходят вопрос о всесторонних критериях научности, о ее главном и решающем признаке — истинности содержания, соответствия пропаганды объективным тенденциям общественного развития. С этих же позиций оценивается и контрпропаганда, т. е. меры политического и пропагандистского характера, предпринимаемые нами с целью упреждения или нейтрализации враждебных и клеветнических инспираций буржуазной пропаганды.

Глава V

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЫ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

§ 1. Идея централизации пропаганды

Наша партия никогда не отрицала своей открытой заинтересованности в обращении к широким массовым аудиториям. Еще до появления современных каналов информации — радиовещания и телевидения — возникла потребность в таком средстве связи с массами, общения с ними, которое помогло бы мобилизовать революционную энергию трудящихся, превратить социалистические идеи в реальную силу исторического прогресса.

Уже в начале века В. И. Ленин подчеркнул мысль, которая стала теперь чуть ли не путеводной в современной социологической литературе: к пропаганде надо относиться серьезно. Пропаганда — это не калейдоскоп искусных приемов, уверток и ухищрений. Это прямое обращение к массам, к их самосознанию, призыв к переустройству и обновлению мира.

Многие буржуазные социологи вынуждены признать, что В. И. Ленин был первым политическим деятелем, который осознал огромные возможности идеологического воздействия на массы. В частности, французский философ и социолог Ж. Доменак в книге «Политическая пропаганда» прямо подчеркивает, что буржуазным политикам следует учиться у вождя социалистической революции серьезному и эффективному отношению к пропаганде¹.

¹ См.: *Domenach J.-M.* La propaganda politique. Paris, 1962.

Однако признавая на словах заслуги В. И. Ленина как политического деятеля, Доменак вместе с тем исподволь пытается провести мысль о том, будто руководитель Советского государства попросту опередил западных политических деятелей в организации пропаганды, преследующей-де лишь узкогосударственные, прагматические цели. Тем самым делается попытка стереть принципиальное различие между социалистической и буржуазной идеологией. Не случайно Доменак предпочитает не говорить о содержании советской пропаганды, ее идеологической направленности. Французского социолога восхищает лишь «предусмотрительность» и «оперативность» советских лидеров. Но при этом он ни слова не говорит о том, что социалистическую пропаганду отличают правдивость, гуманистические, интернациональные цели.

По мнению Доменака, один тип пропаганды отличается от другого отнюдь не идеологическим содержанием, а методикой, арсеналом манипулятивных приемов, т. е. тем, как они оркеструют «старые грезы». Формально книга Доменака преследует одну цель — изобличить нацистскую пропаганду, показать ее манипулятивный характер. Однако фактически французский социолог в силу логики собственного замысла — раскрыть технику внушения — приходит к выводу о неустранимости злонамеренной пропаганды.

Перейдя непосредственно к изложению приемов дезинформации и обмана, Доменак фактически снял вопрос о правомерности самого факта манипуляции. Он тем самым санкционировал социальную «оправданность» духовного насилия над массами в условиях капиталистического общества. Все эти разнохарактерные идеологические процессы группируются по формальным признакам, на основе отвлеченной «инвентаризации» приемов пропаганды, применяемых якобы в различные эпохи, в условиях той или другой исторической обстановки. Таким образом, Доменак обосновывает возможность контролировать общественное мнение с помощью якобы теоретически оправданной, выверенной методики. В результате в концепции Доменака проводится вполне определенная методика. Он пытается доказать, будто дезинформация неизбежна, она является якобы неотъемлемой стороной всякой пропаганды.

Если попытаться изложить теоретические взгляды буржуазных социологов в виде определенной совокупности воззрений на пропаганду, то обнаружится поучительная закономерность. Академические рассуждения западных социологов о том, как следует вести пропаганду, каковы механизмы «уловления умов», абсолютно совпадают с данной В. И. Лениным острой беспощадной характеристикой капиталистической печати как прочно оборудованной системы лжи и обмана¹.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 176.

В. И. Ленин отмечал, что «буржуазия *везде и всегда* прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете»¹. Ярким примером такой «отчаянной лжи» может служить описание приемов буржуазной пропаганды, которые приводятся во многих книгах западных социологов. Сегодня число приемов, которые использует империалистическая пропаганда, достигает уже почти двух сотен. Буржуазная пресса действительно «пускает в ход все, чтобы надуть, обмануть»² массу людей. Рецепты, которые дают западные исследователи, по существу, сводятся к рекомендациям такого рода: лги, кричи, пускай в ход все, повторяй ложь, развращай, одурачивай. Именно по этому поводу В. И. Ленин иронически заметил: «что-нибудь да останется»³, — имея в виду принципы буржуазной журналистики.

На самом деле эффективность пропаганды определяется не приемами искусного манипулирования, а реальным соответствием ее общественно-историческим потребностям. Выступая на VIII Всероссийском съезде Советов в 1920 г., В. И. Ленин отмечал: «...мы достигли наших мировых успехов, ибо наша пропаганда во всем мире всегда говорила и говорит рабочим и крестьянам правду, а всякая другая пропаганда говорит им ложь»⁴. Противостоя объективным историческим тенденциям, буржуазная пропаганда закономерно превратилась в манипуляторство. Именно «говорение лжи» было парадоксальным образом возведено буржуазными авторами, изучающими опыт пропаганды, в ранг науки.

Таким образом, серьезное отношение к пропаганде у В. И. Ленина основывалось на глубоком осмыслении существа социалистической пропаганды. Идея централизации пропаганды была высказана В. И. Лениным еще в начале века. В. И. Ленин рассматривал централизацию пропаганды как важнейшее требование всей системы большевистской пропаганды и агитации. В 1902 г. в «Письме к товарищу о наших организационных задачах» В. И. Ленин обращал внимание на то, что «действительно выдержанных принципиально и способных пропагандистов *очень немного*... и таких людей надо специализировать, занимать их целью и беречь сугубо»⁵. «Пропаганда, — писал В. И. Ленин, — должна вестись в одном духе... ее следует строго централизовать...»⁶. В. И. Ленин возражал против привлечения к пропаганде малоспособных людей, чтобы избежать примитивности, рекомендовал вести пропаганду целеустремленно, глубоко, используя лучшие силы партии.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 352.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 285.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 217.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 144.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 15.

⁶ Там же. С. 13.

Н. К. Крупская постоянно подчеркивала, что мысли В. И. Ленина о средствах информации нельзя отрывать от теоретических рассуждений Владимира Ильича о пропаганде вообще, о роли народных масс и необходимости обращения к широким аудиториям. Об этом она говорила, в частности, в своих лекциях, прочитанных в Академии коммунистического воспитания в 1926—1927 гг. Н. К. Крупская не раз возвращалась к работе Ленина «Письмо к товарищу о наших организационных задачах». Комментируя уже приведенные ленинские слова, Н. К. Крупская писала: «Еще в 1901 г. Владимир Ильич Ленин писал о важности централизации пропаганды»¹.

Ленинская партия не только определила направление пропаганды, ее задачи, она наметила также реальную программу действий, расстановку сил. Прежде всего предстояло отобрать и подготовить большой отряд квалифицированных специалистов, которые были бы в состоянии выполнить задание партии, так как уровень пропаганды в те годы был нередко низким именно по той причине, что многие агитаторы сами слабо ориентировались в теоретических проблемах. Речь шла о необходимости вести пропаганду целеустремленно, используя лучшие силы партии. Н. К. Крупская неоднократно связывала это высказывание с радиовещанием. Она писала: «Радио дает в руки Советской власти и Коммунистической партии новый путь колоссального влияния на широчайшие народные массы. Радио дает возможность централизовать пропаганду»².

Централизация пропаганды понималась В. И. Лениным как программа координации всей агитационной работы, постоянного повышения ее уровня, подготовки и умелого использования опытных кадров. Определяя задачи социальной стратегии, В. И. Ленин предвидел, что современная пропаганда будет опираться на всю систему массового воздействия. Он подчеркивал, что нельзя ставить пропаганду кустарным образом, ибо в этом случае буржуазная идеология непременно получит реальные преимущества.

Будучи трезвым политиком, В. И. Ленин предвидел, что в XX в. идеология вооружится техникой, понимал, что эффективность ее во многом зависит от технической оснащенности, от использования современных видов связи и массового воздействия. Митинг с миллионной аудиторией, по мысли В. И. Ленина, должен помочь «... из воли миллионов и сотен миллионов разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны создать единую волю...»³.

---

¹ Крупская Н. К. Радио у нас должно служить массам//Рабочая газета. 1925. 3 марта.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 306.

Ленинская мысль о централизации пропаганды дополнялась введением принципа дифференцированной агитации, особого подхода к различным группам населения, разумного учета их социально-психологических особенностей. В. И. Ленин, к примеру, подчеркивал, что нельзя говорить о республике одинаково на заводском митинге и в казачьей деревне, на студенческом собрании и в крестьянской избе, с трибуны III Думы и со страниц зарубежного органа. Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усваиваемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой.

После Великого Октября появилась тенденция, с одной стороны, к максимальному расширению аудитории, с другой — к налаживанию контактов с определенными группами населения. Не случайно уже в те годы молодая советская наука стала изучать психологию политпросветработы. Так закладывались основы психологии, а затем и социологии пропаганды.

В 1918 г. в проекте постановления «О Социалистической академии общественных наук» Ленин требовал в качестве одной из первоочередных задач осуществить ряд социальных исследований. В декрете ВЦИК и СНК РСФСР о Социалистической академии общественных наук от 25 июня 1918 г., подписанном В. И. Лениным и Я. М. Свердловым, было указано на необходимость вести научные исследования в области социальных наук: научно-академическая секция создает комиссии, устраивает публичные собрания, заседания и диспуты, снаряжает экспедиции, организует анкеты и принимает все меры, помогающие успешному развертыванию научной работы.

«Необходимо каждый раз точно устанавливать, — подчеркивала Н. К. Крупская в 1920 г., — какие учреждения какой слой населения обслуживают, какой слой должен быть обслужен в первую очередь и с какой полнотой. Особое значение при такой постановке вопроса приобретают фабрично-заводские культурно-просветительные ячейки, такие же ячейки в совхозах, учреждениях, в селах и деревнях, в армии и т. п.»¹

Анализ результативности печатной пропаганды, радиовещания начался в нашей стране еще в 20-е годы. В октябре 1925 г. при Главполитпросвете был создан Радиосовет. В состав этого совещательного органа вошли представители ЦК РКП(б), Наркомпочтеля, МГСПС, Главлита и других учреждений, заинтересованных в постановке широко вещания. Агитпроп ЦК РКП(б) одобрил появление при Главполитпросвете Радиосовета, который стал руководить организацией передач, изучением их эффективности. В конце 1925 г. Радиосовет приступил к изу-

---

¹ Крупская Н. К. Пед. соч. В 10 т. М., 1976. Т. 7. С. 66—67.

чению аудитории с помощью специально подготовленных анкет. Эта работа рассматривалась как систематическая.

Исторический опыт показал, что именно последовательная, цельная и всесторонняя коммунистическая пропаганда способна не только освободить сознание масс от антинаучных взглядов, мелкобуржуазных иллюзий и предрассудков, но и действительно приобщить их к активной политической деятельности, научить ориентироваться в сложных вопросах общественной жизни, что является одним из проявлений последовательного демократизма.

Во многих капиталистических странах сейчас остро обсуждается вопрос о монопольном владении средствами массовой коммуникации, о цензуре, о государственном контроле над органами информации и пропаганды. Американский социолог Ч.-Р. Миллс отмечает, что формирование общественного мнения становится общепринятым способом завоевания и удержания власти. Нельзя поэтому изучать каналы информации не исследуя всей совокупности политических и идеологических проблем.

Значение массовой коммуникации в социальной системе можно раскрыть лишь на основе классового анализа, ибо все зависит от характера общества, от того, кто распоряжается средствами информации, от тех или иных демократических установлений. В. И. Ленин на заре Советской власти показал, что классовая природа пропаганды не противоречит, а, наоборот, соответствует широкой программе экономического и культурного строительства в нашей стране.

Первые мероприятия Советской власти в области культуры состояли в том, чтобы ликвидировать буржуазную печать, использовать прессу и радиотелеграф для революционных целей, разрушить буржуазную систему просвещения, широко развернуть просветительную деятельность, сделать искусство достоянием миллионов, развернуть массовую художественную пропаганду.

Впервые в истории современного общества печать и радио стали проводником идей одной партии — партии большевиков. Буржуазные авторы нередко считают это ущемлением демократии, поправлением норм западной цивилизации, поскольку рассматривают каналы общественного мнения как якобы беспартийные, надклассовые. Но пролетариат взял власть в свои руки не для того, чтобы созерцать «естественную эволюцию» культурного прогресса, как этого хотели сторонники буржуазно-реформистского лагеря, а для глубоких революционных преобразований.

Партия большевиков поставила перед собой огромные созидательные задачи. Ее революционно-преобразующая деятельность полностью совпадает с интересами трудящихся. Культурная революция — это не плавная трансформация духовного развития общества вообще. Она связана с ожесточенной идеологической борьбой, с ломкой реакционных учреждений, с нацио-

нализацией средств культуры (типографий, радиостанций, киностудий), с их социалистической перестройкой, с преодолением антинародных взглядов и воззрений. Естественно, что этот процесс не мог совершаться самотеком, он требовал сознательного руководства со стороны Коммунистической партии.

В. И. Ленин подчеркивал огромное революционизирующее значение печати, радио. Он, в частности, показал, что радио может сыграть решающую роль в культурной революции — в пропаганде, народном образовании, художественном просвещении. К этой системе суждений можно отнести и ленинские мысли о координации различных каналов информации. Надо сказать, что в последнее время эта проблема широко обсуждается в научной литературе. В самой общей постановке этот вопрос ставится сейчас во многих работах.

Проблеме координации пропаганды В. И. Ленин придавал большое значение. Он предлагал широко использовать возможности соединения пропагандистских усилий, скажем, радио и печати. Причем координация понималась не только как совместное ведение агитационной кампании, но и как выявление специфических средств каждого канала информации, возможностей, которыми располагает печать, граммпластинка, кино, радио и другие виды пропаганды.

В. И. Ленин разглядел в первых опытах радиотелефонных передач огромные возможности для пропаганды и агитации. По словам В. Д. Бонч-Бруевича, он «самым энергичным образом ухватился за радио»¹. 5 февраля 1920 г. В. И. Ленин писал М. А. Бонч-Бруевичу: «Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам глубокую благодарность и сочувствие по поводу большой работы радиоизобретений, которую Вы делаете. Газета без бумаги и «без расстояний», которую Вы создаете, будет великим делом. Всяческое и всемерное содействие обещаю Вам оказывать этой и подобным работам»².

Впоследствии М. А. Бонч-Бруевич писал: «Впервые мысль о ширококовещании сформулирована В. И. Лениным в его известном письме к автору в выражении «Газета без бумаги и «без расстояний»... Несомненно, Владимир Ильич один из первых почувствовал громадные перспективы, которые открывает радиотелефон в соединении с громкоговорителем...»³.

В революции умов микрофон давно оправдал себя как волшебный чудо-помощник в сфере пропаганды и агитации. Начнем с мысли писателя Серафимовича: «Радио удивительно точно явилось ко времени нашей революции»⁴. Взяв власть в свои руки, пролетариат и его партия поставили перед собой огромную задачу: поднять к политической жизни миллионы трудящихся.

¹ Радиослушатель. 1928. № 9. С. 1—2.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 130.

³ Бонч-Бруевич М. А. Собрание трудов. М., Л., 1956. С. 243.

⁴ Радиослушатель. 1928. № 12. С. 13.

Расшевелить массы, зажечь их пламенем революции, увлечь великим созиданием — для этого нужно было радио, которое В. И. Ленин образно назвал «митингом миллионов».

Митинг миллионов... Это когда, настроившись на одну радиоволну, весь мир слушает Красную площадь. Это когда голос Москвы звучит не только в далеком сибирском городе, но и на иных материках, на языках непали или бамбара. В наши дни эфир насыщен предельно. Это арена идей, завоевания умов.

С 1923 г. по радио стали передаваться выступления на политические темы, сообщения метеослужбы, новости экономической жизни и торговли. В мировой практике не было случая, чтобы по радио передавалась экономическая информация. Постепенно складывался комплекс программ, имеющий общую идейно-тематическую направленность. Он охватил общественно-политическую проблематику, которая рассматривалась под углом зрения конкретных задач социалистического строительства. Так зарождались общественно-политические программы как самостоятельный вид вещания.

В. И. Ленин высоко оценил перспективы массового вещания. Об этом свидетельствует ряд документов, в которых Владимир Ильич отмечает важность радио для постановки широкой пропаганды: «Дело *гигантски важное* (газета без бумаги и без проволоки, ибо при рупоре и при приемнике, усовершенствованном Б.-Бруевичем так, что приемников легко получим *сотни*, вся Россия будет слышать газету, читаемую в Москве)»¹.

«Эти работы имеют для нас исключительно важное значение ввиду того, что их успех, который давно был обещан Бонч-Бруевичем, принес бы громадную пользу агитации и пропаганде»².

Печать и радио В. И. Ленин рассматривал как два чрезвычайно важных средства пропаганды, имеющих общие принципы и задачи. Поэтому в его статьях и заметках речь шла об их комплексном использовании, о соединении усилий прессы и радио для выполнения программы социалистического строительства.

19 мая 1922 г. В. И. Ленин продиктовал по телефону письма И. В. Сталину для членов Политбюро ЦК РКП(б) о развитии радиотехники, которые можно рассматривать как политический и художественный завет работникам вещания, ибо в них раскрыто значение радио для пропаганды, агитации и просвещения масс. В. И. Ленин говорил о том, что «...в нашей технике вполне осуществима возможность передачи на возможно далекое расстояние по беспроволочному радиосообщению живой человеческой речи; вполне осуществим также пуск в ход многих сотен приемников, которые были бы в состоянии передавать речи,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 54.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 255.

доклады и лекции, делаемые в Москве, во многие сотни мест по республике, отдаленные от Москвы на сотни, а при известных условиях, и тысячи верст.

Я думаю, что осуществление этого плана представляет для нас безусловную необходимость как с точки зрения пропаганды и агитации, особенно для тех масс населения, которые неграмотны, так и для передачи лекций. При полной негодности и даже вредности большинства допускаемых нами буржуазных профессоров по общественным наукам у нас нет иного выхода, как добиться того, чтобы наши немногие коммунистические профессора, способные читать лекции по общественным наукам, читали эти лекции для сотен мест во всех концах федерации»¹.

В. И. Ленин предвидел, что масштабы идеологической борьбы в эфире будут увеличиваться, захватывая все новые и новые сферы. Поэтому он не только обращал внимание на тактически выверенную, оперативную контрпропаганду, но и всесторонне учитывал стратегические цели. Одна из них была связана с тем, чтобы вести постоянную пропаганду, обращенную к народам Востока.

Большевистская партия, Советское правительство, В. И. Ленин разработали программу радиофикации всей страны как составную часть культурной революции в СССР. В это время началось широкое строительство сети радиостанций в центре и на местах. В ряде ленинских документов, в решениях партии были определены важнейшие принципы программной деятельности советского радиовещания. В практике работы радиостанций начался процесс формирования передач всех основных видов и направлений: информационных и пропагандистских, общественно-политических и художественных, адресованных внутренней и зарубежной слушательской аудитории. Уже в начале 20-х годов радиопередачи в нашей стране именовались «широковещанием». В этом термине получил яркое отражение взятый большевистской партией и Советским государством курс на создание массового вещания, на организацию вещательных радиопрограмм, адресованных многомиллионной аудитории.

При жизни В. И. Ленина начинались первые опыты по созданию механического телевидения—радиотелескопии. Член коллегии Наркомпочтеля А. М. Николаев в письме сообщил В. И. Ленину об изобретении нового фотоэлемента в Нижегородской радиолaborатории. «При усовершенствовании прибора,—отмечалось в письме,— можно достигнуть следующих результатов: 1) видеть на экране подвижное изображение говорящего человека при радиотелефоне; 2) иметь отраженной на экране движущуюся неприятельскую эскадру на расстоянии сотен верст»². На этом письме возле названных строк В. И. Ленин

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 194—195.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 154.

сделал пометки и написал: «т. Горбунов! Помогите усовершенствовать и, когда доведут до X, скажите мне. *Ленин*»¹.

Прошло всего семь лет и, выступая на московской конференции ОДР (Общество друзей радио), А. В. Луначарский сказал: «От радиовещания, от телефонии беспроводной мы переходим к победе образа над пространством. Это есть победа не только над звуком — исключительное утончение уха, но и над глазом. Мы переходим по радио к передаче рисунка по телевидению, к совершенно своеобразной телескопии. Вскоре мы будем очевидцами любого события. Эфир окажется тогда содержащим бесчисленное количество картин, несущихся от одних людей к другим»².

Таким образом, еще при жизни В. И. Ленина закладывались основы организации советской пропаганды, ее принципы. Был налажен единый механизм ее централизации, координации различных средств массовой информации. За прошедшие десятилетия эти принципы получили всестороннее развитие. Вся система идеологической работы действует в нашей стране как хорошо слаженный оркестр, где каждый инструмент имеет свой голос, свою партию, «а гармония достигается умелым дирижированием»³.

«Средства массовой информации и пропаганды, — подчеркивалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, — действенный инструмент идеологического воспитания и организации трудящихся, идеологического обеспечения внутренней и внешней политики, подлинно всенародная трибуна. Именно их деятельность в значительной мере определяет в наши дни результативность партийной пропаганды, состояние дел на других участках идеологического фронта»⁴.

Смысл и принципы деятельности партии в области массовой пропаганды точно и емко выражены В. И. Лениным: «Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий, — писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты»⁵.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 154.

² Луначарский А. В. Радио в культурной революции // Вестник МГУ. Журналистика. 1976. № 3. С. 86.

³ Пленум Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 года. Стенографический отчет. М., 1983. С. 30.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 208.

§ 2. Средства массовой информации в системе советской пропаганды

Коммунистическая пропаганда оказывает воздействие на сознание людей с помощью разнообразных средств и форм идеологической работы. В широком смысле слова пропаганда осуществляется через печать, радиовещание, телевидение, а также через кино, театр, литературу, систему политического просвещения, культпросветработу, массовые издания и т. д.

В структуре советской пропаганды ведущее место принадлежит средствам массовой информации — печати, радиовещанию и телевидению. Их действенность приобретает сейчас огромное значение. Коммунистическая партия видит в них инструмент, выразителя общепартийной точки зрения. В Резолюции XXVII съезда Коммунистической партии по Политическому докладу Центрального Комитета КПСС отмечена возрастающая роль средств массовой информации и пропаганды в претворении в жизнь экономической стратегии партии, ее социальной политики, в формировании социалистического сознания. Партия рассматривает телевидение, радиовещание и печать как мощный инструмент гласности, общественного контроля¹.

Миллионы советских людей начинают свой день с того, что знакомятся со свежим номером газеты или журнала. Печатное слово несет читателям информацию, вызывает у них живой отклик, будит мысли и чувства, помогает формировать мнения по актуальным вопросам нашей жизни. В. И. Ленин считал прессу могущественным орудием идейного влияния, политического руководства обществом.

Благодаря печати и через печать миллионы трудящихся СССР приобщаются к делам и заботам государства, всего общества, к управлению производством. Верная ленинским традициям, принципам марксизма-ленинизма, советская пресса выступает боевым пропагандистом, агитатором и организатором масс. Она активно помогает нашей партии, народу в решении актуальных задач коммунистического строительства, в формировании нового человека.

Центральный Комитет нашей партии уделяет большое внимание вопросам повышения идейного уровня, координации и оперативности работы средств массовой информации в Советском Союзе. Их воздействие на всю общественную жизнь страны, на развитие экономики, науки и культуры все время возрастает. Сейчас в СССР выходят 7923 газеты.

В нашей стране издается ежедневно 380 млн. экземпляров газет и журналов. Разовый тираж всех газет в СССР превышает 170 млн. экземпляров. Разовый тираж «Правды» и «Ком-

---

¹ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 119.

сомольской правды» превышает 10 млн. экземпляров. Близи к ним тиражи «Сельской жизни», «Труда», «Пионерской правды».

Не найдется такой отрасли народного хозяйства, науки, техники и культуры, которая не имела бы своего журнала. Сейчас выпускается около 6 тыс. названий различных журналов и периодических изданий. Ежегодно в СССР выходит в свет более 85 тыс. названий книг и брошюр тиражом около 2 млрд. экземпляров. За последние годы значительно возросла подписка на газеты и журналы в деревне.

В. И. Ленин назвал «Правду» первой ласточкой той весны, когда вся Россия покроется сетью рабочих организаций с рабочими газетами. Это ленинское предвидение сбылось. Наша печать стала действительно массовой. Какие же основные типы газет издаются в Советском Союзе?

Это прежде всего центральные общеполитические и отраслевые газеты. Их насчитывается 29. Они издаются в Москве и являются органами партии, Советов народных депутатов, общественных организаций, профсоюзов, министерств и ведомств. К партийным общеполитическим и отраслевым газетам относятся: «Правда», «Советская Россия», «Сельская жизнь», «Экономическая газета», «Социалистическая индустрия» и «Советская культура».

Общеполитической газетой, выпускаемой Президиумом Верховного Совета СССР, являются «Известия». Ленинский союз молодежи выпускает «Комсомольскую правду» и «Пионерскую правду», профсоюзы — газету «Труд». Кроме того, профсоюзы участвуют в выпуске (совместно с министерствами и ведомствами) ряда центральных отраслевых газет: «Лесная промышленность», «Строительная газета», «Гудок», «Советская торговля», «Учительская газета» и др. С 1 января 1925 г. в Москве выходит центральная военная общеполитическая газета «Красная звезда».

Вторая группа общеполитических газет — местные массовые издания. Среди них 157 республиканских, 314 краевых и областных, 678 городских газет. К местным общеполитическим изданиям относятся и 2919 районных газет. Районные и городские газеты — самые массовые издания нашей прессы. Сейчас их в стране насчитывается более 3700, а общий разовый тираж превышает 36 млн. экземпляров. Это важное звено печати призвано быть эффективным инструментом партийных комитетов в осуществлении политического руководства экономическим, социальным и культурным развитием районов и городов, коллективным пропагандистом и агитатором масс, мощным средством воспитания людей, формирования общественного мнения.

После июньского (1983 г.) Пленума ЦК было принято специальное постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении деятельности районных и городских газет». В нем отмечалось,

что эти газеты не во всем удовлетворяют читателей, слабо освещают местную жизнь, многогранную деятельность партийных организаций, пытаются копировать центральные и областные издания. В ряде газет поверхностно и схематично раскрывается духовный мир труженников города и села, редко публикуются письма трудящихся.

Центральный Комитет ЦК КПСС обязал ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы, окружкомы, горкомы и райкомы партии принять меры для устранения недостатков в работе районной и городской печати. Горкомам и райкомам партии предложено повысить уровень руководства своими газетами, направлять их деятельность. А это значит, в частности, что они должны активно поддерживать публикации, пропагандирующие лучшие образцы хозяйственной и воспитательной работы, вскрывающие недостатки, добиваться оперативного и делового реагирования на них.

Партийное руководство прессой включает в себя прежде всего заботу о подборе и расстановке кадров журналистов, об их идейной закалке и повышении профессионального мастерства, информирование работников газет по актуальным вопросам жизни районов и городов. Редакции районных и городских газет концентрируют сейчас основные усилия на освещении деятельности передовых коллективов по выполнению выдвинутых партией ключевых народнохозяйственных, социально-политических и воспитательных задач, широко и всесторонне освещают ход социалистического соревнования. Знакомясь с материалами этих газет, читатели видят, как осваивается новая техника и новые технологии. Ускорение развития экономики, улучшение условий жизни людей — вот что находит отражение в печати. Оперативный, повседневный контроль за выполнением планов и заданий — одна из важнейших задач прессы.

Третья группа — отраслевые и специализированные издания, выходящие на русском и национальном языках (только в автономных республиках выходят 95 газет). И наконец, низовая печать — 3731 газета. Они выпускаются на предприятиях и стройках, в совхозах и колхозах, в учебных заведениях.

Выступая на встрече с руководителями средств массовой информации и пропаганды в ЦК КПСС, М. С. Горбачев говорил: «И сейчас нет более насущной и жизненно важной задачи, чем собирание по крупицам того опыта, который рождается жизнью, опыта, направленного на решение проблем ускорения социально-экономического развития страны. Мы имеем стратегическую установку, хорошо знаем, что делать и каких целей добиваться. Но сегодня нам необходим практический опыт работы на каждом участке, будь то производство, управление, работа общественной организации, хозяйственный механизм, партийная деятельность. Нет и не может быть ничего богаче социального опыта человека. Вот и надо, чтобы наша печать,

радио и телевидение стали подлинной трибуной этого опыта. Вот и надо добиваться, чтобы печать верно, настойчиво, упорно и всесторонне отражала творческую инициативу людей, направленную на решение наших стратегических проблем и повседневных задач»¹.

Советская печать призвана стать трибуной развивающейся общественной мысли², обобщения социального опыта масс, поддерживать все новое, передовое, что рождается в ходе перестройки, раскрывать ее неотложный, глубоко революционный характер, непримиримо выступать против косности и рутины, отживших представлений. Печати надлежит ярко и убедительно показывать все богатство и непреходящее значение ленинских идей, их тесную связь с современностью, всемерно содействовать развитию нового мышления, новых подходов в политической, организаторской, хозяйственной и идейно-воспитательной деятельности, отвечающих требованиям времени.

После съезда центральные газеты, в том числе «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Социалистическая индустрия» и др., стали повседневно печатать материалы, в которых даны реалистические оценки явлений жизни. Динамичнее стали формы подачи материалов. Появились конкретные публикации о том, как идет перестройка на местах, что мешает ее развертыванию. Острые, проблемные материалы все чаще находят свое место на страницах газет. Прошедшие съезды творческих союзов — писателей и кинематографистов — оказали огромное воздействие на общественное мнение. «Литературная газета», «Советская культура» и другие издания все чаще публикуют материалы, имеющие значительный общественный резонанс.

Рост образовательного и культурного уровня советских людей предъявляет новые требования к пропаганде. Нуждается в совершенствовании структура газетно-журнальной периодики. Недостаточно удовлетворяется спрос на ряд изданий для детей, юношества, других групп населения. В то же время выходит немало сугубо ведомственных изданий, особенно журналов.

Живой отклик в умах и сердцах людей находят выступления печати, привлекающие партийной принципиальностью в постановке назревших проблем. Слово нашей прессы звучит все авторитетнее, большинство печатных органов, руководствуясь ленинскими принципами и традициями партийной журналистики, четко определило свое место в системе партийной пропаганды.

Со страниц многих газет и журналов с ценными инициативами выступили передовики соревнования, делегаты XXVII съезда КПСС. В газетах стало больше заметных выступлений по коренным проблемам экономики, ускорения социально-эко-

¹ Коммунист. 1986. № 5. С. 4.

² См.: Творческий потенциал теории // Правда. 1986. 17 сент.

номического развития, социалистического соревнования, внедрения передового опыта, достижений научно-технического прогресса.

Голос нашей прессы, несущей народам правду о первой стране победившего социализма, идеи мира и социального прогресса, слышат миллионы людей земли. В условиях обострения идеологической борьбы на международной арене советские журналисты дают решительный отпор буржуазной пропаганде, глубокий, аргументированный анализ событий, вооружают людей непобедимым оружием исторической правды.

Однако не все проблемы еще решены. Развитие общественного сознания — всегда сложный процесс, но своеобразие нынешнего этапа придало особую остроту многим назревшим проблемам. Наслоения прошлого дают о себе знать, проявляясь в сознании людей, в их действиях и поведении. Стиль жизни нельзя изменить сразу, а преодолеть инерцию в мышлении еще сложнее. Здесь необходимы энергичные усилия. Не все газеты еще перестроили свою деятельность. Гласность и проблемность не стали пока в полной мере использоваться местными газетами. Недостаточна эффективность многих выступлений.

Важное место в системе массовой партийной пропаганды занимает советское радиовещание. Оно накопило многолетний опыт. Советское радиовещание на протяжении многих десятилетий выступало верным и надежным помощником Коммунистической партии Советского Союза. Его многосторонние возможности, его роль как мощного средства массовой агитационно-пропагандистской, организаторской и художественно-эстетической работы ярко раскрылись на разных этапах развития нашей страны: в период социалистической революции и в годы гражданской войны, в борьбе за социалистическую индустриализацию СССР, коллективизацию сельского хозяйства, осуществление культурной революции, за упрочение социалистического общества и усиление обороны страны. Незабываемой страницей в летописи советского радиовещания стала его патриотическая деятельность в годы Великой Отечественной войны. Роль и значение советского радиовещания как одного из сильнейших орудий идеологической работы партии возросли в условиях послевоенного восстановления и развития СССР, в период борьбы советского народа во главе с Коммунистической партией за совершенствование социалистического общества и постепенный переход к коммунизму¹.

Жизненной основой всей деятельности советского радиовещания является политика Коммунистической партии. В ленинских документах, в решениях КПСС, принятых в разные годы,

---

¹ См.: Гуревич П., Ружников В. Советское радиовещание (Страницы истории). М., 1976.

в декретах и постановлениях Советского правительства были определены общественные функции радиовещания, его задачи, формы организации и деятельности.

«Основопологающим принципом для советского радио как одного из наиболее мощных средств в системе массовой информации и пропаганды является принцип коммунистической партийности, сформулированный и всесторонне обоснованный В. И. Лениным. Руководствуясь этим принципом, радио всегда оценивало и освещало каждое явление общественной жизни с классовых позиций, непримиримо борясь за чистоту марксистско-ленинского учения, против всяких проявлений буржуазной идеологии, ревизионизма и аполитичности.

Организация радиовещания на территории СССР возложена на Государственный комитет Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию. В республиках, краях и областях созданы подчиненные ему республиканские, краевые и областные комитеты по телевидению и радиовещанию.

Всесоюзное радио (Центральное внутрисоюзное радиовещание) передает ежедневно девять программ общим объемом 178,4 часа.

Первая программа — общесоюзная, информационная, общественно-политическая и художественная. Среднесуточный объем вещания — 20 часов. Четыре ее дубли адресованы населению восточных районов страны.

Программа «Радио-Орбита-1» предназначена для жителей Камчатской, Магаданской, Сахалинской областей, Чукотского национального округа.

Программа «Радио-Орбита-2» адресована населению Якутской АССР, Приморского и Хабаровского краев, Амурской и Читинской областей.

Программа «Радио-Орбита-3» транслирует передачи для жителей Бурятской и Тувинской АССР, Алтайского и Красноярского краев, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Томской областей.

Программа «Радио-Орбита-4» предназначена для населения Казахской, Киргизской, Таджикской, Туркменской, Узбекской ССР и областей РСФСР.

Вторая программа «Маяк» — общесоюзная, круглосуточная, информационно-музыкальная. Транслируется одновременно для всех районов страны. Ежедневно в течение двух с половиной часов звучат стереофонические записи.

Третья программа — литературно-музыкальная. Среднесуточный объем вещания — 17 часов. Передачи этой программы включают в себя не только литературные и музыкальные произведения, но и рассказывают об их авторах, знакомят слушателей с исполнителями. Более четырех часов ежедневно отводится передачам для детей и молодежи. Часть музыкальных концертов транслируется в стереофоническом звучании. Правда,

пока их можно принимать только в Москве и Московской области.

Четвертая программа — музыкальная. Передается на средних и ультракоротких волнах. Среднесуточный объем вещания — 9 часов, из них пять с половиной часов транслируются стереозаписи.

Пятая программа — круглосуточная, общественно-политическая, художественная. Адресована советским людям, находящимся за пределами страны (морякам, рыбакам, полярникам и др.).

У населения СССР имеется свыше 120 млн. радиоприемников и радиотрансляционных громкоговорителей. Из 70 млн. радиотрансляционных устройств более 2 млн. принимают три программы.

Основными источниками информации для радио являются: сообщения собственных и специальных корреспондентов; сообщения телеграфных агентств; материалы газет.

Материалы собственных и специальных корреспондентов радио занимают в эфире особое место в силу следующих причин. Во-первых, материалы корреспондентов радио, как правило, не требуют специальной обработки или доработки, поскольку собственный корреспондент, зная направление своей радиостанции, предоставляет в ее распоряжение именно такой материал, который ее интересует. А во-вторых, корреспонденты радио снабжают радиостанции самым ценным: записывают на пленку голоса участников событий и шумы, являющиеся подлинными звуковыми документами эпохи, часто присылают уже готовые для передачи записанные на пленку очерки, рассказы.

В распоряжении радио — большое богатство — живое слово, звуковая летопись нашей жизни, голоса городов, улиц, строек, колхозов и совхозов, голоса людей, живущих и живших. Это бесценное богатство, и им надо уметь пользоваться.

Оперативность радиопередач в значительной мере зависит от сообщений телеграфных агентств. Каждая радиостанция стремится использовать для своих передач материал нескольких информационных агентств или по крайней мере одного. Делается это потому, что, какой бы крупной ни была радиостанция, она не в состоянии организовать для себя такой штат корреспондентов, который обеспечивал бы ее материалами, отражающими события, происходящие во всем мире, во всех крупных и малых государствах всех континентов.

Третьим источником информации служат газеты. Рабочий день редактора радио начинается с того, что он старается прочитать как можно большее число газет. Радио черпает из газет такую информацию, которую оно не может найти ни в каком другом издании и которую удалось так или иначе получить корреспонденту этой газеты. Такая информация находит отражение в выпусках последних известий со ссылкой на данную

газеты. Кроме того, радио постоянно передает обзоры печати. Дополнительным источником информации для радио является запись передач других радиостанций. Этим источником пользуются отдельные крупные радиоорганизации.

Всесоюзное радио и телевидение рассказывают миллионам людей о деятельности партии, направляющей и организующей строительство коммунизма в нашей стране, о ходе выполнения двенадцатой пятилетки, об активной борьбе КПСС за претворение в жизнь величественной Программы мира. Главными героями телевизионных и радиопередач стали лучшие представители советского рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции, самоотверженным трудом снискавшие уважение народа.

Телевидение прочно вошло в нашу повседневную жизнь, стало мощным средством идейного влияния, политического и нравственного воспитания советских людей, важным фактором формирования общественного мнения, организации культурного досуга. Коммунистическая партия постоянно заботится о совершенствовании телевизионного вещания, развитии его материально-технической базы. Эти вопросы были рассмотрены в 1984 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС.

В последние годы материально-технические возможности телевидения заметно расширились. Построены новые кабельные и радиорелейные линии, введены в строй мощные телестанции, действуют космические системы «Орбита», «Экран», «Москва», которые позволяют осуществлять телевизионные передачи во все города страны и в большинство сельских районов. Расширился парк телевизионных приемников у населения. Телевизионное вещание ведется на 42 языках народов СССР.

В распространении телевизионных программ применяются наземные и космические средства связи. Наземная приемно-передающая сеть помимо 122 программных телецентров включает в себя 410 мощных передающих телестанций и более 2 тыс. ретрансляторов. Дальнейшее развитие получила космическая телевизионная связь.

В настоящее время телепрограммы из Москвы имеют возможность смотреть 83% населения СССР, в том числе жители отдаленных районов, таких, как Крайний Север и Дальний Восток.

Из 75 млн. телевизоров, находящихся в семьях советских людей, около 4 млн. принимают цветное изображение. Число цветных телевизоров у населения быстро растет. В связи с этим с 1978 г. Центральное телевидение СССР все свои программы передает в цветном изображении. Цветное телевизионное вещание ведется также в 33 городах СССР, включая столицы всех союзных республик.

Центральное телевидение с января 1982 г. открыло вещание по второй общесоюзной программе. В связи с ее вводом

нынешняя структура программ ЦТ выглядит следующим образом.

Первая общесоюзная программа — информационная, общественно-политическая, культурно-образовательная, художественная, спортивная. Она охватывает территорию с населением более 230 млн. человек. Среднесуточный объем вещания — 13,6 часа.

Четыре дубля первой программы дают возможность жителям различных часовых поясов смотреть передачи Центрального телевидения в удобное для них время.

Программа «Орбита-1» предназначена для населения Камчатской, Магаданской, Сахалинской областей, Чукотского национального округа.

Программа «Орбита-2» адресована жителям Якутской АССР, Приморского и Хабаровского краев, Амурской и Читинской областей.

Программа «Орбита-3» транслирует передачи для населения Бурятской и Тувинской АССР, Алтайского и Красноярского краев, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Томской областей.

Программа «Орбита-4 «Восток» предназначена для жителей Курганской, Омской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей, Казахской, Киргизской, Таджикской, Туркменской, Узбекской ССР. Принимается в Нарьян-Маре и на Новой Земле.

Вторая общесоюзная программа — культурно-просветительная. В ней широко представлены литературно-драматические, музыкальные, молодежные, детские передачи, передачи местных телестудий и социалистических стран. Большое место уделено спортивным трансляциям.

В будние дни и утренние часы демонстрируются учебные циклы для учащихся средних школ, а также передачи общеразовательного характера.

Вторую общесоюзную программу имеют возможность смотреть около 114 млн. человек, или 43,4% населения. Среднесуточный объем вещания — 13,5 часа.

Подача программы осуществляется по наземным линиям связи на европейскую часть страны, а также на некоторые районы (Башкирская АССР, Курганская, Пермская, Свердловская, Челябинская области). В удобное для жителей Западной Сибири, Средней Азии, Урала, Крайнего Севера время через станции системы «Орбита» передается программа *«Дубль-4»*.

Для населения Бурятской, Тувинской АССР, Алтайского и Красноярского краев, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Томской областей транслируется программа *«Дубль-3»*, представляющая несколько сокращенный вариант второй программы.

Московская программа — информационно-публицистическая.

Принимается в Москве и Московской области, в Рязани. Среднесуточный объем вещания — 4,5 раза.

IV программа (учебная) включает в себя передачи для учащихся средних школ, ПТУ, художественные фильмы для людей с недостатками слуха. Принимается в Москве и Московской области, а также в Киеве. Среднесуточный объем вещания — 3,4 часа.

Достижения научно-технического прогресса открывают новые горизонты дальнейшего развития цветного многопрограммного телевизионного вещания, значительного повышения его качества. В принятом в 1984 г. постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР намечен комплекс мероприятий по строительству, расширению и реконструкции передающих телевизионных станций, объектов телевидения и радиовещания, разработке систем спутникового телевидения, а также по увеличению производства различных видов телевизионного оборудования.

В ближайшие годы намечено добиться практически полного охвата телевещанием населения страны. Прежде всего речь идет о первой общесоюзной программе Центрального телевидения. Реализация намеченных партией и правительством мероприятий позволит к 1990 г. значительно расширить ее аудиторию. Предусматривается также дальнейшее распространение второй общесоюзной программы. Работа предстоит большая, так как многие районы, в основном в селе, пока не имеют возможности принимать программы телевидения.

Особого внимания требует создание новой многопрограммной системы спутникового телевизионного вещания. Однопрограммная космическая система «Экран», обслуживающая районы Сибири, доказала, что именно через космос лежит наиболее надежный и рациональный путь телефикации сел. Несколько лет назад начала разворачиваться система космического телевидения «Москва», ближайшая задача которой — «доставка» первой общесоюзной телепрограммы в удаленные населенные пункты европейской части страны, Зауралья, Средней Азии и Дальнего Востока. Действуют уже несколько ее приемных станций. Однако немало сел и деревень в этих районах лишены телевидения или принимают его от дальних передатчиков с плохим качеством. Развитие материально-технической базы телевизионного вещания открывает широкие возможности для дальнейшего совершенствования работы студий Гостелерадио СССР.

Радио и телевидение, как отмечалось на XXVII съезде партии, прочно вошли в жизнь как всеобъемлющие средства информации, пропаганды и утверждения наших нравственных ценностей и культуры. Здесь ясно обозначились сдвиги к лучшему — разнообразнее и живее стали теле- и радиопередачи, заметно стремление преодолеть сложившиеся штампы, полнее учесть многообразие интересов зрителей и слушателей.

Телевидение изменилось прежде всего в своем самом сложном вещании — общественно-политическом. Пионерами перемен стали работники программы «Время», сделавшие сюжеты программы оперативными и нетрадиционными по форме, боевыми. «Сельский час» теперь с интересом смотрят и обсуждают горожане, сюжеты программ «Ускорение», «Для всех и для каждого» — постоянная тема дискуссий в метро, в автобусах. Ныне уже нормой стали вопросы министрам через передачу «Проблемы — поиски — решения».

Молодежная редакция вступила в прямую беседу с действительно молодыми. Ведь «12-й этаж», «Мир и молодежь» юноши и подростки считают своей трибуной. Возрожден КВН. Много изменений в передачах международной тематики: открытый диалог с идеологическим противником. Опыт «телевизионных мостов» через океан, беседы в «9-й студии», журналистская дискуссия о положении в Афганистане в передаче «Камера смотрит в мир» доказали, что мы можем вступать в спор, предоставляя трибуну и тем, кто наши взгляды не разделяет.

Вспомним еще раз ленинские слова, характеризующие в начале XX в. противоборство буржуазной и социалистической идеологий. Он указывал, что буржуазная идеология старше социалистической, более всесторонне разработана, обладает неизмеримо большими средствами распространения¹. В наши дни буржуазная идеология все более утрачивает былую монополию, ибо ей противостоит глубоко и последовательно разработанное научное мировоззрение. Социалистическая идеология завоевывает массы опираясь на растущее самосознание трудящихся, на современные средства распространения идей. Влияние марксизма-ленинизма на широкие общественные слои неуклонно возрастает.

Однако буржуазная идеология изо всех сил стремится удерживать свои позиции. Империалистическая пропаганда непрерывно ведет яростное наступление на социалистическое мировоззрение. Никогда прежде духовной обработке масс империализм не придавал столь серьезного значения, как в наши дни. Идеологическая экспансия капитализма в современном мире осуществляется в огромных масштабах. Сегодня отдельные пропагандистские кампании разрабатываются на длительные сроки. Буржуазия пытается не только сохранить господствующее положение своей идеологии в капиталистическом мире, но и навязать ее общественному мнению зарубежных, в первую очередь социалистических, стран.

За последнее время появились некоторые перемены и в художественном телевидении. Установление деловых отношений с Госкино позволило показать телезрителям много интересных и сравнительно новых фильмов. Более серьезным стал сам

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 46.

уровень разговора об искусстве, о культуре. Однако, как отмечалось на XXVII съезде партии, в советской пропаганде немало еще серости, не преодолена инертность, не излечена глухота к новому. Люди испытывают неудовлетворенность недостаточной оперативностью в освещении событий, поверхностным показом борьбы за то передовое, что входит в практику. Справедливые нарекания вызывает низкий уровень некоторых литературных произведений, телепрограмм, кинофильмов, страдающих отсутствием не только идейной и эстетической ясности, но и элементарного вкуса.

Роль средств массовой информации в жизни общества чрезвычайно усиливается. «КПСС будет добиваться, чтобы они глубоко анализировали тенденции и явления внутренней и международной жизни, экономические и социальные процессы, активно поддерживали все новое, передовое, поднимали актуальные, волнующие людей проблемы и предлагали пути их решения. Работа печати, телевидения и радиовещания должна отличаться политической ясностью и целеустремленностью, глубиной содержания, оперативностью, информационной насыщенностью, яркостью и доступностью выступлений. Партия и впредь будет оказывать прессе, всем средствам массовой информации и пропаганды активную поддержку и помощь»¹.

В идейно-воспитательной и пропагандистской работе решительно искореняются проявления пустословия, парадности, формализма. Все ее формы и средства помогают мобилизации масс на выполнение стоящих перед страной задач, обеспечивая широкую гласность работы партийных, государственных органов, общественных организаций, прямоту и открытость общения с людьми, правильное формирование общественного мнения и рост его влияния на практические дела.

Глава VI

МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

§ 1. Концепции массовой коммуникации

В современную эпоху чрезвычайно возрастает значение массово-информационных потоков. Они вызваны к жизни, с одной стороны, научно-технической революцией, развитием, гигантским усложнением общественных отношений и связей, потребностями в централизованном управлении социальными процес-

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 166.

сами, а с другой — возрастанием роли духовного фактора в жизни современного общества.

Сегодня на Земле в 133 странах мира есть телевидение, работает 25 тыс. радиостанций, передачи которых принимает 1 млрд радиоприемников. По данным ЮНЕСКО, в наши дни число телевизоров превысило 400 млн. Тиражи только ежедневных газет превышают 443 млн. экземпляров. Если учесть, что в мире работает свыше 100 национальных информационных агентств, а читатели получают тысячи газет в сотнях миллионов экземпляров, то станет ясно, сколь велик поток информации, обрушившейся на человека.

Телепередачи по спутникам связи через все международные системы телевидения принимает население разных континентов. Вся планета следит за событиями на разных широтах и меридианах, за кардиограммой дня, за встречами политических лидеров, за выходом в космос советских космонавтов, за демонстрацией защитников мира, за рождением мирового рекорда на спортивном празднике.

А впереди новые открытия. Это прежде всего кабельное телевидение. Так принято называть систему телевизионного вещания, при которой зритель получает изображение не через эфир (с помощью коллективных приемных антенн, установленных на крышах домов), а по специальному кабелю. Такая система повышает качество изображения. В результате новых усовершенствований изображение получит объемность. Экран станет живым, многомерным. Появились кассеты, позволяющие запечатлеть любую передачу и сохранить ее в домашней библиотеке. Это уже вызвало на Западе своеобразный «видеобум». Родятся гигантские комплексы информации. Грядет эра глобального телевидения.

В наиболее крупных капиталистических странах в течение нынешнего десятилетия ожидается десятикратное увеличение электронных печатающих устройств. По некоторым прогнозам, к концу века около 100% новой информации в этих странах будет накапливаться с помощью «видеотерминалов». «Наступление нового технологического переворота ознаменовало изобретение фотонабора. Это революционизировало газетное дело. С помощью видеозащита, соединенного с компьютером, подготовленный материал простым нажатием кнопки отправляется в печатную машину. Последнее слово здесь — лазерные видеодиски. Они могут хранить значительно больше информации, чем обычные магнитные диски ЭВМ»¹.

Развитие массовой коммуникации ставит вопрос о преобразовании и унификации всего комплекса информационных потоков, всей системы распространения культуры и образования,

---

¹ Бурлацкий Ф. Технологическая революция и этика роботов//Литературная газета. 1984. 31 окт.

технической базы пропаганды и контрпропаганды. В ближайшие годы появятся электронные библиотеки, которые решительно изменят традиционные способы сбора, хранения и «потребления» информации. Визуальная, звуковая и сигнальная связь позволит жителям планеты приобщиться ко всем видам информации — к устному и печатному слову, фотографиям, телеграфным сообщениям, телевизионным изображениям, к коду электронных вычислительных машин.

Но суть проблемы, разумеется, не в количественных показателях, определяющих масштабы увеличения информации. Важнее, по-видимому, осознать другое: отразятся ли все эти процессы на содержании культуры современного мира, на ее внутреннем строении и глубине духовного освоения и отражения действительности?

Научно-техническая революция, потребности общественного развития со всей остротой ставят вопрос о влиянии «информационного взрыва» на социальные процессы. Все чаще объектом размышлений в буржуазных теориях пропаганды становятся не только проблемы организации самого потока информации, но и ее воздействие на политические явления, научно-технический прогресс, формы культурного общения.

В центре информационных потоков — личность. Какая? Инертная, пассивная, погруженная в бездумное созерцание? Или фанатичная, ослепленная безотчетной ненавистью, спровоцированной супербоевиками? Или, наконец, творческая, мыслящая, жаждущая познания?

Правда ли, что всякое техническое открытие есть благо? Верно ли, что голубой экран будущего раскроет неисчерпаемый потенциал культуры? Что сулит человечеству эпоха многократно усиленного звука, летучего изображения, ежедневно доступного красочного зрелища?

Пока существует классовое общество, любое техническое открытие может обернуться добром или злом. Не случайно перестройка массово-информационных процессов используется буржуазными социологами для разработки новых концепций, смысл которых состоит в том, будто в современном мире «информирование» вытесняет «пропаганду», а обмен идеями утрачивает классовый характер. При этом сознательно маскируется тот факт, что деятельность массовой коммуникации активно включается сегодня в контекст углубляющейся идеологической борьбы.

В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина массово-информационные процессы были проанализированы с последовательных материалистических позиций. Они показали ненаучный характер буржуазных представлений о том, что на базе информационных потоков в классовом обществе может сложиться некое идейное единомыслие. Исторически появление таких воззрений обусловлено, во-первых, тем, что межличност-

ные отношения, характерные для патриархального хозяйства, заменяются в капиталистическом мире «всемирно-исторически-ми, эмпирическими универсальными» связями¹.

В буржуазном обществе резко возрастает роль информационных связей, которые пронизывают все стороны его жизни. Кроме того, реальность возникшего корпоративного и государственно-монополистического капитализма потребовала совершенно новых типов организации, поведения, мотивации и этики. Отныне массы людей объективно нуждаются в таких рецептах поведения, которые позволяют им быстрее адаптироваться к новым формам экономической практики. В этих условиях получение информации воспринимается обыденным сознанием как единственное и надежное средство преуспевания, как механизм социального регулирования в пользу всех граждан. Буржуазная философия и социология закрепляют эту иллюзию и придают ей видимость нового концептуального подхода к проблемам пропаганды.

Идеологическое воздействие на массы действительно строится на базе массово-информационных потоков. Однако пропаганда распространяет социальные идеи, политические взгляды, а не абстрактно трактуемые комплексы информации. Между тем еще при жизни В. И. Ленина в буржуазной социологии стали складываться концепции, авторы которых рассматривали идеологические процессы как некий универсальный акт, в ходе которого происходит обмен полезными сведениями, всесторонней информацией.

В разработке теоретических основ информирования велика заслуга В. И. Ленина. В его трудах, как уже отмечалось, принципиальное значение придавалось научному определению самого понятия и сущности пропаганды. Он раскрыл классовый характер массово-информационных процессов, показав, что по своему содержанию и классовым целям, социальной природе и методам социалистическое информирование в корне отличается от буржуазного манипулирования сознанием людей.

Концепция В. И. Ленина принципиально отличалась от буржуазных социологических теорий, в которых абсолютизировался акт массовой коммуникации. Наиболее последовательно буржуазная точка зрения представлена в работах патриарха западной социологии Г. Лассуэлла. (Сам термин «массовая коммуникация» был введен в обиход американским социологом Ч. Кули еще в начале XX века.) Многие идеи этого автора стимулировали создание новой социальной дисциплины, изучающей массово-информационные процессы в так называемом индустриальном обществе.

К тому времени, когда Г. Лассуэлл начал разрабатывать свою теорию, в США был накоплен обширный эмпирический

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 34.

материал по вопросам массовой пропаганды. Однако новое исследование решительно отличалось от предшествующих работ прежде всего более широкой постановкой проблемы.

Концепция Лассуэлла в известной мере полемически заострена против «социологии знания», которая получила широкое распространение в западноевропейских странах. Видный представитель «социологии знания» К. Мангейм отмечал, что эта дисциплина стремится разработать учение о социальной обусловленности идей. Естественно, что в условиях обострения классовой борьбы буржуазные социологи обнаружили повышенный интерес к механизму, регулирующему функционирование общественного сознания, к изучению «массовой идеологии». И если Ф. Ницше и В. Парето говорили о бессодержательности таких понятий, как «свобода», «равенство» и «справедливость», используемых в пропаганде, то представители «социологии знания» пытались понять, почему одно и то же слово в устах людей различного социального положения приобретает совершенно разное значение. Этот вопрос, как мы видим, вплотную смыкается с проблемой множественности пропагандистских стереотипов. Мысль о том, что конкретные представления людей, идеи обусловлены социальной позицией человека, его общественным положением, разработана теорией научного коммунизма. Однако К. Мангейм и его последователи, используя марксистскую идею о социальной обусловленности идеологических представлений, исходили из ошибочной, по существу, идеалистической предпосылки. Они полагали, что не материальные общественные противоречия, а их идеальное отражение, антагонизм идей, образа мыслей, мировоззрений являются подлинной причиной социальных конфликтов, классовой борьбы.

Г. Лассуэлл пришел к выводу, что социологический анализ массовых иллюзий, представлений и ожиданий людей более полно раскрывает природу общественного сознания, его специфику, чем изучение методически последовательных, систематизированных духовных образований. Поэтому он считал особенно важным рассмотрение так называемого «реального», «практического», «массового», «разлитого» сознания. Мысль о том, что социолог обязан изучать не только конкретные доктрины, идеологические системы, но и процесс движения идей внутри общественного сознания, требовала концептуального оформления. Эту задачу взял на себя Г. Лассуэлл.

Опираясь на некоторые положения Ч. Кули, он поставил перед собой цель раскрыть циркуляцию массово-информационных потоков в виде последовательных звеньев одной общей структуры. Лассуэлл увидел в коммуникации процесс, имеющий свои социальные функции, внутреннюю структуру и общую направленность. Он и вознамерился дать целостное описание массово-информационных явлений. «Как любой процесс,— писал он,— коммуникация может быть рассмотрена с точки зрения струк-

туры и с точки зрения функции, иначе говоря, с позиции структурного и функционального анализа»¹.

Лассуэлл рассматривает информационные потоки в качестве модели всех социальных процессов — труда и преобразования, общественного взаимодействия и политической борьбы, познания и социальной ориентировки, контакта поколений, сменяющих друг друга, и человеческого общения как такового. В такой трактовке сложная совокупность общественных отношений искусственно «ужимается» до системы массово-информационных потоков.

Нетрудно заметить, что концепция Лассуэлла представляет собой откровенную апологетику буржуазного строя. Не случайно в социальной системе он видит лишь механизмы, воспроизводящие сложившиеся отношения. Общественные конфликты при этом оцениваются как случайные помехи, возникающие в тех случаях, когда «правлящий класс» не учитывает изменения обстановки и не реагирует своевременно, как выражается Лассуэлл, на сигналы окружающей действительности. Общественные коллизии порождаются также, считает американский социолог, неравномерностью распространения информации, что приводит к некомпетентности руководства, к разладам внутри организации. Поэтому принцип «равного просвещения» должен помочь лицам, обладающим различными специальностями, разным уровнем профессиональных и технических знаний, прийти к пониманию и к соглашению по проблемам, касающимся мира в целом.

Все эти рассуждения маскируют объективные противоречия, антагонизмы буржуазного строя. Социальное неравенство в капиталистическом мире порождено вовсе не тем, что дает сбои принцип «равного просвещения». Неодинаковое положение в общественном производстве вытекает из разного отношения к средствам производства, что и обуславливает общественные различия и антагонизмы. По мнению Лассуэлла, последние «устраняются» крайне просто — равным и свободным обсуждением политических вопросов в капиталистическом мире. Именно эти дебаты обеспечивают, по словам американского социолога, интеграцию государства. Надо ли доказывать, что циркулирование информации не может устранить социальные антагонизмы буржуазного общества?

Но, пожалуй, самым существенным в методологическом отношении пороком Г. Лассуэлла, его концепции является явная абсолютизация им структурно-функциональных методов анализа. Дело в том, что, когда социальное целое рассматривается как своеобразный механизм, подлежащий постоянному отлаживанию, всякое историческое изменение воспринимается лишь

---

¹ Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society//The Process and Effects of Mass Communication. Chicago, 1971. P. 40.

как «отклонение» от нормального хода событий, как «сбой» внутри системы, как досадная помеха, вызванная несвоевременным реагированием на «сигнал».

В действительности любое общество представляет собой диалектически противоречивую структуру. Поэтому его надлежит рассматривать как в плане внутренней целостности, так и в плане эволюционирования, преобразования. Социальное развитие трактуется марксизмом-ленинизмом как естественно-исторический процесс. Причем главным для Маркса явилось «изучение не устойчивого воспроизводства существующей социальной системы, а зарождения и развития новой, сменяющей ее формации. Поэтому на первый план им выдвигались приемы диалектико-системного (в том числе генетического), а не структурно-функционального анализа, который в методологическом плане играл по отношению к первому подчиненную роль»¹.

Социальная динамика не может быть непосредственно выведена из массово-информационных процессов, из коммуникативного механизма. Последние вторичны как по своему происхождению, так и по содержанию, они социально обусловлены и отражают сложившуюся общественно-историческую реальность. Поэтому подлинно научное понимание массовой коммуникации складывается на путях изучения широкой системы общественных отношений, динамики общества как целостной социальной системы.

Все это свидетельствует о том, что лассуэлловская трактовка социального взаимодействия, основанного на коммуникации и потому постоянного для всех человеческих обществ, научно несостоятельна. «...Социальная информация не является чем-то инвариантным для всех обществ, вечным для всех времен. Она исторически изменчива, на ее существование и движение оказывают влияние именно те конкретные социально-экономические формации, общественные системы, в которых она циркулирует и неотъемлемым компонентом которых она является»².

Не массово-информационные процессы и связанные с ними типы общения людей определяют конкретные формы социальной жизнедеятельности индивидов, как полагает Г. Лассуэлл, а, наоборот, социально-экономическое бытие обуславливает реальное состояние общественного сознания, конкретную механику коммуникативных связей на определенном этапе исторического развития. Производство, будучи общественной, социально организованной деятельностью, как показали К. Маркс и Ф. Энгельс, с самого начала предполагает общение индивидов между собой. Форма этого общения, в свою очередь, обусловли-

---

¹ Терин В., Шихирев П. Массовая коммуникация как объект социологического анализа//«Массовая культура» — иллюзии и действительность. М., 1975. С. 213.

² Афанасьев В. Г., Урсул А. Д. Социальная информация (Некоторые методологические аспекты)//Вопросы философии. 1974. № 10. С. 67.

вается производством. Только выведение массово-информационных процессов из структуры человеческой деятельности позволяет преодолеть отвлеченный структурно-функциональный подход к анализу коммуникации.

Теоретико-методологическая несостоятельность концепции Г. Лассуэлла не помешала ей стать практически «работающей» в буржуазной пропаганде схемой массово-информационных процессов. Назначение этой схемы в том, чтобы дать целостную картину основных элементов, образующих коммуникативные отношения. По словам Лассуэлла, описание акта коммуникации предполагает ответ на следующие вопросы: «Кто говорит? Что говорит? Кому говорит? Какой канал связи используется? С каким эффектом?»

На первый взгляд, эта формула не содержит в себе никакого откровения, так как фиксирует более или менее очевидные вещи. В самом деле, процесс пропаганды немалым образом зависит от источника сообщения, без самого сообщения, переданного по определенному каналу, без объекта воздействия и результата коммуникативного акта. Но речь у Лассуэлла идет не о схеме, позволяющей изучать те или иные звенья процесса. Лассуэлл подчеркнул, что акт общения — это процесс, который имеет четко выделяемые стадии и элементы. Он, таким образом, создал своеобразную теоретическую модель, которая несомненно включает в себя новую для буржуазной социологии постановку вопроса о механизмах формирования духовных стандартов, их распространения и влияния на общественную жизнь.

Эта модель прежде всего строится на том предположении, что общественное сознание надлежит изучать в различных его модификациях и состояниях. Недостаточно, например, проанализировать мнения тех, кто выступает инициатором пропагандистского воздействия на аудиторию. Важно также проследить, какую форму приобретает сообщение в ходе продвижения к человеку, вовлеченному в сферу коммуникации. Все это зачастую игнорировалось представителями «социологии знания», которые хотя и говорили о социальной обусловленности идеи, о роли ценностей в познании, все же оставались в основном на стадии, позволяющей рассмотреть лишь первое звено в лассуэлловской коммуникативной схеме.

В концепции Лассуэлла сложилось также подобие системного подхода к анализу коммуникации. Сама расшифровка элементов в его схеме свидетельствовала о попытке создать целостную картину того, как функционирует общественное сознание. Хотя впоследствии буржуазные исследователи стремились расширить коммуникативную схему, вводя в нее новые элементы, все же эта детализация осуществлялась в основном в рамках представления, будто для обозначения коммуникации может быть найдена некая единая формула. Кстати говоря, и сам Лассуэлл изменил первоначальную схему и придал ей позже

иной вид: «участники коммуникации — перспективы — ситуация — основные ценности — стратегии — реакции реципиента — эффекты».

На самом деле формула Лассуэлла не удовлетворяет требованиям системного анализа. В ней не раскрыта в полной мере логика связи, внутренние зависимости между элементами схемы. Сосредоточив внимание на выявлении функций, служебной роли каждого элемента в процессе коммуникации, американский социолог, по существу, лишил свою концепцию исторического измерения. Социальный контекст, столь важный для функционирования массовой коммуникации, остался за пределами схемы.

Моделью процесса общения для Лассуэлла стал практически единичный акт коммуникационного контакта, в котором сообщение действительно проходит через определенные фазы от субъекта к объекту. Но и в этом случае общение не исчерпывается отвлеченным реагированием последнего на «сигнал». Поведение человека, принявшего сообщение, может быть зафиксировано в виде своеобразного продолжения лассуэлловской схемы: «кто получил сообщение — как изменилось его представление — какое отношение сложилось к инициатору коммуникации — как обеспечивалась обратная связь — каков эффект воздействия на самого пропагандиста». Не случайно в формуле Лассуэлла аудитория рассматривается в качестве пассивного объекта манипуляторства. Это обусловлено не только идеологической позицией самого исследователя, но и реальными процессами развития массовой пропаганды, которые не могли не наложить своего отпечатка на общественное сознание и теоретические поиски буржуазных социологов.

После второй мировой войны в капиталистическом мире сложилась мощная пропагандистская машина, которая включала в себя различные каналы массовой информации. Значительно возрос тираж массовых изданий. Возникли целые «журнальные империи». Широкую популярность приобрело радиовещание. В европейских странах началась эра телевидения. Появление радиовещания оказало противоречивое воздействие на судьбы культуры. В нашей стране, где огромное количество населения поднялось к вершинам знания, преодолев невежество, предрасудки и неграмотность, радио поистине стало «орудием духовного освобождения масс» (Н. К. Крупская). Но в капиталистических странах оно быстро превратилось в средство политического индоктринирования, в искусство манипуляции общественным мнением. М. Горький, в частности, обратил внимание на то, что буржуазное радио оказалось источником коллективного, фанатичного психоза.

Многие мыслители, ученые, писатели осознали, насколько упрощенно трактуется понятие коммуникации в буржуазной социологии, которая подразумевает под ним одностороннее рас-

пространение информации. Так, Б. Брехт в статье «Радио как коммуникативный аппарат» (1932) писал: «Радиовещание надо превратить из распределительного аппарата в аппарат коммуникативный. Радиовещание может стать великолепнейшим из всех мыслимых коммуникативных аппаратов общественной жизни, небывалой системой каналов, то есть может стать таким, если сумеет не только передавать, но и принимать, следовательно, если сумеет сделать слушателя не только слушающим, но и говорящим, и не изолировать его, а завязывать с ним отношения. Радиовещание должно выйти из роли поставщика и организовать слушателя как поставщика»¹.

Каналы массовой информации действительно могут выступать в качестве важнейших средств демократизации общества, выражения общественного мнения, формирования революционного сознания. Но эта функция средств массового общения в наибольшей степени не устраивает теоретиков и практиков буржуазной пропаганды и именно поэтому игнорируется формулой Лассуэлла, в которой аудитории отводится роль «потребителя» готовой идеологической продукции.

Концепция Лассуэлла содействовала бурному развитию эмпирических исследований, а органы буржуазной пропаганды взяли на вооружение их результаты и методы. Газеты стали печатать бюллетени опросов, в которых отражено общественное мнение по политическим, социальным и экономическим проблемам. Социология массовой коммуникации стала обретать эмпирическую направленность.

Исследования показали, что на выбор, восприятие и оценку информации существенное влияние оказывают социально-демографические факторы, т. е. общественное положение человека, его профессия, возраст, пол и т. д. Именно эти факторы формируют определенные типы отношения к новостям. Люди оценивают сообщения с позиции своего социального опыта. Многие факты вообще проходят мимо сознания индивида, ибо не соотносятся с его познавательной структурой. Однако то, что в теории выглядело более или менее логично, на практике вызывало много вопросов.

Скажем, нужно ли вообще специализировать массовые издания и программы? По каким критериям? Какие вообще следствия вытекают из того факта, что массовые реакции аудитории подлежат четкой классификации? Ответы на эти вопросы, как нетрудно понять, зависят в первую очередь от социально-политической и идеологической направленности пропаганды.

Формально в поле зрения исследователей, занятых на Западе разработкой теории массовой коммуникации, находятся все элементы схемы Лассуэлла, но фактически основное внимание

---

¹ Брехт Б. О литературе. М., 1977. С. 97.

направлено на изучение аудитории. Первоначально она рассматривалась как область безраздельного господства идеолога, а затем — как сфера, где действуют неразгаданные механизмы, снижающие результативность конкретных пропагандистских акций.

Под воздействием концепции Лассуэлла теория массовой коммуникации превратилась в весьма влиятельную социальную дисциплину. Количество проведенных исследований обозначается сегодня на Западе уже четырехзначными цифрами, причем именно Лассуэлл содействовал тому, что теория массовой коммуникации заявила о себе как о широком мировоззренческом учении. Ее сторонники стремятся не только к изучению проблем пропаганды, они пытаются дать относительно целостное описание всех исторических процессов, т. е. выработать определенную философию общества.

Реальные социально-экономические процессы, присущие капиталистическому обществу, меняют положение буржуазной журналистики, порождая новые явления, которые становятся объектом теоретического размышления и истолкования со стороны западных исследователей. Происходит очевидный рост средств массовой информации, перераспределение сил внутри системы пропаганды, появление новых способов социальной ориентировки людей.

Так называемые «газеты мнений», сложившиеся в период острой политической борьбы, постепенно уступают место информационным изданиям. Связь печати с идеологическими течениями становится более опосредованной, сложной, ибо многие газеты перестают быть органом той или иной партии. Одновременно возникают новые средства регулирования массового поведения, ибо на стадии государственно-монополистического капитализма в этом обнаруживается прямая потребность. Массовое сознание все больше начинает подвергаться целенаправленной обработке, принимающей «индустриальные» формы. Стихийное зарождение фетишистских представлений, постепенное, длящееся подчас столетиями оформление тех или иных иллюзий в сознании людей сменяется массовым производством мифологии.

Капитализм объективно нуждается в систематизации и упорядочении предрассудков, в консервации иллюзий, в оформлении стихийно складывающегося сознания. Он мобилизует все средства, которые выполняют данную работу, и в то же время маскирует ее подлинные цели лозунгами просвещения, информирования, человеческого общения. Современный капитализм не может обойтись без развернутой «индустрии сознания», цель которой — добиться унификации духовной жизни, стандартизации интеллектуальных реакций в рамках усложнившейся социальной структуры буржуазного общества. В конечном счете духовное манипулирование превращается в инструмент принудительной

организации поведения людей, сочетаясь со старыми, берущими свое начало еще в эпоху свободного предпринимательства стихийными механизмами формирования классовой политики буржуазии в сфере идеологической жизни.

Буржуазные теоретики пытаются доказать, будто печать, радиовещание и телевидение в капиталистическом мире выполняют роль поставщиков беспристрастной информации, функции духовных «наставников» и развлекателей огромной массовой аудитории. Однако эти авторы с позиции своей методологии не в состоянии объяснить тот парадоксальный факт, что с ростом современных средств передачи сообщений в буржуазных странах информированность населения, как ожидали западные авторы, не повышается. Напротив, расширяется тиражирование лживых сообщений, недостоверных сведений.

§ 2. Факт и комментарий

Чем занимаются массовые средства информации в капиталистическом мире? На этот вопрос западные социологи отвечают в духе буржуазной тенденциозности: массовые агентства передают новости, просвещают, рекламируют, развлекают. Они обеспечивают социальное общение, духовные контакты людей. Те же социологи утверждают, что данные агентства не ведут пропаганды, не формируют мнений людей, не прибегают к духовному насилию. Однако так ли это на самом деле?

Проводя свои объективистские идеи, буржуазные исследователи подчеркивают, что именно массовые контакты, а не пропаганда составляет содержание современной массовой коммуникации. Человек сегодня проявляет интерес к таким событиям, которые выходят далеко за пределы его непосредственной жизни. Такой феномен не наблюдался, например, в феодальном обществе, где масса людей не обнаруживала внимания к тому, что происходит за узким горизонтом их повседневного существования.

Иначе ведет себя современный индивид. Его волнуют политические страсти, глобальные проблемы, научные коллизии, этнографические подробности и обыкновенные происшествия, где бы они ни происходили. Без таких новостей человек не может прожить и одного дня. Проводившиеся на Западе эксперименты показали, что искусственное прерывание потока новостей, передаваемых массовыми агентствами, личность воспринимает как мучительное бедствие, как психологический срыв.

Логика буржуазных исследователей сводится к следующему. Жажда новостей может расцениваться как постоянная и трудноутолимая потребность человека. Люди нуждаются в духовных контактах, в массовой коммуникации. Западные агентства выполняют-де благородную миссию. Они как раз и информируют население своих и других стран о том, что происходит в мире, о событиях дня. При этом они стараются избегать оценки фак-

тов: пусть, мол, читатель или слушатель сам разберется, что к чему. Главное — объективное, беспристрастное информирование.

При этом ссылаются на хрестоматийный для буржуазной социологии пример. Во время первой мировой войны крупнейшая английская радиовещательная корпорация Би-би-си передавала в эфир сообщения о победах немцев, с которыми Британия вела войну. Разумеется, эти новости не укрепляли престиж державы. Но что делать — информацию не устранить, не исправить... Эти традиции Би-би-си хранит и поныне. В потоке новостей, передаваемых этой корпорацией, факты «приятные» и «грустные», «желательные» и «нежелательные», «нужные» и «ненужные». Попытки оценивать сообщения, растолковывать их смысл, как уверяют английские социологи, самолюбивые британцы воспринимают как моральное оскорбление, как духовный нажим.

Слов нет, Би-би-си — крупнейшая в мире радиокорпорация — накопила огромный опыт работы с информацией. Она располагает разветвленной сетью корреспондентов, которые старательно выискивают факты со всех широт и параллелей. Эти сообщения идут в эфир в подчеркнуто нейтральном изложении. Нет комментариев, нет явной тенденциозности в подаче материала, нет и намека на неподготовленность слушателя. Он, разумеется, во всем осведомлен, ни в чем не уступает политическому эксперту. Если и нужны разъяснения, то только в особых рубриках, именно там, где выступают обозреватели. Однако они сообщают уже не факты, а собственные «мнения». Правит же бал все-таки новость.

Так ли это на самом деле? Возможно ли беспристрастное информирование? Удастся ли буржуазным комментаторам избежать оценки фактов? Опыт мировой пропаганды показывает, что представление о мнимой объективности информации — не что иное, как миф западной пропаганды. Буржуазные агентства накопили огромный опыт, позволяющий снабжать факты скрытыми оценками, подводить к определенным выводам, формировать мнения внешне беспристрастными средствами.

Как ведут себя люди в ситуациях, порождаемых научно-технической революцией? Возрастает ли их интерес к политике, активной деятельности в результате мощного кругооборота новостей? Существует ли прямая зависимость между информированностью населения и глубиной демократии?

Многочисленные исследования, проведенные в буржуазных странах, не дают возможности последовательно осветить эти вопросы. Зафиксировано быстрое распространение в массах политической терминологии. Отмечены масштабы коллективных психозов — шовинистического угара, общественного воодушевления, всеобщей паники. Обнаружена и противоположность этих явлений — массовая апатия и аполитичность. Все это безусловно связано с расширением «информирования». Однако механизм влияния новостей во многом остается неясным.

Должны ли существовать «газеты мнений» или буржуазной журналистике следует ориентироваться на информационную периодику? Какие новости предпочитают читатели, слушатели, зрители — «голый факт» или «пояснение»? Западные авторы трактуют эту проблему в плане абстрактной «психологии народов». Так, Р. Арон отмечает, что британская корпорация Би-би-си проводит различие между информацией и комментарием. Он утверждает, что взыскательность британского темперамента требует объективности в информационных передачах¹. Жан д'Арси показал, что во Франции существует тенденция давать телевизионный комментарий по поводу образа, производящего сильное впечатление². Жан Казнев полагает, что американцы любят истолкования и поэтому относятся к программам менее критично, чем французы³.

Различение «комментированной» и «некомментированной» информации несомненно носит условный характер. В принципе второго типа новостей не существует в природе. Оценка факта, его значимости начинается уже на стадии отбора новостей. Ежедневно в мире происходит неиссякаемое множество событий. Масштаб сообщений о них различен. Одна новость затрагивает интересы всех стран: полет в космос, всемирный конгресс, смелое научное открытие, новый очаг войны. Другая уступает в значимости: смена правительства в конкретной стране, массовая забастовка, межнациональные конфликты. Наконец, есть новости, имеющие локальный интерес: внутрипартийные дебаты, спортивное достижение, кончина известного человека.

Но кому дано право определять масштаб факта? Ведь событие, которое сегодня кажется почти незначительным: разоблачение мошеннических проделок внутри корпорации, — завтра может оказать воздействие на ход предвыборной борьбы. Столкновение двух стран, например ирано-иракский конфликт, способно актуализировать жизненные интересы многих народов. С другой стороны, такая «первоклассная» буржуазная сенсация, как очередной скандал модной кинодивы, то и дело оказывается новостью-однодневкой, значимость которой раздута до мирового события.

Все ли новости, происходящие в мире, попадают в поле зрения буржуазных агентств? Западные информаторы кичатся тем, что магнитная пленка или телеобъектив оказываются едва ли не вездесущими. Они, мол, успевают запечатлеть новость еще до того, как она родилась. Однако в реальности сотни событий остаются вне поля зрения информационных агентств. Буржуазные журналисты, защищая классовые интересы правящей элиты, обнаруживают «странную» слепоту в отборе фактов. Из огром-

¹ См.: Aron R. Progress and disillusion. The dialectics of modern society. N. Y., 1968. P. 197.

² См.: La communication audiovisuelle. Paris, 1969. P. 303.

³ См.: Cazeneuve J. L'homme telespectateur. Paris, 1974. P. 140.

ного потока новостей отбираются не все, а лишь те, которые отражают определенную идеологическую тенденцию.

В свое время стал сенсацией первый полет советского спутника. Но все, что предварило это событие, оказалось скрытым от общественности капиталистических стран. Стало быть, отсевание фактов можно рассматривать как изначальный этап комментирования информации. Приковывая внимание к одним новостям, буржуазные журналисты оставляют в тени другие. Реклама президентских выборов скрывает подчас испытания ядерного оружия. Шумная кампания вокруг «прав человека» при социализме служит для империалистической пропаганды завесой для вопиющих нарушений законности в буржуазном обществе. Факт, преданный гласности, нередко покрывает тенью другие события.

Отбор информации — не единственный способ ее комментирования. То или иное событие может получить косвенную оценку, если оно будет помещено на первой полосе газеты, подано крупным шрифтом, передано в эфир в наиболее удобное время, когда аудитория окажется самой массовой, появится на домашнем экране в вечерние часы. Но оно может пройти незамеченным, если окажется заверстанным на последней странице, набранным мелко и неброско, если прозвучит по радио в часы, когда все на работе, если появится на экране в дневное время. Внешне объективная информация то и дело обнаруживает скрытую тенденцию, направленную на формирование конкретных мнений, на обозначение того, что «предельно важно», а что «менее значимо».

Белый дом, в частности, требует от пресс-секретариата, чтобы те новости, которые в той или иной мере в чем-то могут быть невыгодны для престижа президента и его политики, должны распространяться ближе к концу дня, после, скажем, четырех часов дня, и желательно в пятницу. Дело в том, что основные программы теленовостей — а по этим программам подавляющее большинство американцев как раз и знакомится с тем, что делается в мире и в Соединенных Штатах, — начинаются в полседьмого, а иногда и в шесть часов вечера. У телерепортеров уже нет времени осмыслить новости, выдаваемые им Белым домом. Вот почему на экране проходит та версия событий, которая подбрасывается пресс-секретариатом.

Сошлемся, в частности, на официальное объявление о выводе американских морских пехотинцев из Бейрута. Это событие знаменовало собой провал ливанской политики администрации США. Разумеется, данное сообщение наносило удар престижу президента. Белый дом передал эту новость в пятницу, когда большинство репортеров уже разъехалось на уикэнд. Информация была передана около шести часов вечера. Она сопровождалась комментарием Белого дома, который без особой правки вошел в программы теленовостей.

Наконец, истолкование информации возможно с помощью и других, более тонких средств. Все зависит от того, в каком со-седстве находится то или иное сообщение. Буржуазные агентства то и дело передают информацию о забастовках под общей рубрикой «происшествия» или «беспорядки». Таким образом, борьба трудящихся за свои права косвенно комментируется как «ненормальный» политический инцидент. Аналогичным образом интерпретируются и расовые волнения. Не подлежит сомнению тот факт, что сообщение о благотворительности, помещенное рядом с информацией о коррупции, способно вызвать невольные ассоци-ации. Буржуазная пропаганда часто пользуется таким прие-мом: она помещает некоторые заметки рядом, создавая представ-ление о том, что тут есть какая-то связь, нечто близкое. Благо-творительность, быть может, служит прикрытием коррупции и т. д. Недомолвки, скрытая направленность внимания, намеки, аналогии — все это служит одной цели: придать информации оп-ределенную окраску.

Итак, всякая информация неизбежно подвергается «коммен-тированию», однако способы и характер оценки событий различ-ны. Несомненно, эта проблема — «факт или мнение?» — содержит в себе немалый смысл. Сообщение фактов без комментирова-ния может создать у аудитории неожиданный образ событий. Реальность зачастую воспринимается читателями или слуша-телями как калейдоскоп загадочных, зачастую иррациональных происшествий. С другой стороны, навязывание мнений также может иметь отрицательные последствия, содействуя «деполити-зации» и другим явлениям, так как снижает активность восприя-тия информации.

Информировать можно по-разному. Если передавать в эфир сообщения о катастрофах, переворотах, потрясениях, не разъяс-няя причины этих бедствий, способы их устранения или предот-вращения, нетрудно создать впечатление, будто мир действи-тельно полон иррациональных, необъяснимых событий, надвига-ющихся угроз. Если, посылая поток сообщений, вызывающих тревогу и возмущение, не связывать эти чувства с реальными возможностями личного участия, личной ответственности, есте-ственно, это приведет к психологической усталости, к безразли-чию и социальной апатии.

Таким образом, провозглашая объективность информации, буржуазные агентства одновременно используют различные при-емы для того, чтобы активно формировать воззрения, придавать фактам конкретный смысл, выгодный господствующей буржуа-зии и ее политике. Западные журналисты прибегают даже к оп-ровержению, нередко заявляя, что переданное утром сообщение не подтвердилось, оказалось ложным. Опять-таки создается миф о нейтральности информации, о мнимой верности «каждо-дневной» правде.

А на самом деле? В наши дни буржуазные журналисты приступили к массовой фабрикации клеветнических сообщений на социалистическую действительность. Сплошь и рядом на западного обывателя обрушиваются заведомо ложные сообщения. Дорожное происшествие описывается как тщательно продуманное «убийство за политические убеждения». Снимки о жизни лечебницы истолковываются как «предельно достоверные» виды концлагеря. Придуманные персонажи «подтверждают» слухи о передвижениях войск и т. д.

Многие из этих сообщений потом опровергаются под давлением самих фактов. Однако они уже оставили след в сознании слушателей, зрителей, вызвали определенные эмоции, породили конкретные стереотипы. Поправки же даются «между прочим», невнятным голосом, окольными путями. Цель одна — создать предубеждение и в то же время подкрепить миф о нейтральности информации.

Информация — весьма гибкое и острое оружие идеологической борьбы. Антикоммунистическая пропаганда широко использует ее для подрывных действий против социалистических государств. При этом на вооружение берутся приемы психологического давления на людей. Это запугивание, провокации, клевета, дезинформация, распространение слухов, разжигание националистических и религиозных предрассудков. С помощью изощренной информации буржуазные пропагандисты пытаются спровоцировать недовольство социально-экономической и политической системой социализма, внутренней и внешней политики Коммунистической партии и социалистического государства, побуждают к антиобщественным действиям, стремятся стимулировать оппозиционные настроения и эмиграцию на Запад.

Буржуазная пропаганда нередко манипулирует статистическим материалом, который используется для идеологической защиты капитализма. Так используются данные об объеме промышленного производства на душу населения в развитых капиталистических странах, о размерах номинальной зарплаты и т. п. Фальсифицируются также сведения о размерах «экономической помощи» империалистических стран молодым национальным государствам.

«На Западе есть любители, которые, манипулируя статистикой,— говорил в докладе «По пути Октября — курсом созидания и мира» на торжественном заседании, посвященном 67-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко,— грубо занижают данные о реальных доходах советских людей и в то же время беззастенчиво приукрашивают буржуазную действительность. Аргументация строится на механическом сравнении денежных доходов трудящихся в нашей стране и на Западе. Но это — прием обманливый. Замалчивают наличие в Советском Союзе общественных фондов потребления, стабильность

цен на основные виды товаров. Не упоминают, разумеется, самую низкую в мире плату за жилье и коммунальные услуги, бесплатную медицинскую помощь, бесплатное образование и многое другое.

Или приводят, скажем, цифру дохода американской семьи. Выглядит эта цифра вроде бы значительной. Но что за этим стоит? Оказываются, берут доход миллионера, складывают его с жалким пособием безработного и получают так называемый средний доход. Какой, спрашивается, толк от такой подтасовки статистики для 35 миллионов американцев, которые, по признанию официальных властей, живут в бедности? Ясно, подобной бухгалтерией их не накормишь и не согреешь»¹.

Буржуазные авторы порою отдают себе отчет в том, что информация неоднозначно воспринимается аудиторией. В этом отношении можно сослаться на исследование английского социолога Д. Смита, который, изучая иностранную прессу, радио и телевидение, пришел к выводу, что факты могут создавать неожиданные оценки, позитивные или негативные образы у представителей одной страны по поводу граждан другой. В частности, даже негативная информация способна, вопреки намерениям пропагандистов, сформировать позитивный образ².

Коммунистическая пропаганда в отличие от буржуазной не только передает в эфир сообщения со всех широт, но и комментирует эти факты, вскрывая их смысл, их тенденции. Она не только вызывает к гражданским помыслам людей, но указывает пути, позволяющие каждому человеку собственными усилиями повлиять на ход мировых событий; усилить общественное мнение, направленное против подстрекателей военной катастрофы; укрепить солидарность с теми, кто борется против угнетателей; помочь голодающим; сохранить экологическую среду; создать мир новых социальных отношений, возвышающих человека.

Передовым средствам массовой информации принадлежит чрезвычайно важная роль в борьбе за мир и прогресс, против империализма и реакции. Огромную роль играют газеты братских партий социалистических и развивающихся стран. Они — рупор правящих партий, строящих и укрепляющих социализм. Большие заслуги имеют органы печати коммунистических партий капиталистических стран. Несмотря на засилье монополий в сфере массовой информации, несмотря на ограниченность в средствах, травлю и преследования со стороны реакционных сил, а в ряде случаев и необходимость действовать в подполье, многие газеты коммунистических и рабочих партий стали подлинно народной трибуной, организаторами масс, непреклонными защитниками их интересов.

¹ Правда. 1984. 7 нояб.

² См.: *Smith D. D. Mass communication and international image change// Journal of conflict resolution. Beverly-Hills, London, 1973. Vol. 17. N 1. P. 115—129.*

В мире широко известны и пользуются авторитетом французская «Юманите», португальская «Аванте!», индийская «Нью эйдж», западногерманская «Унзере цайт», греческая «Ризоспатис», американская «Дейли уорлд», чилийская «Эль сигло», венесуэльская «Трибуна популар» и многие другие. Советские средства массовой информации активно участвуют в общей борьбе.

§ 3. Радиовещание сегодня

Одно из важнейших явлений современных массово-информационных потоков — возрождение радиовещания. Дело в том, что на протяжении 50-х и 60-х годов многие западные специалисты по проблемам массовой коммуникации отмечали, что телевидение в значительной мере потеснило традиционные каналы информации — печать и радиовещание. В связи с этим значительно снизился объем литературы по проблемам развития этих средств пропаганды.

В 70-х годах положение резко изменилось. Во всех странах мира радио является самым распространенным средством массовой информации. За последние 25 лет число радиостанций возросло более чем в три раза. Согласно оценкам специалистов ЮНЕСКО, в мире, как уже отмечалось, имеется один миллиард радиоприемников, т. е. на каждые четыре человека в мире приходится в среднем один радиоприемник.

Это означает, что, несмотря на обычный разрыв (США имеют больше радиоприемников, чем во всех развивающихся странах, вместе взятых) и на концентрацию радио, как и других средств массовой информации, в городских районах, большое количество людей может быть охвачено радиовещанием, а также обладать средствами для получения информации по радио. Ни одно другое средство информации не имеет столь эффективных возможностей охвата широких масс населения, в том числе проживающих в сельской местности, как радио. Практически все страны имеют возможность готовить радиопрограммы в соответствии с их политическими нуждами, ценностными ориентациями и моделями культуры.

Увеличение числа радиоприемников в мире является важным свидетельством того, что радио достигло отдаленных уголков, причем особенно широкое распространение в течение последних двух десятилетий это средство информации получило в развивающихся странах. Здесь оно является единственным средством информации, которое действительно может быть названо массовым. Радиопередачи могут быть услышаны большим числом людей, которые располагают средствами, необходимыми для этой цели.

Ни одно другое средство информации не обладает ныне такими потенциальными возможностями, которые позволяют столь

эффективно влиять на массовую аудиторию в целях информации, просвещения и культуры. Радио позволяет просто и с наименьшими затратами достичь отдаленных районов и установить связь на многих народных, часто не имеющих письменности, языках, на которых говорят в развивающихся странах.

Радиовещание 70-х годов переживает своеобразную пору возрождения. На страницах специальной прессы появилось даже новое понятие «радиоренессанс». Сначала радиопрограммисты различных стран пытались изменить положение в пользу радио, противопоставляя его передачи телепрограммам, которые привлекли массовую аудиторию. Однако это стремление не принесло успеха. Поэтому радиовещание было вынуждено радикально изменить программную политику, выработать новую стратегию выживания в условиях сосуществования с телевидением.

В основу разработки новой политики радиопрограммирования легли исследования аудитории радио (ее структуры, вкусов, особенностей восприятия, распределения свободного времени и т. д.), изучение специфики радио- и телевизионных программ с целью выявления наиболее эффективных сторон того и другого средства массовой информации, а также возможностей радио-передающей и приемной техники.

Подобные исследования проведены в различное время во многих странах мира. Полученные результаты дали основания для следующих выводов. Радиовещание не только располагает достаточно постоянной и большой аудиторией. Оно имеет перспективу роста численности слушателей, если будет изменена программная политика. Аудитория его распадается на отдельные группы, объединяемые общностью интересов в социальном, профессиональном, образовательном и возрастном аспектах. Помимо истинных приверженцев радио, явно предпочитающих его телевидению, существует значительная часть телезрителей, которая в определенные часы систематически обращается к радиоприемнику.

«Сегодня средний американец слушает радио полтора-два часа в сутки. В 1976 г. в стране было зарегистрировано 402 млн. радиоприемников, а число радиостанций достигло 8034. В радиовещании работает более 70 тыс. человек, и оно поглощает 1,8 млрд. долл., т. е. 6% всех ассигнований на коммерческую рекламу. Радио продолжает существовать. Однако его функции, его репертуар и аудитория изменились столь значительно, что речь идет, по существу, о «новейшем», «послетелевизионном» средстве массовой коммуникации»¹.

Таким образом, в современной практике мирового радиовещания можно выделить некоторые тенденции. Основная из них — специализация программ, т. е. переход от смешанного вещания

---

¹ Голядкин Н. А. Профили американского радио//США — экономика, политика, идеология. 1977. № 9. С. 43.

к более узкой специализации отдельных программ с четко выраженным профилем вещания (информация, музыка и развлечение, просвещение и образование).

Сейчас в большинстве стран мира радиопередачи выпускаются по трем специализированным программам, что соответствует основным функциям вещания (информация, развлечение и просвещение). Именно по такому принципу построено вещание, например, в Болгарии, ГДР, Румынии, Польше, Англии, Франции, Японии. «Великая специализация», о которой так много говорится в литературе, предполагает прежде всего перераспределение функций между различными средствами массовой информации. Отныне радио призвано держать рядового человека в курсе последних событий дня (новости), создавать определенное настроение (музыка). Телевидение взяло на себя развлечение, газеты — анализ и комментарий новостей.

Одним из важнейших направлений радиопрограммирования является значительная децентрализация вещания, т. е. развитие местного радио, что предусматривает обращение не ко всему населению в целом, а к жителям отдельных регионов, имеющим во многом схожие запросы. Децентрализация американского радио, например, сопровождается его специализацией: станции выбирают для себя либо музыкальный, либо информационный профиль (в США это называют еще форматом).

«Взрыв» средств массовой информации, который открыл доступ к более широкой аудитории, увеличил источники и ресурсы информационного обеспечения и развлекательных видов деятельности и способствовал осуществлению значительных изменений в культурной и социальной областях, сопровождался всевозможными техническими новшествами или был причиной их появления.

В США, как известно, коммерческие радиостанции избрали ту или иную специализацию. Основных «форматов» не более десяти («сплошные новости», «рок-н-ролл», «кантри энд вестерн», «дорожные передачи» и т. п.), оттенков же — великое множество. Журнал «Бродкастинг», опросивший программных директоров для ежегодной подборки материалов «Многоликий мир 1978 г.», отмечает, что, как и в 1977 г., в области «форматов» мало кто мог воскликнуть: «Эврика!» Свой облик радиостанции создавали за счет комбинации уже устоявшихся «профилей». Это означает, что владельцам радиостанций «формат» дорог только до тех пор, пока он приносит прибыли. Измерения местной радиоаудитории, производимые фирмой «Арбитрон», сегодня становятся все регулярнее. Поэтому радиостанции могут быстрее реагировать на размеры аудитории. Стало быть, они будут чаще, чем прежде, менять свой «профиль».

В ряде работ зарубежных авторов подчеркивается, что успех радиовещания зависит от умения вещательных организаций приспособить выпускаемые передачи к специфическим

интересам и запросам отдельных групп слушателей, представляющих большинство в тот или иной отрезок вещательного дня. Когда у французов есть время, они смотрят телевизор: к девяти часам вечера, например, 21 млн французов начинают просмотр телепрограмм. Только полтора миллиона в это время слушают радио, т. е. в 14 раз меньше. Когда у аудитории нет свободного времени (например, после обеда), радиовещанию удается тем не менее сохранить половину своих слушателей: это французы, которые находятся в своих офисах, автомашинах, в лавках, дома, еще недостаточно свободные, чтобы полностью отдаться телевидению.

Понятие незанятости важно в программировании, потому что оно обеспечивает радиовещанию ежедневно значительную аудиторию. И в США, и во Франции телевидение может «получить большинство» только вечером. Несмотря на появление телевидения, радиовещание вот уже более десяти лет не теряет слушателей. Приход телевидения повлиял на наиболее слушаемое время радио: ранее это был вечер до самого позднего времени. Теперь это утро, между 6 и 9 часами, и во время завтрака, с 11.30 до 13.00. Вечером массовая аудитория смотрит фильмы по двум или трем телесетям, а радиостанции работают лишь для аудитории, не подчиняющейся маленькому экрану или привлеченной специализированными передачами,— для водителей тяжеловозов, любителей поп-музыки или литературных интервью.

В ряде стран (Англия, Франция, Швейцария, Норвегия) интенсивно стал заполняться информацией послеобеденный отрезок с 17.00 по 18.00. В этот час обычно идут большие информационные радиожурналы, рассчитанные на довольно разнообразную аудиторию. Очевидно, программисты учли тот факт, что в это время многие люди уже возвращаются с работы, но еще не включились активно в просмотр телевизионных передач.

Тенденция обращения радиовещания к отдельным группам населения, объединяемым общими вкусами, находит отражение в различного рода планах развития местного радио. Многие региональные радиостанции создали новый тип информационной передачи — оказание услуг. Это практические новости, касающиеся лично слушателей: цены на овощи и фрукты, появление новых медикаментов, выпуск схемы автобусных маршрутов.

К одной из тенденций развития современного радиовещания можно отнести усиление «обратной связи» с аудиторией. Она осуществляется разными путями. Помимо таких традиционных форм, как ответы на письма радиослушателей, концерты по заявкам, все большее распространение получают передачи, составленные по письмам радиослушателей, дискуссии с их участием и, наконец, завоевавшие в последнее время

широкую популярность беседы с радиослушателями по телефону. Во время такой передачи один из радиослушателей получает возможность говорить миллионам мужчин и женщин то, что он думает. Буржуазное радио таким образом пытается поддерживать иллюзию истинной демократии. Ведь тот, кого слушают, по словам Камю, перестает быть бедным.

§ 4. Космическая техника и средства массовой информации

Начиная с 80-х годов широкое распространение получили спутники связи. Они используются не только в Европе, но и во всем мире. Сегодня с их помощью ведутся телевизионные передачи по крайней мере на 20 различных каналах. Выведение на околоземные орбиты спутников, созданных во Франции, ФРГ, Люксембурге, Швейцарии и Англии, создает принципиально новую ситуацию. Ряд стран Европы работает над запуском спутника по совместной программе. В начальной стадии находится этот процесс в Италии и Швеции. Временно заморожена из-за разногласий, возникших между партнерами, разработка совместного спутника Скандинавских стран «Nordsat».

Трансляция телепередач по 20 каналам охватит Францию, ФРГ, Италию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург, Швейцарию и Австрию. Она будет обеспечиваться с помощью спутников, которые располагаются на весьма близких орбитах друг от друга. Именно поэтому прием передач, подготовленных в одной стране, телезрителями другой страны будет чрезвычайно легким. Таким образом, европейцы получают возможность смотреть на выбор значительное количество передач по различным транснациональным каналам помимо национальных передач.

В наши дни в крупных европейских странах телепередачи ведутся в основном по трем или четырем каналам. В некоторых случаях можно принимать передачи из других стран. Например, программа телевидения Люксембурга принимается в Бельгии и в Северной Франции. Исключение в этом плане представляет Италия. Уже сейчас в результате отсутствия правил, регулирующих телетрансляции, итальянцы могут смотреть многочисленные программы телевидения.

Создание европейской телетрансляционной сети через спутники несомненно приведет к изменению пропагандистской ситуации. Прежде всего произойдут изменения в национальных системах телепередач, которые сейчас контролируются государством и предназначены только для зрителей какой-либо одной страны. Можно также полагать, что пестрое европейское телевидение окажет воздействие на культурные и национальные особенности отдельных народов. Ведь обмен программа-

ми, добровольный или принудительный, станет весьма интенсивным.

Будут ли правительства некоторых буржуазных стран мешать проникновению «посторонних» программ, усматривая в этом угрозу идеологического воздействия или опасность для развития национального телевидения? На состоявшейся в январе 1977 г. в Женеве международной административной конференции по проблемам телесвязи через спутники был установлен принцип сохранения «национальных рамок». Участники конференции призвали все страны ограничивать передачи, которые могут приниматься за рубежом.

Однако вместе с тем на всех международных форумах буржуазные государства выступали за «свободное перемещение информации». Поэтому им трудно будет предпринимать действия, закрывающие доступ «чужим» передачам. Сталкиваясь с этой проблемой, многие западные страны ищут пути, которые позволят им сохранить контроль над собственным телевидением.

По мнению сотрудников Института по изучению международных проблем (Рим) А. Пилати и Дж. Ришери, создание межнациональной системы телепередач приведет к интенсификации процесса сближения культур различных народов. Это, возможно, будет способствовать появлению специфических культурных форм в результате гибридизации различных национальных культур на базе американской телевизионной модели, которая осуществляет идеологическое воздействие главным образом через развлекательные программы¹.

Многие страны изучают сейчас возможности создания телевизионных каналов, предназначенных для международной аудитории. Развивается процесс сотрудничества между национальными телевизионными системами. Между руководящими органами крупных европейских телевизионных систем складывается сотрудничество, направленное на создание единой программы. Предполагается, что она будет передаваться по одному из двух каналов европейского спутника «L-sat».

Этот спутник будет функционировать в течение ограниченного времени. Однако даже если передачи и не будут регулярными, разработка единых программ новостей и развлекательных передач будет способствовать важной предпосылке — рождению программ для Европейского континента. Разумеется, буржуазная пропаганда намерена придать этим передачам классовую идеологическую окраску. Так, одна из двух национальных западногерманских телевизионных сетей «ZDF» предложила отвести один из пяти каналов, которые будут транслироваться через западногерманский спутник «TV-sat» (он

¹ См.: *Pilati A., Richeri G. Satellite broadcasting in the 1980's: Socio-political prospects and impact on European cultural integration//Spettatore intern. Rome, 1982. Vol. 17. N 3. P. 179—197.*

начал функционировать в 1986 г.), отвести для программ «европейской ориентации». Речь идет не только о сотрудничестве между телевизионными станциями всех стран Европы, но и о выработке идеологии «европеизма».

США и Япония сделали первые решительные шаги в области создания рынка космической техники. Они хотят отвести европейской промышленности второстепенную роль. Вот почему многие европейские страны поддерживают проекты систем прямой телесвязи через спутники. Таким образом, они рассчитывают оградить рынок от внешней конкуренции.

По расчетам Европейского агентства космических исследований, для создания постоянно функционирующей системы прямой телевизионной связи необходимо создать три спутника: один постоянно функционирующий и два запасных (один на орбите и один на Земле). Каждый спутник будет в среднем функционировать на протяжении приблизительно 7 лет. Согласно оценкам специалистов, к 2000 г. будут созданы 34 тяжелых и 16 легких спутников. Перспектива создания рынка космического и телевизионного оборудования представляется для буржуазных правительств весьма привлекательной.

В результате запуска спутников прямой телесвязи значительно расширится также рынок телевизионной рекламы. Сейчас телепередачи ограничены в основном национальными рамками. Это суживает возможности буржуазной рекламы. Лишь в немногих случаях эти программы пересекают границы между странами (в частности, телевидение Монте-Карло ведет передачи на Францию, телевидение Люксембурга — на Бельгию и Францию). Запуск спутников прямой телевизионной связи имеет большое значение для расширения рекламных передач в тех странах, где телевидение находится под контролем государства и где лишь ограниченная часть времени может быть выделена для коммерческой рекламы.

Бум в области запуска спутников прямой телесвязи приведет к демонстрации по телевидению большого количества коммерческих программ, предназначенных для широкого круга зрителей. Несомненно они будут строиться по американскому образцу, что приведет к «американизации» европейской культуры. Огромные выгоды от таких программ получают компании, сбывающие свою продукцию на транснациональных рынках. Использование этих программ приведет не только к унификации и стандартизации рекламной стратегии этих компаний. Усилится пропаганда американоцентризма.

Многие европейские страны в настоящее время стремятся к тому, чтобы оградить свою культуру от проникновения американизированных стандартов. Прогрессивные, левые силы в Европе негативно относятся к распространению коммерческого телевидения. Они учитывают тот факт, что телевидение представляет собой наиболее мощное средство формирования

определенной идеологии и культуры в современном обществе. Домашний экран может попасть под контроль консервативных и реакционных политических групп.

Противодействие запуску спутников прямой связи оказывают те политические силы, которые не без оснований опасаются «отравления» национальных культур в результате проникновения американских коммерческих программ. Финляндия, в частности, отказалась от участия в проекте запуска спутника, ибо возобладало опасение, что передача телепрограмм через этот спутник будет содействовать не интеграции Скандинавских стран, а массовому показу американских телевизионных многосерийных фильмов.

Таким образом, советская контрпропаганда должна учитывать новую пропагандистскую ситуацию, которая сложилась в результате бурного развития информационной технологии. Прежде всего важно дифференцированно использовать каналы информации с учетом специфики каждого из них. Своеобразное разделение функций между печатью, радио и телевидением предполагает выявление специфических особенностей аудитории.

Одна из задач советской контрпропаганды состоит в том, чтобы выработать методику противодействия буржуазному телевизионному зрелищу. С появлением глобального телевидения зарубежные политики будут пытаться достичь тех или иных идеологических целей путем опосредованной рекламы буржуазного образа жизни. Заметно усилится роль так называемой социологической пропаганды.

Глава VII

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ В БОРЬБЕ ПРОТИВ БУРЖУАЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

§ 1. Понятие ценности

Коммунистическое мировоззрение по самой своей природе гуманистично. Наша идеология утверждает идеалы справедливости, свободы и равенства. «Коммунисты всегда представляли себе пути социального прогресса,—отмечал в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии М. С. Горбачев,—во всей внутренней их сложности и противоречивости. Но — и в этом главное отличие коммунистического мировоззрения — в центре этих процессов неизменно стоит человек, его интересы и заботы. Человеческая жизнь, возможность ее всестороннего раскрытия, подчеркивал В. И. Ленин,—самая большая ценность, интересы общественного развития — превыше

всего. На это КПСС ориентируется в своей практической деятельности»¹.

В условиях постепенного продвижения к коммунизму все полное раскрывается творческий потенциал коммунистической морали — самой человеческой, справедливой, благородной, основанной на верности целям революционной борьбы, идеалам коммунизма. Наша мораль впитала в себя как общечеловеческие нравственные ценности, так и нормы поведения людей и отношений между ними, которые рождены народными массами в многовековой борьбе против эксплуатации, за свободу и социальное равенство, счастье и мир.

Коллективистская коммунистическая мораль несовместима с эгоизмом, себялюбием и своекорыстием, гармонично сочетает общенародные, коллективные и личные интересы. Она возвышает человека труда, проникнута глубоким уважением к нему, нетерпима к посягательствам на его достоинство. Она утверждает подлинно человеческие отношения между людьми — отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, доброжелательность, честность, простоту и скромность в личной и общественной жизни. Коммунистическая мораль побуждает человека к новым трудовым и творческим свершениям, заинтересованному участию в жизни коллектива и всей страны, к активному неприятию всего, что противоречит социалистическому образу жизни, к настойчивой борьбе за коммунистические идеалы.

Коммунистическая пропаганда придает большое значение ценностным ориентациям. Дело в том, что в ходе социалистического строительства складываются новые идеалы — гуманистические и коллективистские ценности, представления о величии труда, об образе жизни, о нравственном возвышении человека. Газеты и журналы, радио и телевидение стремятся вовремя уловить в общественном сознании те или иные оттенки ценностных ориентаций. Они активно доносят эти ценности до широких масс, раскрывая достоинства и значение социалистических идеалов.

Проблемы ценностных ориентаций занимают видное место и в современной буржуазной этике. Философы, социологи, эстетики пытаются осмыслить само понятие ценности, определить его место в функционировании и диагностике общественного сознания, выявить ценностные сдвиги нашего времени. Многие буржуазные исследователи, в том числе Д. Белл, О. Тоффлер, Э. Фромм и другие, стремятся раскрыть процесс крушения прежних ценностных ориентаций, показать последствия этого процесса для общественного сознания и культуры. Большое внимание уделяется выработке новых человеческих

---

¹ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 26.

ценностей и их роли в будущем (Г. Парсонс, Р. Хиггинс, Э. Янч). Выдвигаются различные программы устранения ценностного унитаризма и обеспечения плюральности нравственных исканий. Немало пишут и об аксиологическом (ценностном) ренессансе нашей эпохи, подразумевая под возрождением этики некий сплав идеалов прошлого и современности. Эти концепции, естественно, требуют критического разбора со стороны исследователей-марксистов.

Одна из наиболее расхожих концепций, фигурирующих в буржуазной этике, сводится к тому, что марксистско-ленинская философия не восприимчива якобы к аксиологической тематике. Многие западные авторы утверждают, что исследователи-марксисты будто бы не пользуются этим понятием в позитивном смысле; абсолютизируют научное познание, отвергают ценностные элементы общественного сознания.

По мнению некоторых буржуазных философов и теологов (М. Кальвез, Ж. Меркиор, К. Ранер и др.), К. Маркс и Ф. Энгельс, разрабатывая концепцию исторического развития, раскрыли лишь общий план социальной динамики, показали действие объективных социально-экономических механизмов. Поэтому они, как полагают названные авторы, проявили равнодушие к ценностно-нравственным проблемам, критиковали всякие попытки выявить ценностное измерение реальности как морализаторство, отвергали социальные утопии и идеалы. Эти духовные образования, по мнению упомянутых исследователей, К. Маркс и Ф. Энгельс односторонне изобличали как «ложное сознание».

Такого рода суждения обнаруживаются, в частности, в книге преподавателя Королевского колледжа в Лондоне Ж. Г. Меркиора «Вуаль и маска. Очерки о культуре и идеологии»¹. Автор полагает, что ценностные ориентации образуют некую идеологическую символику, не соотносимую впрямую с интересами классов и социальных групп. Марксизм же, по его мнению, оценивает идеологию как форму пассивного отражения действительности. Критикуя это воззрение, приписанное им К. Марксу и Ф. Энгельсу, Ж. Г. Меркиор развивает иную концепцию идеологии, которую он трактует как символику власти, обосновывая при этом скрытое, всепроникающее воздействие ценностных представлений индивида на реальную жизнь общества.

Более развернуто о несовместимости марксизма и аксиологии говорили буржуазные участники международной конференции «Ответственность человека в современном мире». Она проходила в начале 1984 г. в Будапеште и представляла собой диалог марксистов и видных европейских теологов-христиан.

¹ См.: *Merquior J. G. The veil and mask. Essays on culture and ideology.* L., 1979.

Обсуждая проблемы ответственности личности, участники конференции затронули широкий спектр актуальных мировоззренческих вопросов — о сохранении мира на Земле, об обуздании гонки вооружений, о ценности человеческой жизни, о борьбе с различными видами насилия над человеком, об угрозе экологической катастрофы, о свободе и выборе ценностных ориентаций, о судьбах культуры в современном мире.

Этот круг тем, естественно, вызвал общий интерес к аксиологической тематике. По мнению, выраженному участником конференции, видным австрийским мыслителем К. Ранером, именно нравственность, ценностное восприятие мира есть основа диалога между приверженцами различных мировоззрений. Он призвал марксистов преодолеть якобы присущие им антиценностные установки и расширить горизонт понимания друг друга за счет осмысления человеческих идеалов.

Такого рода стереотипы пронизывают современную буржуазную литературу, посвященную ценностным ориентациям. Между тем марксизм, как известно, не только не обнаруживает безразличия к аксиологической тематике, но и за последние годы весьма интенсивно осваивает ее. Он рассматривает аксиологию как философское учение о природе ценностей, их месте в реальности и структуре ценностного мира, т. е. о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности¹.

Марксизм оценивает исторические, нормативно-нравственные, логико-познавательные, социокультурные аспекты реальности в качестве органических моментов единого целого социального бытия. Объективное изучение законов истории наша философия сочетает с признанием действительных интересов, потребностей и ценностных ориентаций, определяющих мотивы человеческого поведения.

Рассматривая множество ценностных ориентаций, сложившихся в мире культуры, — гедонистических, аскетических, прагматических, — марксизм выявляет их реальные исторические корни. «...Коммунисты не выдвигают ни эгоизма против самоотверженности, не самоотверженности против эгоизма и не воспринимают теоретически эту противоположность ни в ее сентиментальной, ни в ее выпяченной идеологической форме; они, наоборот, раскрывают ее материальные корни, с исчезновением которых она исчезает сама собой»².

В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса можно обнаружить немало суждений о различных ценностных ориентациях разных эпох — аскетизме, «благородном» и «низком» сознании, гедонизме, романтизме, утилитаризме и т. д. Они подчеркива-

¹ См.: Киссель М. А. Ценностей теория//Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 763.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 236.

ли, что культура обладает способностью улавливать, воспроизводить, транслировать совокупный духовный опыт. В этом смысле она обладает определенным универсализмом, ибо в ней соседствуют самые различные, иногда противостоящие друг другу традиции — мифологические и научные, светские и религиозные, утилитаристские и романтические, эгоистические и альтруистические, аскетические и гедонистические, сентиментально-идиллические и трезво-расчетливые, «чистоганные».

Каждая культура имеет свой комплекс ценностей, форм бессознательно-художественной переработки природы. В этом смысле К. Маркс подчеркивал, что «египетская мифология никогда не могла бы стать почвой или материнским лоном греческого искусства»¹. Греки были убеждены в том, что нет ничего прекраснее человека и боги могут походить только на него. В греческой философии и искусстве природа человека, его тело, его образ — ничто не подлежало сомнению, все представлялось идеалом совершенства и гармонии.

Однако в конце древней эпохи эллинское представление о человеке сменилось другим воззрением. Убеждение в том, что индивид нравственно не стоек и не может противостоять все-сильному пороку, привело Сенеку к мысли о том, что в самом человеке гнездится недоразумение, греховность. Поэтому тело стало рассматриваться лишь как временное хранилище души. Культ тела сменился культом нетленной души, которая понималась как чистая и неприкосновенная сущность.

Возрождение «богообщения» путем угнетения плоти проповедовало христианство и некоторые другие религии. В христианстве воззрение на греховность человеческой природы, отвращающей людей от высшего предназначения, оформилось уже в IV—V вв. Преодоление телесных влечений было возведено в принцип. Борьба с испорченной природой велась во всех направлениях. Даже самые невинные наслаждения объявлялись непозволительными. В противовес эллинскому искусству средневековое искусство пыталось всеми средствами указать на порочность и телесную низменность человека.

Столь же переменчивыми, как подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, были ценности аскетизма и наслаждения. «Философия, проповедующая наслаждение, является в Европе столь же древней, как и школа киренаиков. Как в древности застрельщиками этой философии были греки, так в новое время ими являются французы... ибо их темперамент и их общество особенно предрасполагали их к наслаждению»².

Эти ценностные ориентации, как подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, всецело зависели от самого общества. «Философия наслаждения всегда была лишь остроумной фразеоло-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 737.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 418.

гией известных общественных кругов, пользовавшихся привилегией наслаждения. Не говоря уже о том, что способ и содержание их наслаждения всегда определялись всем строем остального общества и страдали всеми его противоречиями,— философия наслаждения становилась пустой *фразой*, как только она начинала претендовать на всеобщее значение и провозглашала себя жизнепониманием общества в целом. Она опускалась в этих случаях до уровня назидательного морализирования, до софистического прикрашивания существующего общества или даже превращалась в свою противоположность, объявляя наслаждением вынужденный аскетизм»¹.

«Вынужденный аскетизм» был присущ, в частности, идеологии средневековых западноевропейских хозяйственных сект. В них сложились нормы хозяйственной этики, наиболее полно выражающие «капиталистический дух». Протестантский религиозно-этический идеал воспитывал в человеке такие ценности, как трудолюбие, бережливость, расчетливость. Кому, например, лучше живется — бедному или богатому человеку? Носитель пуританской этики, герой романа Д. Дефо «Робинзон Крузо», отвечает на этот вопрос в духе времени. «Среднее состояние — наиболее благоприятное для расцвета всех добродетелей, для всех радостей бытия, — рассуждает он, — изобилие и мир — слуги его, ему сопутствуют и благословляют его: умеренность, воздержанность, здоровье, спокойствие духа, общительность, всевозможные приятные развлечения, всевозможные удовольствия. Человек среднего состояния проходит свой путь тихо и гладко, не обременяя себя ни физическим, ни умственным непосильным трудом, не продаваясь в рабство из-за куска хлеба, не мучаясь поисками выхода из запутанных положений, лишаящих тела сна, а душу покоя, сменяемый завистью, не сгорая втайне огнем честолюбия»².

В своих исследованиях экономики капиталистического общества К. Маркс и Ф. Энгельс часто цитировали «Робинзона Крузо». Этот «настоящий буржуа», типичный английский купец и делец XVIII в., оказавшись на необитаемом острове, как истый англичанин начинает учет самому себе. Он воспроизводит те ценностные ориентации, которые были свойственны идеологии нарождающегося класса буржуазии.

К. Маркс и Ф. Энгельс показали классовый характер нравственных идеалов, ценностей. Они опровергли представление о том, будто «существуют вечные истины, как свобода, справедливость и т. д., общие всем стадиям общественного развития»³. Они проанализировали те экономические, социально-культурные предпосылки, которые ведут к появлению «бо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 418.

² Дефо Д. Приключения Робинзона Крузо. М., 1982. С. 7.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 445.

лезненных вожделий»¹. Основоположники марксизма раскрыли извращающую силу денег в формировании и проявлении конкретных ценностных ориентаций — по отношению к труду, к женщине, к богатству. Вместе с тем они показали историко-культурные факторы, ведущие к смене идеалов, традиций, ценностей.

Так, капитализм внедрил новые культурно-исторические тенденции. Буржуазия сорвала, в частности, с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров. «В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности»². Религиозные, мифологические, романтические, идиллические компоненты культуры оказались вытесненными.

Вместе с тем, как показали К. Маркс и Ф. Энгельс, в недрах буржуазной культуры формируется комплекс мелкобуржуазных, мещанских ценностей, которые оказывают существенное влияние на общественное сознание. Немецкий мещанин был провозглашен в Германии в период формирования буржуазных отношений образцом человека³. В середине XIX в. немецкий поэт Л. Эйхродт стал печатать в одном из мюнхенских изданий стихи, посвященные семье, дому, патриархальным традициям. Он помещал их под псевдонимом Готтлиб Бидермейер. Поэт и не помышлял о том, что его вымышленное имя станет обозначением новых ценностных ориентаций целой эпохи, а созданный им образ филистера в сознании средних слоев населения превратится в воплощение идеала человека в Германии середины прошлого столетия. Более того, стиль «бидермейер» проявит себя в искусстве, литературе и архитектуре.

В данном ценностно-ориентирующем комплексе идеалов нашло отражение все, о чем писал К. Маркс, характеризуя тихий, мещанский ограниченный мир буржуа: безоговорочная власть денег, стремление удержать патриархальные нравы, верноподданничество. Семья представляла собой большую общину, включавшую в себя представителей трех-четырех поколений. На вершине этой иерархии был дедушка, хранитель семейных преданий. Миру этих идеалов соответствовал образ жены, послушной Библии и мужу. Ей предписывалось содержать в порядке дом, где бы мог отдохнуть от деловой прозы муж, занятый и энергичный человек. Искусство старательно культивировало этот образ красивой, невинной, скромной, верной и наивной спутницы жизни. Рыцарская романтика еще уживалась с утилитаризмом жизни, а сентиментальность — с деловым расчетом.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 600.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 426.

³ См. там же. С. 454.

К. Маркс и Ф. Энгельс показали сложность процесса развития культуры. Вытесненные в определенный период на ее периферию слагаемые совокупного наследия то и дело воскрешаются. Так, мистические компоненты средневековой культуры в эпоху Просвещения оказались «почти изжитыми», но период романтизма вызвал новую волну мистицизма. О раздвоенности буржуазных ценностных ориентаций, буржуазной культуры в целом писал, в частности, К. Маркс. Он подметил, что трезво-расчетливая, безгранично-эгоистическая атмосфера буржуазного мира с господствующим в ней духом наживы требует некоего противовеса себе, который обретается западным сознанием в виде «романтического» взгляда на окружающий мир и человеческую историю. Но романтическая мечта о целостности индивида в буржуазном обществе остается нереализованной. «Так же смешно тосковать по этой первоначальной полноте индивида, — писал К. Маркс, — так же смешно верить в необходимость остановиться на нынешней полной опустошенности. Выше противоположности по отношению к этому романтическому взгляду буржуазный взгляд никогда не поднимался, и потому этот романтический взгляд, как правомерная противоположность, будет сопровождать буржуазный взгляд вплоть до его блаженной кончины»¹.

Как показывает привлеченный материал, К. Маркс и Ф. Энгельс вопреки мнению цитированных выше буржуазных идеологов не только не игнорировали ценности, идеалы, культурные ориентации, но и рассматривали их в качестве важнейших компонентов общественного сознания. Не выдерживают критики и суждения таких буржуазных теоретиков, как М. Клавель или Ж. Меркиор, о том, будто К. Маркс и Ф. Энгельс изобличали идеалы, социальные утопии как проявления «ложного сознания». Основоположники научного коммунизма не отвергали утопизм в целом и были далеки от безоговорочно отрицательного отношения к нему. Они высоко оценивали социальную зоркость утопистов, присущую им устремленность к идеалу, истовую жажду справедливости и гармонии. Гностические секты, средневековые ереси, реформаторские движения, воззрения социалистов-утопистов неизменно были пропитаны изобличительным отвержением существующих античеловеческих порядков. Отсюда внимательное отношение К. Маркса и Ф. Энгельса к «гениальным чудачествам», к грезам социальных реформаторов, к свободному воображению пророков грядущего, стремление глубоко прочувствовать и осмыслить мир гуманистических, пусть и несбыточных, проектов тех или иных мыслителей утопического толка, их социальных ценностей и идеалов.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 105—106.

Отношение классиков марксизма-ленинизма к наследию утопистов показывает, что они придавали большое значение не только научным истинам, но и моральным ценностям, идеалам как фактору, имеющему существенное значение для познания социальной действительности и ее преобразования. К. Маркс и Ф. Энгельс преодолели свойственное просветителям XVIII в. представление о науке как единственной форме мировосприятия. Они подразумевали под средствами жизненной ориентации людей и определенные идеалы, нравственные нормы. Сознание любой эпохи может рассматриваться как определенный ансамбль истин, ценностей и норм.

§ 2. Роль ценностей в современную эпоху

В современную эпоху чрезвычайно возрастает социальная ответственность философии как средства жизненной ориентации людей. Ценности и ожидания личности складываются под влиянием мировоззрения. Люди всегда пытались соединить разрозненные представления, формируемые их социальным опытом. Сколь разорванным ни казалось бы сознание масс, индивида, оно тем не менее образует собой некую целостность.

В истории философии нередки попытки ее «обмирщения», приближения к живому человеку, его чувствам, непосредственным жизненным ощущениям, внутренним состояниям. Но в наше время философия постоянно стремится уловить и систематизировать непосредственные, мировоззренческие ориентации людей, воспроизвести и «промыслить» конкретные социально-психологические позиции, характеризующие эпоху.

Разумеется, преобразование жизни, разумная ориентация людей, их социальной деятельности возможны только при условии объективно-истинного познания законов общественного и природного развития. Но такая концепция не исключает значения ценностных ориентаций, идеалов, индивидуальных устремлений и предпочтений. Кроме того, в современном мире роль этих ориентиров все более возрастает.

Рассматривая идеологию как ложное сознание, как социальную мифологию, буржуазные теоретики ссылаются на ее ценностную природу как на свидетельство ее абсолютной ненаучности. Они подчеркивают при этом, что идеологические суждения всегда субъективны, тенденциозны и потому якобы не имеют ничего общего с истиной, которая нейтральна, не зависит от субъективных желаний человека. Поэтому, считают они, все идеологии ложны в своей основе, так как их нельзя подтвердить фактами.

Изучение специфики ценностного восприятия мира, соотношения истины и ценности имеет большое значение для познания социальной действительности, потребности людей, их

желаний, целей и т. д. Система идей улавливает общественные настроения, вырабатывает определенные идеалы, отбирает некие ориентиры, которые нужны людям, социальным группам и классам.

Все это дает основание говорить о том, что общественное сознание имеет ценностный аспект. Интересы классов идеология отражает в виде понятий добра и зла, справедливости и несправедливости, праведности и неправедности, нравственности и безнравственности. Эти понятия не только фиксируют действительные или воображаемые явления, но и содержат оценку определенных представлений, одобряют или осуждают их, требуют их осуществления или устранения.

Любая идеология представляет собой единство ценностной ориентации и элементов социального знания. Но буржуазные теории, абсолютизируя ценностную природу идеологии, противопоставляют ее истине, научным воззрениям, подчеркивают вечность и трансцендентность ценностей. Это основной методологический порок, наблюдаемый при анализе ценностных аспектов идеологии в буржуазной социологии.

Однако противопоставление ценности и истины неоправданно: ценность предмета или идеи определяется их объективными свойствами, поэтому правильная оценка их невозможна без научного познания. Ценности не вечны, не субъективны в своем генезисе. Они являются продуктом исторического развития общественного сознания, общественной психологии. При рассмотрении ценностных ориентаций необходим тот же социальный детерминизм, который обычно прослеживается в подходе к экономическим и политическим явлениям. «Разве это не обскурантизм...— отмечал В. И. Ленин,— когда детерминизм ограничивается областью «исследования», а в области морали, общественной деятельности, во всех остальных областях, кроме «исследования», вопрос предоставляется «субъективной» оценке?»¹

Идеи могут быть истинными или ложными, научными или религиозными, материалистическими или идеалистическими. Это зависит от того, насколько правильно и глубоко они отражают объективную реальность. Что касается ценностей, то они тоже ориентируют человеческую деятельность в определенном направлении; однако не всегда в соответствии с результатами познания. Ценности упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление оценочные моменты, отражают иные по сравнению с наукой аспекты окружающей действительности. Но они соотносятся не с истиной, а с представлениями об идеале, желаемом, нормативном. Идеалы и ценности придают смысл и цель человеческой деятельности.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 199.

Согласно марксистской точке зрения, присущей ей теории ценностей, какие-либо факты, явления, события, происходящие в природе, обществе, в жизни индивида, осознаются не только посредством логической системы знания, но и через призму отношения человека к миру, его потребностей и ориентаций, гуманистических или антигуманистических представлений, нравственных и эстетических норм. Хотя ценности более субъективны, а научные истины объективны, они далеко не всегда противостоят друг другу. Познание и оценка — не одно и то же, но это не означает, будто они фатально разъединены.

Человек соизмеряет свое поведение с нормой, идеалом, целью, которая выступает в качестве образца, эталона. Понятия «доброе» или «злое», «прекрасное» или «безобразное», «праведное» или «неправедное» могут быть названы ценностными, а связанные с ними взгляды, убеждения людей — ценностными идеями, которые могут быть прогрессивными или реакционными, оптимистическими или пессимистическими, активно-творческими или пассивно-созерцательными.

Именно в этом значении те ориентации, которые обуславливают человеческое поведение, называют ценностными. Люди постоянно соизмеряют свои действия с целями и нормами, имеющими социальную обусловленность. При этом классы и партии обосновывают и защищают собственные ценностные представления, воспринимают идеи не только как «истинные» или «ложные», но и как «хорошие» и «плохие», «моральные» и «безнравственные», «приемлемые» или «неприемлемые».

Борьба идеологий во многом продиктована противоположным пониманием ценностей. Но ценностная ориентация может в определенных условиях складываться как бы вопреки научному знанию. Например, на фоне успехов современной науки в буржуазном сознании отчетливо прослеживается нарастание технофобии и мистицизма. Личность далеко не всегда стремится жить по науке. Напротив, многие с опаской относятся к ее чисто умозрительным рекомендациям, стремятся устроить свою жизнь по иным критериям, по иным меркам. Рядовой человек капиталистического общества не рассматривает науку как единственное и всесильное средство разрешения любых человеческих проблем. Он даже отвергает науку как способ достижения гармонии на путях рационально спроектированного миропорядка.

Однако все это не означает, будто ценность абсолютно противоположна истине и постоянно конфликтует с ней, как это утверждают буржуазные исследователи. Кризис ценностей, т. е. утрата прежних идеалов и утверждение новых, происходит в результате радикального сдвига в общественном сознании. С позиции буржуазной аксиологии нет возможности воссоздать подлинную картину духовных процессов.

Духовные процессы современного буржуазного мира порождены объективными закономерностями развития капиталистической экономики и социальной организации. Общественное бытие и сознание неразрывны между собой, взаимобусловлены. Качественный сдвиг в структуре бытия закономерно приводит к перевороту в структуре сознания, во всей системе духовных представлений и интеллектуально-мировоззренческих характеристик общества, во всей сфере надстроечных явлений.

Мы живем в эпоху решительной ломки вековых ценностных ориентаций. Протестантская культура в прошлом веке рассматривала труд как потребность, как смысл и содержание всей жизни. Сегодня во всех капиталистических странах говорят о крушении «этики труда». Возвеличивание семейных добродетелей в духе культуры «бидермейер», сменилось «сексуальной революцией». Человек, который издавна превозносился как «венец творения», вершина эволюции, в наши дни нередко объявляется эволюционным монстром, мстительным агрессивным существом. Представление о прогрессе замещается апокалипсическими сюжетами.

Бурное отвержение традиционных ценностей, нарожение новых ориентаций усиливает меру ответственности человека. Поляризация ценностей ставит его в положение выбора. Возродить ли достоинство труда или уповать на «компьютерный рай»? Восславить любовь или проповедовать сексуальную вседозволенность? Бороться за мир или освобождать разрушительные инстинкты? Следовать критериям разумности или уповать на стихию иррациональности? Все эти вопросы возникают в контексте жизни каждого человека. Они требуют от него персональной ответственности.

Нет сомнений в том, насколько важна для человека активная жизненная позиция, сознательный выбор своего поведения. Это сложная задача, особенно в условиях современного буржуазного общества, где господствующие ценности навязываются человеку через всю систему социальных институтов. Индивид в современном мире, когда с помощью «индустрии сознания» тиражируются и распространяются готовые мыслительные стандарты, образно-чувственные трафареты, может снять с себя бремя ответственности, предпочитая целеустремленной осмысленной деятельности «бегство от свободы», от ответственности.

Именно поэтому крайне важен научный анализ происходящих в современном мире ценностных сдвигов, выявление их истоков и причин. Западные социологи и этики подчеркивают, что в наши дни «традиционные» ценности уступают место «современным». При анализе этого процесса они выходят в мир культуры, анализируют конфронтацию различных идейно-политических течений внутри буржуазной идеологии. Однако

при этом буржуазные исследователи, как правило, игнорируют кризисные процессы, происходящие в государственно-монополистической организации. Генезис «ложных» ценностей поэтому рассматривается как результат «искаженной» идеологии, неверно понятых жизненных стандартов, навязанных затем обществу.

Нельзя отрицать того факта, что сама буржуазная идеология утратила относительную стабильность, она, как уже отмечалось, раздирается внутренними противоречиями, вызванными общей растерянностью, крушением традиционных, отработанных «ходов мысли», постоянно выявляемым несоответствием реальности практики капитализма и моделируемых путей его модернизации. Отсюда усиление взаимных нападок: либералы клеймят позором «левых» экстремистов, к которым еще недавно относились с благопристойной терпимостью. Неоконсерваторы обрушивают громы и молнии на головы либералов, которые слишком уверовали в прогресс, презрев многие традиционные ценности капитализма. Радикалы призывают «чуму на оба эти дома», т. е. на либеральную и консервативную идеологии.

Взаимные обвинения, попытки свалить ответственность друг на друга, нетерпимость к инакомыслящим, отвержение «иных» ценностей, нежели те, которые кажутся им «оправданными», прямые призывы «покончить с ересью», наказать предательство тех, кто содействовал выработке «неправильного» социального курса,—таков реальный фон, на котором разворачивается в буржуазном обществе современная конфронтация ценностных ориентаций.

Процесс смены ценностей, как правило, длителен. Важно отметить также, что ценностные ориентации, идеалы могут возвращаться, возрождаться, обретать новый смысл. С этой точки зрения культура человечества обладает неким фондом норм, символов, абсолютов. Однако это вовсе не означает, будто в духовной истории человечества обнаруживается вечный круговорот одних и тех же идеалов. Рассматривая культуру как сферу «экспрессивного символизма», американский социолог Д. Белл приходит к выводу, что человеческое существование уясняется и выражается в символических формах. Это означает для Белла, что в общественном сознании постоянно присутствуют одни и те же мотивы и сюжеты человеческого бытия.

Культура действительно во многом архетипна, ибо она постоянно воспроизводит определенные жизненные ситуации, с которыми люди встречаются во все времена. Речь идет о проблемах долга, любви, жертвы, трагедии, героизма, смерти. Однако культура вовсе не идет по кругу, возвращаясь вновь и вновь к одним и тем же заботам и мотивам, как это получается у Белла. Он сознательно отвлекается от того факта,

что в каждую эпоху данные сюжеты приобретают новое содержание, диктуемое не только экзистенциальной природой человека, но и социальной действительностью. Проблемы смерти, хотя и преследуют человечество исстари, все же получают разное истолкование в религиозной и светской традициях. Поэтому нельзя сводить культуру к застывшим символическим формам.

Концепция Белла не позволяет ему провести последовательное противопоставление «традиционных» и «современных» ценностей. Сдвиг в ориентациях людей он усматривает не в материально-экономических отношениях, а в противоречиях между экономикой и культурой как разными сферами общественной жизни. По его мнению, одни и те же установки дали в сфере предпринимательства ориентиры накопительства, а в сфере культуры привели к разрастанию индивидуализма, что и породило, как подчеркивает Белл, смену ценностей, привело к тому, что в сфере экономики утвердился определенный социально-психологический типаж буржуа-предпринимателя. Одновременно в области культуры сложился иной персонаж — независимый художник, свободный от стереотипов и условностей общества. Обе эти фигуры воплощали в себе идеалы индивидуализма. Но, как полагает Белл, между ними со временем развился антагонизм.

Носители этики воздержания, эти персонажи (предприниматель и художник) стремились преобразовать жизнь, благоустроить мир, насытить его святынями. Производство требовало максимальной мобилизации энергии. Поэтому предприниматель стремился к самоограничению. Стихийные импульсы, вседозволенность, эгоистические порывы внушали ему страх. Вот почему, разъясняет Белл, радикальная в экономике буржуазия всегда была и остается консервативной в области морали и культуры.

Иное дело — художник. Культурный импульс выработал у него ненависть к традиционным ценностям, к пуританской морали. От самоограничения он прошел к апологии личности, к идее, что все дозволено, хотя бы в сфере воображения. Обожествление «я» стало, по убеждению Белла, источником «извращенных ценностей», объединенных американским социологом в понятие «модернизм».

На самом деле сдвиги в ценностных ориентациях, которые произошли в буржуазном обществе, вызваны вовсе не фатальным расхождением в «экзистенциальном бытии» предпринимателя и художника как социальных персонажей. Они порождены теми особенностями общественной жизни, которые возникли в результате перехода капитализма в стадию государственно-монополистической организации.

Объективные тенденции развития капитализма привели к крушению традиционных норм и идеалов. Буржуазная эконо-

мика не могла развиваться в прежнем русле. Внедрение достижений научно-технического прогресса позволило выбросить на рынок массу дешевых товаров. Однако покупатели не спешили воспользоваться ими, ибо они руководствовались заповедями протестантской этики. Каждый товар, согласно прежним установкам, имеет функциональное назначение. Мы покупаем плащ, чтобы укрыться от дождя и ветра. Мы покупаем ботинки, чтобы уберечь ноги. Но с точки зрения этих ценностных представлений, если у человека есть уже плащ или ботинки, ему незачем покупать эти товары.

Однако капитализм в период государственно-монополистической стадии не может развиваться на этих основах. Он вынужден провоцировать покупателя, заставляя его делать новые покупки, ибо в противном случае финансовые затраты предпринимателя не будут возмещены, экономический цикл нарушится. Кейнсианская модель экономики (по имени известного буржуазного экономиста Кейнса) предполагала всемерное поощрение покупательских запросов, интенсивное инспирирование их.

Верно фиксируя основную направленность ценностных сдвигов в буржуазном общественном сознании, Белл усматривает истоки этого процесса не в объективных тенденциях функционирования государственно-монополистической организации, а в распадении прежних смысловых и нравственных связей. Равновесие между личными устремлениями и общественной ответственностью, как он отмечает, первоначально поддерживалось с помощью протестантской этики, которая требовала воздержания от роскоши и наслаждений во имя накопления. Это наблюдение не вызывает возражений.

Но почему изобретение продажи в рассрочку разрушило стимул к бережливости? Отчего развитие массового производства подорвало протестантскую этику? В чем причина, что капитализм обрел моральное оправдание в виде гедонистической этики, этики удовольствия как образа жизни? Белл показывает, что все это произошло в результате гипертрофированного предпочтения «модернистских» ценностей. На самом деле эти ценности стали расхожими потому, что в них нашел воплощение запрос государственно-монополистической организации, стимулирующей потребление и провозгласившей ценности «потребительского общества».

Смещение ценностей отразило те противоречия, в которых запутался государственно-монополистический капитализм. Призывая к воздержанию и самоограничению, он в то же время был вынужден провоцировать покупательские запросы. Проповедуя необходимость трудиться, культивируя этику труда, он одновременно развивал индустрию досуга. Рекламу новые воделения, новые потребности, он вызвал «революцию

растущих ожиданий», но не смог обеспечить массы людей даже минимальным благосостоянием, а многих и работой.

Как же выйти из этих противоречий? По мнению Белла, необходимо приступить к выработке нормативных правил, которые позволили бы обеспечить человеческое развитие в рамках ограничений, налагаемых буржуазной экономикой. Иначе говоря, американский социолог призывает к умеренности и воздержанию. Он предлагает даже привить гражданское чувство, т. е. готовность принести жертвы во имя «общего блага».

Основу кризиса буржуазного общества Белл предлагает искать не в экономике, а в духовной сфере. Прежние ценностные ориентации уже изжили себя, а новые, основанные на вере в исторический прогресс, рациональность, науку, обнаружили свою утопичность. Духовный кризис усиливает тенденцию к нигилизму. Он, по словам Белла, лишает общество жизненной силы, дезорганизует индивидуальную мотивацию, насаждает культ сиюминутного наслаждения, ослабляет гражданские чувства и волю.

Пафос современного модернизма, как утверждает Белл, направлен против ценностей и мотиваций «обычного» поведения во имя эротизма, свободы импульсов. Становление модернистской культуры завершает разрушение традиционной буржуазной системы ценностей. Эта система строилась на таких заповедях, как труд, бережливость, трезвость, воздержанность, строгость нравов. Она соответствовала аграрному и меркантильному образу жизни в маленьких американских городах. Эрозия традиционных ценностей привела к тому, что труд и накопление из самоцели древелись в средства, обеспечивающие потребление и развлечение. Статус и его символы, а не труд и богоизбранность стали признаками успеха.

Решающий переворот в системе ценностей, как сетует Белл, произошел в 20-х годах нашего столетия. Он был обусловлен становлением массового потребления, развитием рекламы, распространением потребительского кредита. Все это привело к замене протестантской этики как социальной реальности и стиля жизни «вульгарным гедонизмом». В 50-е годы он полностью возобладал в американской культуре.

Концепция Белла не позволяет ответить на главный вопрос: в чем же истоки ценностных сдвигов? Если капиталистическая экономика и сегодня продолжает базироваться на принципах эффективности и рациональности, то почему в культуре возобладали антиинтеллектуализм, иррациональный образ жизни и апокалипсическое видение мира? Как могло сложиться противоречие между экономикой и культурой, которое Белл рассматривает в качестве самого «рокового конфликта» капитализма? Он полагает, что именно данная коллизия лишает капиталистическое общество той связующей и мо-

тивирующей силы, тех моральных импульсов, которые призвана вырабатывать культура.

Раскрывая широкую картину кризисных процессов, присущих капитализму и вызванных смещением ценностных ориентаций, Белл намечает возможные направления выхода из культурного кризиса. Он полемизирует с Марксовой идеей «исторического человека», т. е. с раскрытием становления человека в ходе истории. Такой подход, как полагает Белл, не позволяет понять надысторическое, вечное в человеке. Не зная же «неизменной человеческой природы», невозможно, по словам Белла, понять, в чем состоит ценность человеческого бытия.

Не только Белл, но и другие неоконсерваторы подчеркивают, что некоторые ценности не устраняются в ходе социального развития, а постоянно возобновляются. Они выполняют роль неких широких ориентиров, определяющих собой все другие, менее значимые идеалы. Такого рода ориентиры французский антрополог Л. Дюмон называет «идеологемами». Он утверждает, что историю человечества можно рассматривать как постоянную смену двух идейных комплексов, которые в значительной мере определяют особенность социального устройства.

Дюмон доказывает, что в истории можно проследить наличие двух принципов человеческого общежития. Первый декларирует незыблемую ценность общества как готового, сложившегося и не подвергаемого сомнению социального организма. Идеалом такого устройства может служить, например, египетская цивилизация с ее приверженностью к однажды заведенному порядку, узаконенному неравенству и т. д. Эта готовность человека остаться в своей нише, не претендуя даже на минимальное улучшение своего социального положения, определяет избранный им план жизнестроения.

Второй принцип возводит равенство в ранг высшей ценности. Индивид в этом случае стремится к эгалитаризму. Иерархичность общества, его социальное расслоение уже не кажутся индивиду ни оправданными, ни благодатными. Возникает импульс к социальным переменам. Однако здесь Дюмону изменяет чувство провозглашенной им беспристрастности. Ему явно не по душе такое беспокойное устремление к равенству. Всем пафосом своего исследования он хотел бы доказать, что социальные перемены не приносят ничего хорошего, они лишь разрушают установленный порядок, к которому так привыкли господа и рабы, хозяева и слуги.

Неоконсерваторы убеждены в том, что такие ценности, как свобода и равенство, которые в течение столетий воспринимались как взаимосвязанные, на самом деле несовместимы. Более того, они противоречат друг другу. В реальной социально-исторической практике приходится выбирать: либо свобода —

и тогда прощай равенство, либо равенство — и тогда прощай свобода.

Американский неоконсерватор Р. Низбет пришел к убеждению, что современный капитализм, «несмотря на все свои преимущества и достижения», переживает сегодня «жесточайший в собственной истории кризис, который охватил не только Западную Европу, но и США»¹. Причину этого Низбет видит в «эрозии» и «вырождении» фундаментальных и традиционных американских идеалов, обеспечивших подъем и расцвет капитализма в США, но в течение последнего полувека предрепающих сильное искажение.

Ценностные ориентации неоконсерваторов знаменуют собой отречение от социальных идеалов, которые издавна служили устоями буржуазного мировоззрения. Открыто признавая утопичность лозунгов «свободы и равенства», реализация которых в капиталистическом мире оказывается невозможной, идеологи неоконсерватизма одержимы стремлением усилить реакционную идеологию открытым антипрогрессизмом, узаконенным неравенством, разделением общества на «толпу» и «избранных», призывами к дисциплинарному единомыслию. Эту политическую мифологию неоконсерваторы стремятся представить как «ценностную революцию».

Однако предложенная ими «ценностная революция», открыто провозглашающая неосуществимость передовых социальных идеалов, предполагает возрождение реакционных, изживших себя лозунгов, питательной почвой которых служит мистицизм, средневековая теология, ушедшие в прошлое ретроградные политические представления.

Проблема утраты ценностей и возрождения их, появления новых идеалов оказалась ключевой для буржуазной аксиологии наших дней. Западные исследователи пытаются понять, почему те или иные ориентиры перестают выполнять функцию абсолютов, утрачивают свое значение. Разумеется, каждое поколение перестраивает системы ценностей, переосмысливает прежние идеалы. Однако этот процесс тесно связан с материально-экономическими закономерностями жизни общества. Рождение новых абсолютов не является продуктом субъективного выбора. Они служат откликом массы людей на сложившиеся запросы, на потребности жизненного процесса.

За столкновением на идеологической арене различных и противоположных духовных ценностей следует видеть борьбу социально-политических позиций, интересов классов, выражающихся в целостных системах воззрений на общество и на его развитие, а в конечном счете — объективную логику исто-

---

¹ *Nisbet R. Three values and their modern perversion//The St. Croix review. Stillwater (Minn.), 1978. N 5. P. 23—34.*

рического процесса. Социалистическая идеология включает в себя совокупность новых ценностных ориентаций, противостоящих буржуазным идеалам.

§ 3. Распространение социалистических ценностей

Одна из важных ценностей социалистического общества — коллективизм, противостоящий буржуазному индивидуализму, который культивировался в капиталистическом обществе на протяжении столетий. В нашей стране изменение формы собственности превратило членов общества в совладельцев средств производства, соучастников деятельности по созданию общественного богатства и по руководству социалистической экономикой. Социалистическое производство — процесс создания материальных благ — осуществляется как совместная деятельность непосредственных производителей и организаторов, трудовых коллективов и органов хозяйственного управления.

Социалистическое общество представляет собой подлинную коллективность в отличие от мнимой коллективности или суррогата коллективности при капитализме. Только в коллективе индивид может развить все свои задатки и способности. Поэтому интересы коллектива в социалистическом обществе всегда ставятся выше личных. Однако подлинная коллективность не противостоит развитию индивидуальности, а, напротив, создает реальные условия для такого развития.

Другая ценность социалистической идеологии — высокое достоинство труда. В отличие от раннебуржуазной, протестантской этики, которая также возвеличивала труд, но рассматривала его как средство накопительства, социалистическое общество видит в труде не только инструмент преобразования мира, но и способ самореализации человека. Именно в труде раскрываются личностные качества, выявляется достоинство человека, открывается простор для подвига, для переживания гражданских чувств, для своей слитности с делом коммунистического строительства.

Падение престижа труда в буржуазном обществе, разложение трудовой этики тесно связаны с ростом потребительской психологии, укреплением гедонистических настроений. Капиталистическое общество уже не может обеспечить высоких темпов развития, поскольку механизмы труда разрушены. Развитие микроэлектроники, компьютеризации еще более укрепляет мысль о том, что в современном обществе труд становится анахронизмом.

В социалистическом обществе рабочий человек всегда гордился делом своих рук. Издавна самым почетным в народе было звание мастера, умельца. В нашей стране ценности творческого отношения к созиданию, к труду и поныне, несмотря на стремительный научно-технический прогресс, огромные из-

менения в характере труда, остаются наивысшими ценностями наряду с такими, как профессиональная квалификация и трудовая совесть.

Носителями традиций высокого мастерства выступают рабочие династии, передовики соревнования и новаторы производства, для которых работа на совесть стала внутренней потребностью, незыблемым правилом, неоспоримой ценностью. Подлинная духовность личности раскрывается в таких ценностях нашего мира, как добросовестный труд, достоинство рабочего звания, творческий характер созидания. Вне труда нет и не может быть духовно богатой личности. Потребность работать на общее благо — это ядро всесторонне, гармонично развитого человека.

Социалистическая идеология органично включает в себя ценности и идеалы гуманизма; утверждение достоинства человека, его права на свободное развитие издавна обуславливали содержание гуманизма. Социализм создает основу для решения великих гуманистических задач, стоящих перед человечеством. Он ликвидирует эксплуатацию человека человеком, освобождает трудящихся от политического и национального неравенства, ликвидирует противоположность между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, уничтожает нищету и безработицу широких народных масс, приближает их к достижениям мировой культуры.

Идея всестороннего развития личности в строго научной форме была выдвинута К. Марксом. Ее воплощение зависит от революционного преобразования общества, прежде всего от утверждения общественной собственности. Классики марксизма призывали ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, беспомощным, презренным существом. Они рассматривали коммунизм как такое общество, которое наряду с величайшим расцветом производительных сил, общественного труда обеспечивает развертывание существенных характеристик индивида, содействует выявлению его внутреннего личностного потенциала. Цельность, нравственное совершенство личности партия выдвигает в качестве одной из главных социальных, духовных ценностей.

В качестве одной из ценностей социалистического мира выступает и интернационализм. Он включает в себя уважение ко всем народам, идею равноправия всех наций, непримиримость ко всякого рода угнетению одной нации другой, сочетание национальных и интернациональных интересов. Интернационализм органично связан с патриотизмом — нравственным принципом, социальным чувством, содержанием которого являются любовь и преданность отечеству, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать родину.

В качестве неоспоримой ценности социалистического мира назовем также сознательность личности, осмысленность и ду-

ховность ее существования. Идейная убежденность, гражданственность, уверенность в достижении великой цели роднят красногвардейцев, штурмовавших Зимний, и солдат, которые воздружили Знамя Победы над рейхстагом, участников первых субботников на заре социалистических преобразований и героев сегодняшней пятилетки — строителей материально-технической базы коммунизма.

В. И. Ленин рассматривал преемственность как неразрывную идейную связь старшего поколения с молодым, с теми, кто является продолжателем революционного дела. Непоколебимая верность этим традициям, закрепившим бесценный опыт борьбы и созидания, органически присуща миллионам советских людей. Образцы высокой гражданственности, морально-патриотической подвижнической ответственности за судьбы людей дала в свое время славная когорта профессиональных революционеров, геройство которых освещает путь грядущим поколениям. Советские люди свято берегут все лучшее, чем славен и духовно богат наш рабочий класс, весь наш народ, проявивший высочайшие морально-политические качества.

Сегодня человечество убедилось в неиссякаемой силе политического творчества народных масс, взявших в свои руки руль первого в мире социалистического государства. Об этом говорят грандиозные революционные преобразования на нашей Земле. Гражданское отношение ко всему, что происходит вокруг нас, чрезвычайно ускоряет социально-экономический и духовный прогресс страны.

Освободив человека от всех форм социального и национального гнета, социализм создал совершенно новые отношения между государством и личностью, неразрывно связал интересы личные и интересы общественные. Это еще глубже и полнее раскрывается на современном этапе. Советские законы предоставляют самые широкие политические свободы каждому гражданину, ибо это отвечает демократическому характеру социалистического строя.

Буржуазная пропаганда пытается осуществить свое влияние на население социалистических стран не только по линии чисто теоретического просвещения, путем распространения теорий и доктрин. Она стремится также навязать специфические ценности, которые отражают буржуазный образ жизни, господствующие в капиталистическом мире нормы и идеалы.

Западные исследователи при этом доказывают, будто они, проповедуя «новые ценности», не преследуют при этом никаких идеологических или политических целей. По их словам, речь идет об обслуживании или потрафлении вечным человеческим потребностям, неизменным запросам, отвечающим якобы человеческой природе. Ценности буржуазного мира в этом случае выдаются за общечеловеческие, «целесообразные», «разумные», «психологически благодатные».

Обращаясь к населению социалистических стран, империалистическая пропаганда, разумеется, модифицирует свое содержание, изменяет приемы и формы своей деятельности. Она вынуждена считаться с тем фактом, что народы этих стран отличаются высокой гражданственностью, воспитаны в иных условиях, преследуют другие цели. Поэтому пытаются распространить буржуазные идеалы, империалистическая пропаганда вынуждена перестраиваться, прибегать к замаскированным приемам, к спекуляциям на трудностях социалистического строительства, на некоторых предрассудках и т. д.

Широкие массы людей обнаруживают в наши дни интерес к интеллектуальной самостоятельности, к осмыслению существующих ценностных ориентаций. Все острее ощущается потребность масс в социально мотивированном поведении. Однако многие философские и идейные течения Запада утратили высокий метафизический настрой, философскую глубину. Между тем современное этическое сознание нуждается в проблемности, в универсальности. Сегодня обнаруживается интенсивный запрос на убеждающую силу логики, на гуманистически ориентированные ценностные ориентации. Без них, как это вполне очевидно, невозможно формировать сознание человека, давать ему ясное, законченное и до конца продуманное представление о мире.

Общественная динамика и развитие науки в наши дни обязывает к предельной мобилизации мысли, к серьезным мировоззренческим размышлениям. Человека интересует все. Он хочет знать, одинок ли он во Вселенной, каковы пределы космоса, как возникла жизнь, какова ее ценность, куда движется история, в чем ее истоки и смысл? При осмыслении этих вопросов, если воспользоваться словами Ф. Энгельса, и возникает разреженный воздух абстракций и мрачные облака спекуляций.

Иначе говоря, рождается потребность в развернутом, связанном и философски целеустремленном сознании. Только оно способно быть ориентиром индивидуальной и общественной жизни, обосновывать социальные идеалы, рождать одухотворяющие истины. Эту огромную мобилизующую силу мировоззрения, нравственных ценностей имел в виду К. Маркс, когда говорил об идеях, которые «овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть,— это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им»¹.

Занять точную позицию в условиях идейных размежеваний, столкновения различных, зачастую полярных установок, ценностных ориентаций, как показывает опыт, совсем не просто.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 118.

Следует особо подчеркнуть, что пропаганда эффективна лишь в соответствующих социально-политических условиях. Образ жизни, экономические отношения обладают не меньшим пропагандистским потенциалом, чем сама пропаганда. Оптимальным поэтому представляется соответствие пропагандистской деятельности реальным социальным процессам, образу жизни данного общества, класса, социальной группы, личности.

Глава VIII

ПРОПАГАНДА ОБРАЗА ЖИЗНИ

§ 1. Реклама буржуазной действительности

Социальное окружение формирует идейные представления не в меньшей степени, нежели прямая политическая пропаганда. С юных лет человек сталкивается с культурными традициями, обычаями, бытовым укладом, проявлениями образа жизни. В ходе социализации, т. е. освоения культурных стандартов, люди обретают политические и мировоззренческие установки. Вот почему этот тип пропаганды можно назвать социализирующим. Пожалуй, он древнее политической пропаганды. Ведь еще до того, как появился особый аппарат идеологического воздействия, окружающая реальность оказывала влияние на человека, закрепляя в его сознании определенные идейные представления.

Не подлежит сомнению тот факт, что окружающая реальность воздействует на сознание людей. Тот или иной образ жизни формирует конкретные эталоны поведения, мысли. Отдельные стороны действительности способны воодушевлять людей, вызывать их энтузиазм. В той же мере социальный уклад, реальные грани повседневности могут вызывать активный протест. Вот почему в истории человечества господствующие классы старались рекламировать наиболее выигрышные для них стороны действительности, которая в их доктринах приобретала приукрашенный вид.

Классики марксизма обратили внимание на содержание пропаганды с помощью образа жизни. Они показали, что сама действительность порождает конкретные социально-политические взгляды. К. Маркс подчеркивал, в частности, что первые социалисты-утописты не только писали книги, в которых пропагандировали социалистические идеи. Они также создавали коммуны, которые реальностью своего существования оказывали мобилизующее воздействие на людей.

У В. И. Ленина есть статья, которая нередко создавала трудности для ее комментаторов, историков журналистики. Че-

рез несколько месяцев после победы Советской власти В. И. Ленин предложил советским газетам сократить число идеологических выступлений. Это казалось неожиданным, ведь буржуазные газеты постоянно клеветали на нашу действительность. О «пропаганде делом», «примером» В. И. Ленин писал много. В статье «О характере наших газет» (1918) он предложил свести до минимума политические рассуждения в печати. В. И. Ленин рекомендовал шире использовать воспитание масс на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни¹. Эти мысли он развивал и в других своих работах.

В нашем столетии буржуазная пропаганда стала активно осваивать возможности данного типа идеологического воздействия. Первенство здесь принадлежит США. Эта страна, рекламируя идеи американской исключительности, превосходства, особой миссии Америки, стала разрабатывать сложную и разветвленную символику, выражающую данную идеологию. Еще Т. Драйзер отмечал, что «многоэтажные здания и вечно спешащие толпы прекрасно иллюстрировали силу, мощь и богатство Америки»².

Американские журналы всегда широко использовали рекламу, показ техники, эмблематику «американской мечты», методику лакировки капиталистической действительности. Элементом этой пропаганды стало сотворение кумиров, «овеществление идеалов». Вот как писатель В. Сароян излагает разговор американских солдат, воюющих в Европе еще в первую мировую войну: «Потом Джо Фоксхол выложил карточку какой-то девицы в купальном костюме — воплощенный секс. Карточка обошла всех, но никто ничего не сказал, и она вернулась к Джо, и он тоже молча на нее посмотрел, и тогда я спросил:

— Кто это, Джо?

— А черт ее знает, — ответил он. Я нашел ее у Вулворта. Она стоила всего десять центов, и я ее купил. Какая-нибудь киноактриса, наверное, которая еще не успела прославиться.

— Так на что она тебе? — спросил я. — Ты ведь ее не знаешь.

— На что она мне? — спросил Джо. — Считается патриотичным иметь при себе портрет какой-нибудь шлюхи. Ты обратил внимание, ведь целые страницы «Янк мэгэзин» заполнены фотографиями голеньких девчонок, верно? А зачем? Чтобы мы не забывали, во имя чего сражаемся. Во имя Ее. Я такой патриот, как и всякий другой. Свой голенький идеал, за который я сражаюсь, я таскаю с собой повсюду. Мне не нужно выискивать его каждую неделю в «Янк мэгэзин». Я предпочитаю обладать своим собственным идеалом, а не всеобщим. За этот свой идеал я заплатил десять центов у Вулворта, и

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 91.

² Драйзер Т. Собр. соч. В 12 т. М., 1955. Т. 11. С. 347.

он принадлежит мне и никому больше. Военное министерство очень ловко придумало эту самую популярную страницу в «Як мэгэзин». Когда посылаешь людей на смерть, надо им сначала показать немножко голеньких девчонок, ясно?»¹.

Опыт американской пропаганды стал объектом теоретического обобщения. Еще в 1923 г. американский теоретик Э. Бернайс рекомендовал изданиям широко использовать приемы скрытого убеждения через демонстрацию красивых вещей, технических достижений, полупристойных снимков. Однако настоящий переворот в этом деле совершил журнал «Плейбой».

Как гласит газетное предание, молодой публицист Хук Хефнер пришел к своему шефу и попросил у него прибавки к недельному жалованью на пять долларов. Тот отказал ему. Тогда разгневанный молодой человек заявил, что он уйдет из журнала и на собственные сбережения будет издавать новый журнал, который, как он выразился, «даст другую философию Америке».

Так оно и произошло. Журнал принес Хефнеру миллионное состояние. Он создал настоящую «Плейбой-империю», вызвал радикальную революцию в журнальном деле. Успех этого издания с присущей ему проблематикой, особенно в последние десятилетия, когда в силу разных причин прекратили свое существование старейшие и известные американские еженедельники — «Кольерс», «Лук», «Лайф», «Вуменс хоум компенион» и другие, — стал загадкой для буржуазных теоретиков.

Многие буржуазные авторы пытались проанализировать феномен «Плейбоя». Проводились специальные исследования для выявления специфики читательской аудитории этого издания. Изучалась тематика номеров. Но, пожалуй, полнее всех раскрыл секрет журнала французский теоретик Жак Эллюль. Он показал, что философия «Плейбоя» не имеет ничего общего с распространением идеологии как совокупности теоретических взглядов путем политической индоктринизации. «Плейбой» стал пропагандировать буржуазный образ жизни не через социальные концепции, а с помощью рекламы вещей, потребительских стандартов, эталонов поведения.

По мнению Эллюля, журнал значительно расширил сферу пропаганды. Он стал законодателем моды, стиля жизни, наставником повседневного поведения. Как обставить интерьер? Что носить? Как завязывать галстук? Что сегодня в ходу? «Плейбой» показал всему журнальному миру, что роскошный особняк или лимузин, представленный на страницах издания, могут оказать неизмеримо большее воздействие на мысли и поведение человека, чем определенная система рассуждений, направленная на «привитие» читателю конкретных убеждений или идей.

¹ Сароян В. Приключения Весли Джексона. М., 1979. С. 168.

В послевоенные годы буржуазная идеология пыталась навязать массам образ «общества всеобщего благосостояния». Для этого нужно было прежде всего распространять среди населения потребительские идеалы. Хефнер открыл огонь против пуританизма, который, как он заявил, отражает общественные умонастроения в Америке. Однако журнал не стал критиковать аскетические идеи как таковые, не стал логически доказывать, что обывателю надлежит «встряхнуться» и вступить на дорогу потребительской гонки.

Журнал попросту стал печатать на своих страницах «соблазнительные» снимки. Фотографии воспроизводили обнаженных красавиц, модные вещи, современные интерьеры. Хитрая политика этого журнала состоит в том, что он избегает превращения секса в единственную тему. Рядом с фотографиями, явно рассчитанными на вкус эротомана, здесь печатаются произведения серьезных писателей — Хемингуэя, Генри Миллера, Нормана Мейлера и других, которые должны утвердить престиж журнала как некоего интеллектуального издания, публикуются интервью со знаменитыми романистами, философами, спортсменами или кинозвездами. Однако ведущее место в содержании журнала занимают не идеи, не рассуждения, а просто символы, отражающие буржуазный образ жизни. К аналогичным приемам стали прибегать и другие американские издания. Потребительская реклама превратилась во влиятельный инструмент духовно-психологического воздействия на массы.

«Ни одна, даже самая изощренная, философская и социологическая концепция, — отмечается в советском труде «Борьба идей в современном мире», — не сделала для пропаганды идеи «общества всеобщего благосостояния» так много, как рекламные проспекты, иллюстрированные журналы, рекламные фильмы, броские и изобретательные витрины товаров, внушительные, тщательно продуманные выставки, демонстрирующие индустриальную и организационную мощь современного капитализма»¹.

Нельзя сказать, что такая позиция буржуазных изданий была сплошным откровением. Американские журналы и раньше широко использовали рекламу, полупристойные снимки, методику лакировки капиталистической действительности. Однако Эллюль в деятельности «Плейбоя» разглядел основание для более широких социологических обобщений. Восхищаясь эффективными способами «уловления умов», который практикует журнал, Эллюль придал термину «социологическая пропаганда» широкий смысл. Он настойчиво проводит мысль о перспективах, которые открываются перед этим видом духовного совращения.

---

¹ Борьба идей в современном мире. М., 1976. Т. 2. С. 36.

Пропаганда, по словам Эллюля, может быть политической и социологической. Первая и есть то, что обычно называют пропагандой. Речь идет о методах психологического воздействия, которыми пользуются правительства, партии, чтобы привлечь на свою сторону массы. Эта пропаганда, подчеркивает Эллюль, имеет ясно обозначенные политические цели и осуществляется путем идейного воздействия на людей.

Если традиционная политическая пропаганда стремится распространить идеологию, чтобы заставить людей принять ту или иную политическую и экономическую систему, то «социологическая пропаганда» действует в обратном направлении. Это убеждение окружением, общей атмосферой жизни. Предположим, в США издавна культивируются настроения показного оптимизма. Эта атмосфера с детских лет окружает американца, она становится неотъемлемым элементом действительности, и хотя это не пропаганда в прямом значении слова, но она обладает несомненным пропагандистским потенциалом.

К «социологической пропаганде» Эллюль относит всю совокупность проявлений социального строя, с помощью которых данное общество «пытается интегрировать максимальное число индивидов, унифицировать их поведение в соответствии с определенной моделью, распространять свой образ жизни и тем самым навязывать его другим группам»¹. Суть этой пропаганды Эллюль определяет как «проникновение идеологии с помощью ее социологического контекста»².

В современном буржуазном обществе действительно складываются различные формы пропаганды — прямое политическое воздействие на людей, скрытое насаждение определенных представлений, распространение конкретных «зримых», «материальных» продуктов промышленного производства. По словам Эллюля, особенность «социологической пропаганды» в том, что она «по природе своей распылена». Она редко осуществляется с помощью лозунгов или с помощью четко выраженных намерений. Наоборот, она основывается на общем климате, на атмосфере, которая влияет на людей незаметно, не выступая в роли пропаганды; она «добирается» до человека через его привычки, через его самые неосознанные обычаи. «Она создает в нем новые привычки; это вид внушения изнутри»³.

Хотя Эллюль выступает с позиции «социального критика», т. е. стремится «изобличить» империалистическую пропаганду, показать ее тираническую власть над человеком буржуазного мира, все же его концепция объективно содержит в себе четкий идеологический смысл: она маскирует действительные цели

¹ *Ellul J. Propaganda. N. Y., 1973. P. 100.*

² *Ibid. P. 110.*

³ *Ibid. P. 64.*

господствующей буржуазии, поскольку Эллюль дает искаженную трактовку тех процессов, которые он анализирует.

Прежде всего не выдерживает критики его представление о «социологической пропаганде» как пропаганде «ненамеренной», т. е. не входящей в прямые расчеты господствующего класса. Такое разграничение кажется логичным лишь по видимости. Оно создает иллюзию, будто определенные виды идеологического воздействия на людей рождаются сами по себе, в самой действительности и не имеют поэтому отношения к политическим целям буржуазии.

Буржуазная социология не впервые выдвигает такое представление. В данном случае французский социолог лишь повторяет тезис, сформулированный апологетами капиталистического строя, менеджеристски ориентированными исследователями. Например, Л. Доуб задолго до Эллюля пытался разделить пропаганду на два вида — преднамеренную (интенциональную) и непреднамеренную (неинтенциональную).

Оправданно ли такое разграничение? Даже сами буржуазные социологи отмечают, что в этом случае понятие пропаганды утрачивает всякий смысл, ибо оно становится беспредельно широким¹. К непреднамеренной пропаганде можно отнести едва ли не всю реальность. Но суть дела вовсе не в терминологических тонкостях. Стремление господствующей буржуазии внедрить свою идеологию с помощью навязывания образа жизни ни в коей мере нельзя признать случайным, непреднамеренным, возникающим независимо от общих стратегических замыслов этого класса.

Эллюль сам вынужден признать, что суть «социологической пропаганды» — своеобразное проникновение идеологии. Но идеологический процесс не разворачивается спонтанно, стихийно. Он направляется господствующими силами общества, которые используют различные средства духовного влияния для целеустремленного навязывания массам своих интересов, выгодных буржуазии взглядов и идей.

По мнению Эллюля, привычки, ценности, бытующие в капиталистическом обществе, по своему характеру «деидеологизированы», лишены политического содержания. Однако на самом деле именно в ценностях находят свое отражение те или иные идеологические представления. В условиях классового общества нравственные нормы, традиции, идеалы не нейтральны. В них выражена господствующая идеология.

В этом смысле деление пропаганды на политическую и «социологическую», введенное Эллюлем, носит весьма условный характер. Разве проповедь потребительства, техннцизма, расширение психологии гедонизма, насаждение представлений о превосходстве американского образа жизни не ставят

¹ См.: Publizistik. Konstanz. 1972. N 2. S. 155—164.

перед собой конкретных политических целей? Образ жизни как интегральное понятие наглядно выражает социальную природу того или иного общественного строя, присущий ему образ мысли.

Эллюль трактует «социологическую пропаганду» как сугубо инструментальную проблему. Он стремится охарактеризовать ее как особую разновидность манипулирования, имеющую специфические формы и методы. Однако французский социолог не затрагивает классово-идеологическую подоплеку такого манипулирования. Поэтому возникает антинаучное представление, будто «социологическая пропаганда» не столь тенденциозна, как политическая. Ведь она опирается на действительность, на такие явления, которые существуют реально, «овеществлены», представлены в виде достижений техники, архитектурных комплексов, предметов роскоши.

Однако, как свидетельствует практика капиталистического мира, сама «реальность» может оказаться неподлинной, откровенно реакционной, «спровоцированной». Государственно-монополистический капитализм обладает внушительным богатством, которое позволяет ему поддерживать идеологические стереотипы, расхожие пропагандистские клише не только с помощью доктрин, но через «соблазнительные» приметы буржуазного образа жизни.

Капиталистический мир в массовом масштабе «творит» сегодня рекламную действительность. Целые отрасли промышленности становятся индустрией «запрограммированных ощущений» массового потребителя. Простой перелет из одного места в другое авиакомпания предлагает в психологической упаковке как путешествие с продуманной стилизацией; целые жилые районы превращаются в «иллюстрации» роскоши и комфорта, а фешенебельные курорты — в демонстрацию определенного «качества жизни». На «должном» потребительском уровне поддерживается также благосостояние определенных слоев населения. Так, руководитель автомобильной фирмы в Дюссельдорфе (ФРГ) издал распоряжение, согласно которому рабочие предприятия имеют право купить автомобиль данной фирмы за полцены. Почему же предприниматель идет на такие издержки? Он прекрасно понимает, что убытки перекроются пропагандистским эффектом. «Акция» создает иллюзию «партнерства» между «щедрым хозяином» и «верными рабочими». Она наглядно демонстрирует «преимущества» капиталистического образа жизни.

Но все это призвано скрыть поразительные контрасты богатства и бедности, произвола и бесправия, власти и обездоленности, «укорененные» в самой действительности буржуазного образа жизни. Реальность в ее рекламно-навязчивых формах становится инструментом расчетливой манипулятивной пропаганды, средством психологической обработки масс. Бур-

жуазные агентства пытаются создать впечатление о чуть ли не райской жизни при капитализме.

Свифт создал едкую сатиру на ученых, которые, охваченные манией реформаторства, постановили ради сохранности легких и во избежание пышных фраз вообще отменить слова, а речь заменить жестами, с помощью которых можно указывать на предметы. Чтобы общение было разносторонним, людям вменялось носить на себе как можно больше конкретных предметов. Буржуазная пропаганда сегодня тоже изо всех сил старается избежать слов там, где можно направить перст на вещи, символы, эмблемы, приметы буржуазного образа жизни.

В результате резко расширяется сфера империалистической пропаганды. Она захватывает сегодня не только те проблемы, которые волнуют общественное мнение, служат объектом острых идейных столкновений, но и такие вопросы, которые станут актуальными завтра, через определенный промежуток времени. Не случайно Эллюль называет «социологическую пропаганду» предпропагандой. Она направлена на подсознание масс, на его различные сферы, строится с дальним прицелом.

В современных условиях, когда начинается широкий обмен информацией между странами, принадлежащими различным социально-экономическим системам, империалистическая пропаганда рассчитывает насаждать свою идеологию путем рекламы буржуазного образа жизни. Сейчас империалистическая пропаганда ищет способы опосредованного проникновения в сознание народов других стран.

В день открытия Олимпийских игр в Лос-Анжелесе в небе над стадионом «Колизеум» появился парящий человек. Он был облачен в серебристый скафандр. Солнечные лучи играли на его шлеме. Описав в воздухе дугу, космонавт опустился в центре зеленого поля среди гимнастов и гимнасток с золотыми шарами. «Супермен» воплощал в себе не только эффектный компонент церемонии открытия спортивного праздника. Он рекламировал «неоспоримые» преимущества Америки как супериндустриальной державы. Появление человека в скафандре над колоннами спортсменов было частью хорошо сретированного пропагандистского спектакля.

Но можно ли вести пропаганду без слов? Способна ли сама картина жизни оказывать идеологическое воздействие? «Социологическая пропаганда» используется не только для разжигания потребительских инстинктов. Она пытается придать «товарный вид» и чувству патриотизма. После войны во Вьетнаме, которая была исключительно непопулярной у самих американцев, службы общественного мнения зафиксировали падение национальной гордости. Чтобы хоть как-то исправить положение, буржуазные предприниматели выбросили на прилавки рубашки и майки с изображением американского национального флага.

Через несколько лет специалисты облегченно вздохнули: «акция» принесла кое-какие перемены.

Политиканы буржуазного мира стараются всеми средствами утвердить миф о «величии» Америки. По разным поводам чуть ли не ежедневно в США звучит американский гимн. «Избранная богом и созданная людьми, ты — Америка! Богатая, недосягаемая, исключительная, ты — Америка!» С этих слов начинается раннее утро в США. Эти заклинания раздаются с церковной паперти, с университетской кафедры, с телевизионного экрана. Ими пестрят газеты и журналы.

Характерно, что известный канадский социолог М. Маклюэн, который восторженно принял мысль Эллюля о расширении сферы буржуазного манипулирования сознанием людей, определил в связи с этим пропаганду как то, что греки называли «перивалло», т. е. нанесением ударов со всех сторон¹. Идеологическая стратегия империализма включает в себя не только прямое политическое индоктринирование, она активно использует и методику «социологической пропаганды». Сам Маклюэн в последние годы жизни возглавлял исследовательский проект, смысл которого состоял в том, чтобы через так называемые культурные мутации «разрушить» («ослабить») цивилизационные признаки развивающихся стран и проложить дорогу «модернизации» этих стран.

«Социологическая пропаганда» осуществляется через печать, радио, телевидение, кино, туризм, выставки, культурные контакты и т. д. Например, ФРГ использует в этих целях газеты, журналы, брошюры, кино, телевидение, выставки, деловые и туристские поездки, выступления за рубежом официальных деятелей Бонна. О том, какой размах приобретает эта деятельность, говорит тот факт, что ФРГ расходует ежегодно на пропаганду за рубежом около 500 млн. марок.

Концепция Эллюля по внешнему своему облику направлена против империалистической пропаганды, ее сложившейся структуры, организации, форм и методов воздействия на общественное сознание. Однако, вопреки общему пафосу Эллюля, который выступает против технической рациональности, защита человека с позиции христианского гуманизма, его концепция прежде всего явилась обобщением уже сложившейся практики империалистической пропаганды, систематизацией уже накопленного ею опыта. Вместе с тем она оказалась фактическим обоснованием новых тенденций журналистской практики.

Навязывание буржуазного образа жизни во многих изданиях ведется именно по рецептам Эллюля. Миллионными тиражами распространяются за рубежом такие издания, как «Ридерс дайджест», «Нэйшнл Джиографик». Пропаганда ведется под видом «объективной информации», «добрых советов»,

¹ См.: Курьер ЮНЕСКО. 1972. Январь. С. 16.

«житейской мудрости», насаждается культ вещей как символ успеха и процветания. Буржуазные издания внушают идеи «американизма», поддерживают потребительские установки и ценности.

Набор рекламы, внешне броское оформление журнала, содержание текстов к снимкам призваны в этих изданиях создать общее ощущение благополучия, комфорта, уверенности, исподволь провести мысль о стабильности американской экономики и политической системы, внедрить в сознание радужную картину образа жизни в США.

В буржуазной литературе появились исследования, направленные на изучение методики «социологической пропаганды». Например, французский социолог Муссо проанализировал данную методику на примере журнала «Плейбой»¹. Определенные «заходы» в эту сферу выявились в новых изданиях итальянского автора М. Эйдалина². Американский социолог Б. Андерсон рассмотрел эту проблематику на материале культурной жизни современной Индонезии³.

Б. Андерсон рассматривает две формы политической коммуникации в стране, одна из которых опирается на «прямую речь», а другая — на «символическую». В разряд «символических» видов коммуникации он включает архитектурные и скульптурные памятники, ритуал, рекламу, фильмы, карикатуры. Исследователь приходит к выводу, что «символическая коммуникация» приобретает в политической жизни страны все большее значение. Он рекомендует учитывать эту особенность и при осуществлении идеологического влияния США на страны «третьего мира».

Широко использует методику «социологической пропаганды» буржуазное радиовещание и телевидение. «Голос Америки», например, еженедельно, с двумя, а то и с тремя повторами передает «Джазовую программу», «Музыку для танцев». Программы поп-музыки и джаза регулярно звучат в передачах Би-би-си. Как сообщает ЮНЕСКО, 48% передач «Немецкой волны» — это музыка, информация о спорте и церковные сообщения. Музыка — постоянный спутник «Радио Канады», «Радио Швеции», «Радио Израиля». Излагая биографии кумиров публики, певцов, композиторов, «Немецкая волна» пытается создать образ «баловня судьбы», «удачника». Настойчиво проводится мысль о том, что на Западе каждый может стать миллионером, обрести райскую жизнь, живописуются модные курорты, рестораны, гастрольные маршруты.

¹ См.: *Mousseau I.* Long dollars pour un empire. Le «fenomene „Playboy“». Paris, 1970.

² См.: *EydaLin M.* La propaganda ideologica en el contexto de la informacion//Estudios de informacion. Madrid, 1970. N 13. P. 103—108.

³ См.: *Anderson B.* Notes on contemporary Indonesias political communication//Indonesia. 1978. N 16. P. 38—80.

Буржуазное телевидение готовит программы, в которых демонстрируются ценности западного образа жизни, рекламируется мир техники, индустриальная мощь капиталистического строя. «Социологическая пропаганда» широко использует моду, приемы лакировки буржуазной действительности, обычаи. Она стремится навязать общественному мнению образцы для подражания в виде кумиров, «звезд» и т. д. Через персонифицированные образы осуществляется проповедь потребительства, гедонизма, расизма.

Рекламные агентства постоянно прививают потребность в быстрой смене моды. Таким путем империалистическая пропаганда стремится усилить потребительские настроения, усовершенствовать манипулирование коллективными потребностями, индивидуальными запросами. Однако все это вовсе не означает, будто «социологическая пропаганда» далека от политики. Напротив, в последнее время возникают так называемые смешанные жанры, объединяющие в себе слова и зримый образ, призыв и кусочек рекламной действительности. Например, канадское телевидение широко использует рекламу, образно-документальные формы воспроизведения действительности. Это выглядит пестро, кричаще, броско. Но вот между двумя художественными фильмами небольшая пауза. На экране появляется молодая красивая девушка. Нет, это не диктор, не политический обозреватель, не ведущая программы. Это, так сказать, «кусочек жизни», «социологический фрагмент». Девушка, одетая по последней моде, проходит на фоне роскошного интерьера и скрывается... Возможно, она намеревалась показать свою красоту. А может быть, продемонстрировать моду. Возможно, но эффектная красотка успеваешь выкрикнуть антисоветский лозунг. Разумеется, он может застрять в сознании, пробившись сквозь облако несколько однообразных кинопечатлений.

Другой пример. Показав по американскому телевидению передачу о социальных и политических завоеваниях советских женщин, в которой были кадры: молодая ткачиха, стоящая у станка, учительница, выступающая с трибуны советского парламента,— ведущая программы лицемерно заметила: «К сожалению, американская женщина ничего этого не имеет». А на экране зрители увидели зрелую даму, возлежащую в шезлонге с иллюстрированным журналом, курортные виды в Майями-Бич. Расчет прост: такой прием способен нейтрализовать впечатление от советских документальных кадров.

«Социологическая пропаганда» не так безобидна, как может показаться на первый взгляд. Парень, нацепивший на себя майку с надписью «Переспи, крошка», попросту хочет шокировать публику. Но эмблемы и различные «вещички» используются буржуазной пропагандой и для идеологических диверсий. Организаторы их убеждены в том, что прямая политиче-

ская обработка должна предваряться рекламой соответствующей атрибутики, навязыванием чуждой нам символики.

Вот характерные примеры. «На фоне эмблемы с изображением поднятого кулака и звезды Давида — крупным планом бородатая физиономия раввина Меира Кехане. «Герой» этого пропагандистского ролика, переданного по израильскому телевидению перед недавними выборами в кнессет, отнюдь не читает мирные проповеди в синагогах во имя спасения заблудших душ. Махровый экстремист и неонацист Меир Кехане ведет борьбу с «арабским терроризмом». Сегодня он дорвался и до трибуны кнессета»¹.

Не назовешь политически нейтральным распродажу американских маек для спортсменов, на которых красуется девиз — «Убей русского!». Кстати, когда в американских кинозалах после демонстрации клеветнического антисоветского фильма «Красный рассвет» вспыхивает свет, начинается и бойкая торговля майками, на которых антисоветские призывы. Воистину, удары со всех сторон...

Стало уже традицией сопровождать политические спектакли на Западе продуманным и расчетливым корабейничеством. Национальный съезд республиканцев в Далласе накануне президентских выборов включал в себя не только дискуссии. На вынос шла бойкая торговля. Продавались золотые сувенирные пряжки к ремням, бронзовые статуэтки слона — символа республиканской партии. В ходу были и недорогие вместительные кружки с изображением президента Рейгана.

Пытаясь создать извращенный образ политики Советской страны, буржуазные пропагандисты еще в первые годы после революции исподволь проводили мысль о том, будто большевики хотят взорвать земной шар. В западных газетах помещались карикатуры с изображением бородатого большевика в армяке, прячущего за спиной огромную бомбу.

§ 2. Символика в антисоветской пропаганде и задачи контрпропаганды

Задача советской контрпропаганды состоит в том, чтобы разоблачать методику «социологической пропаганды», которую ведут буржуазные агентства. Вместе с тем важно использовать также возможности пропаганды советского образа жизни для распространения наших представлений и идеалов. Современная идеологическая борьба захватывает широкий спектр идейных размежеваний. Занятые теоретическими спорами, мы не всегда обращаем должное внимание на «картинки», «рисунки на майках», «рекламные проспекты». А ведь они призваны реализовать определенные идеологические цели. Привезенные из-за границы

¹ Галустов Ю. Фашист в кнессете // Комсомольская правда. 1984. 2 дек.

нательные крестики — это не сувениры. Это продуманная идеологическая акция.

Вот характерные примеры. Молодежь нашей страны не заражена богоискательством, как это происходит на Западе, где широкое распространение получили неохристианские и восточные культы. Разумеется, буржуазные идеологические центры хотели бы привить нашим юношам и девушкам эксцентричные, модные религиозные увлечения. Но осуществить это по линии прямой пропаганды не так-то просто. И вот организаторы идеологических диверсий ищут обходные пути. Они знают: любое идейное поветрие размывает мировоззренческую стойкость, порождает «инакомыслие».

Несколько лет назад в г. Уфе началась тайная и весьма активная торговля нательными крестиками. Откуда они появились? Каким образом их оказалось так много? Вскоре выяснилось, что трудится над этой атрибутикой не кустарная артель. Крестики проделали длительное путешествие, прежде чем оказались на уфимской земле. В массовом масштабе стало распродаваться и изображение Христа в виде хиппи с гитарой. А вскоре появились и секты юных поклонников Христа. Понадобилась активная воспитательная работа, чтобы разъяснить молодежи, что «домашняя библия», которую некие «доброжелатели» передают юношам и девушкам, — это только начало идеологической работы.

Разнообразной символикой располагают и восточные религиозные секты. Здесь и особые украшения, и амулеты, и таинственные знаки. С них и начинается вербовка в секты, которая обращивается потом едва ли не полной потерей индивидуальности для легковверных. Важно также отметить, что многие «идейные поветрия», бытующие на Западе, не имеют развернутого доктринального оформления. Вот почему огромная идейная нагрузка при этом ложится именно на всевозможную «атрибутику».

Если в классическом виде идеология представляла собой относительно завершенную систему взглядов, то в современном буржуазном обществе то и дело возникают конкретные умонастроения, активно вербуяющие своих сторонников, но лишенные необходимой стройности, а иногда и сколько-нибудь определенной «выраженности». Перегруппировка социальных сил в современном буржуазном обществе происходит так быстро, что серьезное аналитическое формулирование новых духовных веяний заметно отстает от реального функционирования тех или иных общественных движений. Теоретическая слабость многих течений состоит именно в том, что они идейно рыхлы, фрагментарны, пестры.

Вот почему строительным материалом тех или иных «мировоззрений» оказываются зачастую не идеи как таковые, а некие образно-чувственные и декоративные комплексы. Так, «Иисус-революционеры» на Западе используют в качестве «мобилизи-

рующих средств» различные символы — воздетый кверху палец, подаренную астру и т. д. Известно, что западные идеологические центры привлекли сейчас различных специалистов — знатоков геральдики, мастеров рекламы, дизайнеров — для выработки условного языка пропаганды тех или иных взглядов. Торжества и процессии, короны и гробницы, гербы и гимны широко используются для воспитания гражданского повиновения.

Но еще шире символика «социологической пропаганды» используется для навязывания разного рода «идейных поветрий». В ФРГ, например, торгуют «вещами», принадлежащими нацистским лидерам. Продаются «дневники», якобы оставленные Гитлером, возрождаются забытые ритуалы. Напомним, что фашистское приветствие вытянутой на уровне плеча правой рукой взято из масонских ритуалов. В Западной Германии немало подпольных фашистских организаций. Молодые люди, вовлеченные в них, носят форму с эмблемами на черных рубашках.

При обысках в этих организациях неизменно обнаруживают фашистские свастики и другие национал-социалистские символы, различный пропагандистский материал. Для рекламы фашистской идеологии широко используется «нацистский антиквариат» — книги Гитлера, кинжалы, ордена и знаки отличия. Для борьбы с коммунизмом ЦРУ организует «маскарады» и на других континентах. Молодые венесуэльцы, облаченные в черно-красную униформу, ведут антикоммунистическую пропаганду с помощью знакомых символов — средневековый воин, подающий сигнал тревоги в боевую трубу, и «меч возмездия», призванный покарать «неверных».

Империалистическая пропаганда широко использует также рекламные ролики, цель которых с помощью символов и «картинок» внушить верноподданнические чувства. Оценивая характер предвыборной кампании в США, А. Толкунов пишет: «И вновь всеми цветами радуги переливается звездно-полосатый шовинизм: по очередному телеканалу в который уже раз прокручивают рекламный ролик, прославляющий хозяина Белого дома. Более двухсот раз на телеэкране развевается американский флаг, а президент то и дело мелькает в окружении людей в военной форме, в том числе и храбрых морских пехотинцев, раздавших своими сапогами свободу и независимость Гренады»¹.

Методика «социологической пропаганды» используется и для организации различных провокаций. Так, для имитации мнимого военного нападения советских самолетов на США во время учений военно-воздушных сил НАТО была создана фальшивая воздушная эскадра, получившая название «Агрессор». Вынырнувший из-за облаков самолет стремительно взял курс на Великобританию. На его крыльях ярко выделялись красные звезды.

---

¹ Толкунов А. Звездно-полосатая карусель. Заметки о предвыборной кампании в США//Правда. 1984. 29 окт.

Круживший над прибрежным районом «Фантом» британских военно-воздушных сил, набирая высоту, понесся навстречу атакующему истребителю. Все это грандиозная маскарадная затея, призванная укрепить ненависть к «краснозвездным».

А вот еще один пример «бессловесного», «окольного» убеждения масс в «коварстве» русских. На глянцевой обложке две сцепившиеся в поединке «кто кого положит» руки с упирающимися в стол локтями и набухшими от напряжения бицепсами. На запястье одной из рук — атлетическая повязка с серпом и молотом и надписью «СССР». Ручища устрашает обилием волосяного покрова и внушительными изгибами мышц.

Как можно противостоять этим акциям? Прежде всего вспомним, что социалистическая пропаганда опирается на собственную символику, которая обладает огромным воспитательным смыслом. В. И. Ленин в свое время весьма серьезно отнесся к атрибутам советского герба. Он рекомендовал отказаться от изображения меча, ибо нашей идеологии чужды воинственные мотивы. Зато соединение серпа и молота на фоне колосьев отлично отражает дух нашего мировосприятия.

А голубь мира, созданный П. Пикассо? Ведь это изображение, ставшее символом движения за мир, хорошо отразило устремления миллионов людей. Пикассо предложил его в 1947 г. для I Всемирного конгресса сторонников мира. Кто не знает сегодня белого голубя с оливковой ветвью в клюве?

Имеют свои символы различные конференции и конгрессы, отражающие дух социалистической идеологии. Так, софийские писательские встречи, проводящиеся с 1977 г., неизменно открываются «Одой к радости» Бетховена. Есть у них и своя эмблема, свой постоянный девиз «Мир — надежда планеты», и свой символ — колокол, отлитый из гильз снарядов, выпущенных во время минувшей войны. Этот колокол подвешен внутри оригинальной ажурной конструкции.

Но можно ли сказать, что мы уже удовлетворили нашу потребность в символах нового мира? Вероятно, можно было бы сегодня объявить массовые конкурсы на лучшую эмблему трудовых инициатив, революционных праздников, спортивных увлечений. Стоило бы привлечь к этому начинанию и телевидение. Это помогло бы изучению нашей истории, революционных традиций, имело бы несомненный воспитательный смысл.

Показ преимуществ советского образа жизни, достижений социализма, новых традиций, обрядов и обычаев, рожденных народным творчеством, — важная задача социалистической пропаганды. Праздник урожая, торжественная клятва молодоженов, романтические традиции усиливают эмоциональную сторону воздействия социалистической идеологии. Вот почему в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи» отмечено, что необходимо с детских

лет прививать молодежи уважение к славной истории Отечества, Гимну Советского Союза и Государственному флагу страны.

Пропаганда содействует утверждению сложившегося образа жизни, под которым подразумеваются типичные для исторически конкретного социального строя формы жизнедеятельности личности, классов и народов, характеризующие особенности их общения, поведения и образа мышления в области труда, быта, общественно-политической практики.

В социалистическом обществе личность с ее коммунистическим сознанием, поведением и социальной активностью является мощным двигателем и ускорителем общественного развития, что наилучшим образом характеризует преимущества социалистического образа жизни. Неиссякаемы «золотые россыпи» души советского человека, сумевшего шагнуть через серые обычаи, нравы и традиции к коммунистической нравственности.

Буржуазному образу жизни с его индивидуализмом, отсутствием подлинного демократизма, негуманным отношением к человеку, социальным пессимизмом, попранием человеческого достоинства, антагонистическими противоречиями между интересами личности и общества, шовинизмом и национализмом, культом наживы, насилия противостоит социалистический образ жизни. Какие его черты надлежит показывать в каждодневной пропаганде? Прежде всего коллективизм, подлинный демократизм и гуманизм, социальный оптимизм, чувство человеческого достоинства, товарищеской взаимопомощи, интернационализм и патриотизм, уважение к труду и трудящемуся человеку, социальное равноправие, бережное отношение к культуре, к духовным ценностям, высокую сознательность, непримиримость к недостаткам.

Пропагандируя советский образ жизни, необходимо сегодня показывать высокое достоинство труда. В. И. Ленин отметил в свое время, что буржуазная пропаганда стремится сделать «предмет национальной гордости» из различных достижений капиталистической экономики. Какие безграничные возможности открываются перед социалистической пропагандой, которая может зримо, наглядно раскрыть преимущества общественной собственности на средства производства!

Экономический и социальный прогресс СССР опирается на высокоразвитые производительные силы: на мощную передовую промышленность, крупное, коллективное, основанное на современной технике сельское хозяйство, на крепкую строительную индустрию, разветвленную сеть производственной инфраструктуры. Показ мира техники и технологии, промышленных выставок, достижений микроэлектроники и биотехнологии способен создать в сознании аудитории образ реального социализма.

Дальнейшему подъему всех советских республик в значительной мере способствует решение таких крупных общесоюзных народнохозяйственных задач, как освоение топливно-энергетиче-

ских и сырьевых богатств районов Сибири, Дальнего Востока и Севера, зоны БАМа, развитие Нечерноземья. Демонстрация этих грандиозных комплексов может активно использоваться в целях контрпропаганды.

Поведение человека в сфере труда опирается на вековые традиции, на весь культурный и цивилизационный уклад жизни. Поэтому привычки, способы самораскрытия, отношение к миру формируются именно в основной сфере жизнедеятельности. Социализирующая пропаганда способна показать мир профессий, конкретные примеры освоения новых видов труда, перестройку вековых представлений о достоинстве труда, его преобразующем содержании.

Пропаганда советского образа жизни ориентирована на показ ростков коммунизма во всех сферах социалистического бытия. В частности, человечество сегодня является свидетелем того, как свыше ста наций и народностей, сплотившись в единый союз, обогащают своими художественными и научными открытиями общую культурную сокровищницу социализма и мировую культуру. Плодотворное развитие духовной культуры, литературы и искусства народов нашей страны происходит во всех республиках, краях, областях и округах в ярком многообразии национальных форм. Величественные свершения в истории мировой культуры можно показывать не только языком общих цифр, статистики, не только в абстрактно-теоретической форме. Здесь огромный простор и для социализирующей пропаганды. Реальные факты сближения культур, многоцветие талантов, фактическое многоязычие, уважение к истории и современности — все это можно раскрыть на реальных, зримых примерах самой действительности.

Огромны возможности пропаганды и в изобличении буржуазной действительности. Газеты и журналы нередко печатают сведения о статистике безработных. Однако общие цифры важно дополнять наглядными примерами. Сильное эмоциональное впечатление оставил, например, снимок, помещенный многими изданиями: на нем был изображен тот миг, когда открылась биржа труда и безработные, обгоняя друг друга, устремились к своему единственному, вероятнее всего, несбыточному шансу... Такая картина наглядно раскрывает ужас безработицы.

Мощные манифестации, массовые стачки рабочих и служащих, которые проходят в капиталистических странах, демонстрации сторонников мира — все это достаточно наглядно раскрывает накал классовых столкновений. Важная особенность развернувшихся ныне классовых битв состоит в том, что экономическая борьба перерастает в выступления против своей системы государственно-монополистического господства. Показ этих реальных событий значительно обогащает методику советской социализирующей пропаганды.

Растущий масштаб классовых схваток, ведущую роль в кото-

рых играет пролетариат, означает, что в движение вовлекаются все более широкие массы, которые сплываются вокруг рабочего класса, используют формы его борьбы, воспринимают политические оценки и программные установки коммунистических партий, элементы научно-социалистического мировоззрения. События наших дней убедительно показывают, что в процессе этих выступлений все решительнее дается отпор воинствующей реакции, авторитарным и профашистским тенденциям, антикоммунизму и антисоветизму.

Надо обратить внимание и на разоблачение буржуазной эстетики, выражающей чуждые нам ценности и идеалы. В первую очередь это относится к пропаганде милитаризма, которая нередко принимает форму рекламы «боевого духа», «мощи», «технического превосходства», «галактического порядка». Важно разоблачать также все формы потребительства. Буржуазная реклама искусна. Вот на мужской рубашке изображение усатого мужчины с черной повязкой на глазах. Или узоры татуировки. Или фотографии охотничьих костюмов на фоне коттеджа. Все это разные формы рекламы не только товаров, но и «сто процентного американизма».

Американское телевидение практикует своеобразное представление — «римейк» (нечто пересотворенное). Цель этого зрелища — «помочь» человеку совершить путешествие во времени. Предположим, часть аудитории испытывает тоску по прошлому. Эти зрители склонны поэтизировать старину, ушедший стиль жизни с его традициями и этикетом. Буржуазные продюсеры готовы воссоздать этот мир во всей его материальной конкретности. И вот на экране возникает видения ушедшего времени. Появляются кабриолеты с высоким рулем и спицами в колесах. Комнаты, где происходит телевизионное действие, обставлены мебелью в стиле «буль», «помпадур», «чипендейл». Персонажи облачаются в костюмы минувших веков. В обиход вводится новый термин «пассеизм», т. е. приверженность старине.

Разумеется, и в этом случае можно говорить о стремлении буржуазной пропаганды усилить наркотические эффекты, отвлечь от действительности. Но ведь в приведенном примере наличие ориентация и на некоторые культурные факторы — на патриархально-консервативные унаследования, на тоску по прошлому и т. д. Не случайно возникают многочисленные разновидности «римейка» — печального, идиллического, морализующего, поучающего.

Буржуазные агентства пытаются привить ненависть к нашим символам. Комиссарские тужурки, пилотки, звездочки, сибирские дубленки в буржуазной «массовой культуре» изображают мир деспотизма, коварства, угрозы. В целях контрпропаганды, разоблачения аргументов и приемов буржуазного манипулирования общественным мнением надо показывать истинный смысл этих методик.

Сохраняет актуальность задача теоретического разбора буржуазных концепций «социологической пропаганды». Не подлежит сомнению тот факт, что информация в наши дни проходит через горнило тотальных символических систем (телевидение, кино, печать). В результате этой массивированной символизации в массовом сознании укрепляется ощущение иллюзорности реального мира. Иначе говоря, именно мир обозначений воспринимается как единственная реальность.

Однако буржуазные теоретики на этом основании склонны принижать роль теоретической пропаганды. Некоторые из исследователей «социологической пропаганды» полагают, что отныне распространение идеологии следует понимать не идеологически, т. е. не как проповедь конкретной «ортодоксии», а как совокупность определенных структур, абстрактных символов, влияющих на восприятие, мышление и поведение аудитории¹.

В частности, Ж. Эллюль отмечает, что информация, транслируемая широким массам, утрачивает какую бы то ни было связь с эмпирической реальностью, становясь столь же фиктивной, как образы рекламы. Основная мысль исследований Эллюля последних лет — всемогущество буржуазной пропаганды². Рассуждая о возможности революционного преобразования современного капиталистического общества, он приходит к выводу, что все попытки осуществления конкретной социальной программы приводят к негативным общественным последствиям. Единственное, что может сделать социолог, — это раскрыть безвыходность положения, в котором находятся сегодня люди. К этой задаче и приступает Эллюль.

Современный человек, по его словам, живет в мире, где тиранически и полновластно господствует пропаганда. Сфера ее влияния за последние десятилетия необычайно расширилась. Ныне все, что окружает индивида, — повседневная жизненная практика, мир вещей, реклама и искусство — все пропитано пропагандой и более того, — становится ею. Вырваться из оков пропаганды человек не может, ибо она культивирует наркотические эффекты, которые давно стали потребностью человека.

Правильно подмечая многие процессы, присущие современной буржуазной организации, Ж. Эллюль делает из этого неправильные выводы. Он придал термину «пропаганда» предельно широкий смысл. Эллюль включил в это понятие не только все духовные процессы, но также и различные стороны повседневной общественной практики, проявляющейся в экономической деятельности людей, в образе жизни и т. д. Таким образом, грань между реальностью и пропагандой у Эллюля фактически

---

¹ См.: *Haratonik P. L., Moran T. P. Foreward//ETS. San-Francisco. 1979. Vol. 36. N 2. P. 116.*

² См.: *Ellul J. L'ideologie marxiste-chretienne. Paris, 1979; Ellul J. Changer de revolution. Paris, 1982.*

стерлась. В мире, по его мнению, нет ничего, что не явилось бы одновременно пропагандой.

Научный коммунизм показывает, что сознание людей обусловлено их общественным бытием. Разумеется, положение человека в системе социальных отношений закономерно, хотя и не автоматически определяет его мировосприятие. Однако правомерно ли социально-исторический контекст жизни людей, их повседневную практику классифицировать как особый тип пропаганды? Такой подход стирает всякое различие между социальной действительностью и пропагандой как процессом истолкования, оценки этой действительности с точки зрения того или иного класса.

По мнению Эллюля, содержание пропаганды не играет отныне решающей роли. Подобно тому как религия может функционировать лишь на основе абсолютного и некритического послушания, так и пропаганда ориентирована на конформистское сознание. Здесь французский социолог отвлекается от реальных противоречий буржуазной пропаганды, от порожденных ею парадоксов. Увлеченные возможностями пропаганды, рассчитанной на формирование конформистского сознания, зарубежные специалисты по «налаживанию» социальной системы ориентировались на определенные психологические механизмы, определяющие особенности восприятия мира, поощряли их всемерное развитие и, таким образом, создавали почву для кризиса буржуазного манипуляторства. Конформистское сознание становится аморфным и пластичным, теряет свою внутреннюю системность и самостоятельность. Поэтому часто оказывается невозможным закрепить в нем и сами успехи массовой пропаганды.

Обработка такого рода с помощью художественных стереотипов, методики «социологической пропаганды» захватывает лишь поверхность оболочки сознания, внутренне устойчивое ее содержание приравнено к нулю. История современного общества не знает такой ситуации, которую К. Ясперс рассматривает как состояние абсолютной стабильности внутри какого-нибудь тоталитарного режима. В том-то и дело, что конформистское сознание подобно резиновой груше, оно в этом смысле бесформенно и действует, по образному выражению американского социолога Д. Рисмана, не как гироскоп, а как радар. Оно не в состоянии сформулировать или представить прочно интегрированную систему взглядов или художественных представлений.

Конформистское сознание оперирует стереотипами, которые нередко функционируют как отдельные кристаллы, выпавшие из цельного мирозерцания и получающие подчас неожиданную, случайную и индивидуальную модификацию. Вот почему именно обращение к творческому, внутренне активному и цельному сознанию, способному раскрыть свой внутренний потенциал, становится мощнейшим и действеннейшим средством контрпропаган-

ды. Пропаганда, если она претендует на роль создателя устойчивых, мотивационных установок, на роль духовного компаса, не может ориентироваться на конформистское сознание.

Однако всеисилие пропаганды Эллюль неоправданно усматривает именно в конформизме аудитории. Между тем «массовая идеология», рассчитанная на формирование конформистского сознания, переживает сегодня состояние кризиса. Механизмы, которые эксплуатирует буржуазная пропаганда, чаще всего связаны с теми или иными деструкциями индивидуального духовного мира человека буржуазного общества. С помощью тотальной символизации невозможно сформировать в сознании аудитории устойчивые мировоззренческие представления, а тем более целостное мировоззрение.

Источником и решающим средством формирования мировоззрения может быть только теоретическая пропаганда, опирающаяся на убеждение. Она дает развернутую картину мира, пробуждает рефлексию, активизирует конкретные идейно-политические установки. Методика символизации может закреплять эти представления, но не подменять их. В этом одно из различий между социалистической и буржуазной пропагандой. Принципы социалистической пропаганды тесно связаны с выработкой и распространением целостного мировоззрения.

Глава IX

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И КОНТРПРОПАГАНДЫ

§ 1. Партийность и наступательность

Ленинские принципы идейной непримиримости, наступательности, научности, исторической правды за последние годы приобрели особое значение в связи с обострением идеологической борьбы. Клевете, лжи, обману масс, спекуляции на предрассудках, широко используемым реакционными идеологами, мы противопоставляем силу правды. Приобщить к истине широкие массы — большое искусство, и этим искусством необходимо полностью овладеть.

Непременным условием наступательности в борьбе против буржуазной идеологии служит дальнейшее развитие марксистско-ленинской теории, обеспечивающей творческое, научное решение наиболее актуальных и животрепещущих проблем,двигаемых жизнью и ходом исторического развития. Вопросы теории и практики коммунистической пропаганды получили разработку в документе долговременного значения — постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической,

политико-воспитательной работы» (1979), в материалах июньского (1983 г.), январского (1987 г.) и июньского (1987 г.) Пленумов ЦК КПСС, в документах XXVII съезда партии.

В этих документах ставится задача — развить наступательный характер пропаганды и агитации, противопоставить подрывной политической и идеологической деятельности классового противника, его злобной клевете на социализм непоколебимую сплоченность, могучее идейное единство своих рядов, глубокую убежденность и политическую бдительность каждого советского человека, его готовность защищать Родину, революционные завоевания социализма.

В постановлении ЦК КПСС отмечалось, что империалистическая пропаганда непрерывно ведет яростное наступление на умы советских людей, стремится с помощью изощренных методов и технических средств отравить их сознание клеветой на советскую действительность, очернить социализм, приукрасить империализм, его грабительскую, бесчеловечную политику и практику. «Укрепление позиций мирового социализма, всех прогрессивных сил, — говорилось в постановлении, — создает благоприятные условия для коммунистического строительства, для развертывания идеологического наступления против империализма и гегемонизма, милитаризма и реакции»¹.

Никогда прежде духовной обработке масс империализм не придавал столь серьезного значения, как в наши дни. Идеологическая экспансия капитализма в современном мире осуществляется в огромных масштабах. Сегодня отдельные пропагандистские кампании разрабатываются на длительные сроки. Буржуазия пытается не только сохранить господствующее положение своей идеологии в капиталистическом мире, но и навязать ее общественному сознанию зарубежных, в первую очередь социалистических, стран.

Вот почему ЦК КПСС обращает внимание на необходимость дальнейшей разработки и развития основных ленинских принципов борьбы с буржуазной идеологией: непримиримости, содержащей в себе партийно-классовый подход к оценкам тех или иных явлений идеологического противоборства; наступательности, предполагающей опережение противника в анализе реальных процессов жизни, теоретическом осмыслении их разрешения, научно обоснованной критике буржуазных теоретических построений, одурманивающих массы и тормозящих тем самым развитие мирового революционного процесса; конкретно-исторического подхода в анализе тех или иных направлений антикоммунизма.

Принцип непримиримости. Как уже отмечалось, социалистическая идеология принципиально отличается от буржуазной. Никакие компромиссы между ними в освещении мировоззренческих

---

¹ О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года. М., 1979. С. 8.

вопросов невозможны. Поэтому в идеологических проблемах не может быть никакой уступчивости, непоследовательности. Чем тверже и непоколебимее социалистическая идеология, тем она опаснее для идеологии буржуазной.

Западные теории отвергают данный принцип. Они рассчитывают на «эрозию» социалистической идеологии, на трансплантацию чужеродных идей в коммунистическое мировоззрение. Не случайно противники революционного процесса делают ныне главную ставку на разобщение борцов за демократию и социализм, на создание и искусственное раздувание противоречий между ними. Этим целям служат модные теории о «поливариантности» идеологий, о множестве идейных позиций и т. д.

Коммунистическая идеология пролетариата по своей классовой сущности является антиподом буржуазной идеологии. Эти две полярно противоположные идеологии отражают интересы антагонистических классов — рабочего класса и буржуазии. Пролетарская идеология — марксизм — была выработана К. Марксом и Ф. Энгельсом в процессе подготовки и развертывания острых классовых боев между пролетариатом и буржуазией, началом которых явились буржуазно-демократические революции 1848—1849 гг. в ряде стран Европы. Несмотря на то что в этих революциях пролетариат часто выступал вместе с буржуазией против остатков феодально-абсолютистского строя, он уже тогда начал осознавать отличие своих классовых интересов и задач от буржуазных и выступать под пролетарскими лозунгами. Это порождало необходимость создания пролетарской идеологии, отличающейся от буржуазной, и такая идеология была выработана К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Уже в первых своих крупных произведениях — «Святое семейство», «Немецкая идеология», «Нищета философии» — Маркс и Энгельс подчеркивали противоположность пролетарской и буржуазной идеологии. Особенно четко эта мысль была ими выражена в «Манифесте Коммунистической партии», где дана развернутая критика буржуазной идеологии. В течение всей своей более чем полувековой деятельности Маркс и Энгельс неустанно развивали и пропагандировали пролетарскую идеологию — диалектический и исторический материализм, научный коммунизм, подчеркивали ее сугубо классовый характер, боролись с буржуазной идеологией и ее влиянием на рабочий класс, указывали на недопустимость примиренческого отношения к буржуазной идеологии.

К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали важность теоретической формы борьбы пролетариата, т. е. борьбы против буржуазной идеологии. Они учили, что сознательный пролетариат ведет классовую борьбу «планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом...»¹. Основоположники марк-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 499.

сизма-ленинизма не случайно подчеркивали важное значение теоретической, идеологической формы борьбы в противоборстве пролетариата против капитализма. Революционная, марксистская идеология вооружает партию рабочего класса знанием законов общественного развития, дает ей правильное понимание путей и средств борьбы с эксплуататорами, вселяет в широкие массы трудящихся непоколебимую уверенность в победе над своими угнетателями. Раскрывая роль революционной идеологии, теории в борьбе против эксплуататоров, Маркс и Энгельс учили, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»¹.

Марксистская идеология дает рабочему классу понимание преходящего характера капиталистического строя, подрывает в народных массах суеверную убежденность в вечности и незыблемости эксплуататорских порядков, вооружает их научным пониманием неизбежности, исторической необходимости гибели капитализма и замены его новым, высшим общественным строем — коммунизмом.

Пытаясь «опровергнуть» марксизм, идеологи империализма пускаются, как говорится, «во все тяжкие», лишь бы доказать недоказуемое и убедить народные массы в незыблемости эксплуататорского строя, самой возможности науки об обществе. На это указывал В. И. Ленин еще тогда, когда он боролся против Струве и его пресловутого «эмпиризма» в области общественной науки. «Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие общения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить лес — деревьями, — писал В. И. Ленин, — вот классовый смысл того модного буржуазного скептицизма... которые мы видим у г-на Струве»².

В борьбе идеологов буржуазии против марксистской идеологии пролетариата особая роль отводится ревизионистам, выступающим под флагом «марксизма», но только чуть «подновленного» ими. Особая опасность ревизионизма как раз в том и состоит, что он рядится в «марксистское» одеяние, скрывая свою подлинную, антипролетарскую, антимарксистскую сущность, свою буржуазную партийность. Опасность ревизионизма заключается еще и в том, что он исподволь стремится насаждать как в широких массах рабочего класса, так и в самой партии пролетариата поверхностное, нигилистическое отношение к идеологической работе, к теоретическим проблемам, к теоретической подготовке кадров борцов за дело пролетариата.

В. И. Ленин беспощадно критиковал эту черту ревизионистов и оппортунистов. «Пренебрежительное отношение к теории, уклончивость и влияние по отношению к социалистической идео-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 422.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 44.

логии, — учил Ленин, — неминуемо сыграет на руку идеологии буржуазной»¹. История ревизионизма и оппортунизма в международном рабочем движении полностью подтверждает это предупреждение В. И. Ленина.

В. И. Ленин, разрабатывая принцип непримиримости социалистической и буржуазной идеологии, глубоко вскрыл классовые корни, идейную преемственность между социал-реформизмом и ревизионизмом на всех этапах международного рабочего движения. Основные причины возникновения оппортунистических течений в рабочем движении В. И. Ленин усматривал в воздействии на рабочий класс мелкобуржуазной и буржуазной идеологии, в давлении буржуазии на пролетариат, в частности путем подкупа верхушки рабочего и профсоюзного движения и формирования тем самым «рабочей аристократии» и «рабочей бюрократии».

В работах В. И. Ленина, в документах нашей партии показано, что объективно реформисты и ревизионисты действуют в интересах буржуазии, в интересах сохранения капитализма. Реформизм (социал-реформизм) — идейно-политическое течение в рамках рабочего движения, отрицающее необходимость социалистической революции и диктатуры пролетариата, выступающее за «классовое сотрудничество», выдвигающее лозунг постепенного «преобразования» капитализма методом реформ, а фактически оправдывающее капитализм.

Ревизионизм — это идейно-политическое течение в коммунистическом и рабочем движении, представители которого призывают «пересмотреть», «ревизовать» основные положения научно коммунизма, фактически подменяя марксизм-ленинизм буржуазной идеологией. Ревизионизм в теории ведет к оппортунизму на практике, означает политическую капитуляцию перед буржуазией, идеологически смыкается с реформизмом. Оппортунизм означает приспособленчество, соглашательство. В рабочем движении это политика соглашательства с буржуазией, забвение конечных целей рабочего движения.

Организационно социал-реформизм представлен социал-демократическими, социалистическими и лейбористскими партиями, которые являются довольно значительной силой в странах капитала (они пользуются поддержкой более 80 млн. избирателей). Объективная основа влияния этих партий — неоднородность рабочего класса, мелкобуржуазных слоев капиталистического общества, выступающих их социальной базой, а также поддержка буржуазии, которой выгодна политика правых социал-демократических лидеров, направленная на раскол рядов рабочего класса, на ослабление коммунистических партий.

Методологически важно подчеркнуть, что старый ревизионизм бернштейннианского толка полностью порвал с марксизмом и революционным рабочим движением и выродился в социал-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 374.

реформизм. Современные ревизионисты, действующие в рамках коммунистического движения, хотя формально и причисляют себя к марксистам (как, кстати, в свое время и Бернштейн), но фактически выступают с тех же позиций, что и социал-реформисты, что наглядно свидетельствует об их общей оппортунистической сущности.

Практика социал-демократии направлена не на строительство социализма, а на частичные реформы в рамках капитализма. То, что реформисты выдают за «трансформацию» капитализма в социализм, является на самом деле процессом созревания в недрах империализма материальных и социальных предпосылок к действительно социалистическому переустройству общества. «Диалектический процесс развития действительно всовывает еще в пределах капитализма элементы нового общества, и материальные и духовные элементы его, — указывал В. И. Ленин. — Но социалисты должны уметь отличать кусочек от целого, должны выставлять своим лозунгом *целое*, а не кусочек, должны противопоставлять коренные условия действительно переворота тем частичным штопанием, которые нередко сбивают борцов с истинно революционного пути»¹. Сторонниками именно таких частичных «штопаний» пороков капитализма и выступают идеологи оппортунизма. Естественно, что эта фактическая апологетика капитализма прямо связана с отрицанием необходимости действительно революционного социалистического переустройства общества.

Особое внимание в контрпропаганде следует обратить на реформистские и ревизионистские фальсификации концепции реального социализма. Игнорируя существование различных этапов в развитии социализма, реформисты и ревизионисты вслед за буржуазными идеологами пытаются применить к социализму критерии и принципы высшей стадии коммунистической формации, «доказывая» таким образом «иллюзорность» коммунистического идеала.

Однако это не более чем очередная фальсификация теоретической и практической деятельности КПСС. На пути к высшей цели нам предстоит еще решить немало крупных и сложных задач, по своему происхождению и характеру относящихся к первой фазе коммунистической формации. В этом и состоит сегодня главное содержание той работы, которую партия определяет как совершенствование социализма. «Перерастание социализма в коммунизм определяется объективными законами развития общества, — отмечается в новой редакции Программы КПСС, — не считаться с которыми нельзя. Любые попытки забегания вперед, введения коммунистических принципов без учета уровня материальной и духовной зрелости общества, как показывает опыт, об-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 370.

речены на неудачу, могут вызвать издержки как экономического, так и политического характера»¹.

Буржуазные теоретики пытаются «преодолеть» принцип непримиримости классово враждебных идеологий различными средствами и концепциями. Современные либералы воздерживаются от прямых идеологических атак на марксизм-ленинизм. Они лицемерно толкуют о том, будто сложившиеся идеологические системы (консерватизм, либерализм, марксизм) «устарели», не отвечают требованиям современной эпохи. Однако эти квазиобъективистские рассуждения представляют собой замаскированный прием, ибо на самом деле преследуют иную цель — убедить массы в том, будто в действительности именно марксизм-ленинизм не отвечает современным условиям, не дает якобы ответа на проблемы сегодняшнего дня.

В частности, западногерманский исследователь Х. Хельцле откровенно сетует на то, что в капиталистическом мире нет концепций, могущих повести за собой массы. Видя в идеологии одну из самых динамичных сил новейшей истории, западногерманский философ говорит о том, что пора приложить все усилия к созданию глобальных воззрений, своеобразной метаидеологии (универсальной идеологии, призванной якобы снять непримиримые идейно-классовые противоречия в мире, разделенном на две социально-экономические системы).

Другой философ — К. Саламун (ФРГ) пытается даже выстроить модель будущей метаидеологии. Она должна, по его мнению, обладать универсальным характером. Как же этого добиться? Саламун подчеркивает, что структурные элементы будущей модели, по его мнению, можно обнаружить во многих современных мировоззренческих системах. Важно сопоставить эти элементы, что позволит носителям идеологий избежать драматизации конфликтов. Ведь человек, как полагает Саламун, в своей деятельности, упрощает многие явления общественной и политической жизни, не учитывает их комплексности и различий. Носитель идеологии вообще не в состоянии получить полное и адекватное представление об окружающем мире, потому что в его сознании прочно укоренились определенные стереотипы, которые не позволяют ему творчески оценить реальную действительность².

Таким образом, «глобальная идеология» мыслится как некое духовное образование, возникшее в результате синтеза элементов разных социально-классовых воззрений. Этот подход антинаучен и предельно утопичен. Дело в том, что борьба идей в современном мире вовсе не предполагает достижение некоего компромисса, своеобразного общественного договора, результа-

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 139.

² См.: *Salamun K. Ideologie, Wissenschaft, Politik. Graz. 1975.*

том которого должны оказаться взаимные мировоззренческие уступки.

Теория научного коммунизма исходит из того, что идеи бывают передовые и реакционные, прогрессивные и отжившие. Критерием для различения характера идей, их существа служит общественный процесс, взятый в его динамике. Столкновение различных воззрений приводит к тому, что идеи, отвечающие требованиям социального прогресса, одерживают верх над теми, которые защищают старый порядок вещей, гибнущую формацию. Следовательно, борьба идей, непримиримость идеологий, а не их уживчивое сосуществование, составляют сущность общественного сознания, рассматриваемого в его реальной противоречивости и устремленности вперед.

Наивно было бы полагать, что подымающийся капитализм одержал бы историческую победу над феодализмом, если бы его идеология оказалась некоей амальгамой разнородных воззрений, включающих в себя как средневековую теологию, так и провозглашенные молодой буржуазией лозунги свободы и равенства. Просветители, как известно, решительно и бескомпромиссно боролись против феодальных представлений, подвергая критической переоценке догмы отжившего класса. В этой же мере «глобальная идеология», о которой тоскуют современные либералы, не может оказаться сводом классово несовместимых идей, неким кладезем абстрактной премудрости, устраняющим борьбу двух социально-экономических систем.

Такая уживчивость невозможна в силу классовой природы социалистической и буржуазной идеологий. Как могут уживаться друг с другом диалектический материализм и различные формы философского идеализма; марксистская теория прибавочной стоимости и ленинская теория империализма, с одной стороны, и теория «общества всеобщего благосостояния» — с другой; искусство социалистического реализма и «массовая культура»; идеология пролетарского интернационализма и идеология буржуазного национализма, шовинизма и расизма? Сама постановка этих вопросов показывает всю абсурдность, антинаучность буржуазных представлений о сосуществовании классово враждебных идеологий.

Утопичность буржуазных концепций о «глобальной идеологии» обнаруживается тем очевиднее, что, как они сами признают, идеология империализма утратила свое цементирующее единство. Напротив, характерной особенностью нынешней духовной ситуации является «распыление» буржуазной идеологии, обнаружение в ней самых различных элементов, умонастроений и veinий.

Сторонники либерально-глобалистской версии «реидеологизации» впадают в абстрактное проповедничество, смысл которого сводится к тому, чтобы идеологи различных ориентаций стремительно двинулись навстречу друг другу, соединили свои духов-

ные и нравственные усилия. Так возникают различные проекты перестройки международного порядка на гребне «реидеологизаторской» волны. В частности, руководитель пятого проекта «Римского клуба» Э. Ласло полагает, что в современную эпоху крайне важно изучить «цели различных стран, организаций, идеологических течений, религий и т. д., чтобы содействовать тем самым формированию нового «планетарного сознания»¹.

Участники исследования провели обширный сравнительный анализ современных религий, идеологий, различных духовных образований. Они обнаружили сходные взгляды в иудаизме, христианстве, исламе, индуизме, китайской традиции, в африканских верованиях. Авторы проекта пришли к выводу, что современная идеологическая ситуация позволяет начать диалог между различными идеологиями, потому что во многих мировоззренческих течениях есть «сходные места», т. е. одинаковые ценностные представления, например стремление к миру, проповедь добра и т. д.

Ласло видит свою задачу в том, чтобы проанализировать моральные и интеллектуальные ресурсы современного человечества, которые позволили бы преодолеть «внутренние пределы, присущие краткосрочным и эгоистическим целям», и открыть новые горизонты перед мировым сообществом. Однако сразу бросается в глаза тенденциозность авторов проекта. Они обращают основное внимание на «совпадения» вроде призывов к «всеобщему братству», формированию «гармонии человеческих отношений», «гуманистических ориентаций» и даже «космического сознания», обходя при этом принципиальные мировоззренческие различия, обусловленные непримиримыми социальными противоречиями современного мира, существованием на планете антагонистических классов, противоположных общественных систем.

Интонация проекта откровенно проповедническая. Авторы предлагают благие цели, призывают к взаимной терпимости идеологий. Но они уклоняются от анализа противоречивой реальной ситуации. Из самой логики проекта вытекает вывод, будто любое воззрение, независимо от своего социального содержания, имеет право на существование. Так косвенно оправдывается буржуазными теоретиками идеология современного империализма.

Авторы проекта вообще избегают оценивать ту или иную идеологию. Они склонны в каждом воззрении видеть лишь те элементы, которые формально сводятся к гуманистическим декларациям. Однако фактическое содержание той или иной идеологии проявляется в социально-исторической практике. Западно-европейская история богата примерами, свидетельствующими о том, что те или иные провозглашенные идеалы нередко служили прикрытием для реализации прямо противоположных антигу-

---

¹ Laszlo E. Goals for mankind. N. Y., 1977. P. 13.

манных акций. Это относится, например, к фашизму, который лицемерно твердил о стремлении к миру, о физическом и нравственном здоровье человека, а на самом деле развязал мировую войну, применил на практике расовые, человеконенавистнические концепции. Современный империализм стремится прикрыть кричащие общественные контрасты разглагольствованиями о всеобщем благосостоянии, шумными кампаниями в защиту «прав человека».

В интерпретации авторов проекта «Римского клуба» идейная ситуация нашего времени представляется «эпохой гармонии», «единства целей» и т. д. Их поиски «планетарного сознания» на базе арифметического сложения, механического сопоставления различных идейных комплексов обнаруживают свою полную несостоятельность. Борьба идей — закономерность конфронтации классово-антагонистических идеологий.

Задача советской контрпропаганды состоит в том, чтобы прежде всего усилить внимание к теоретическим формам борьбы двух идеологий. Классики научного коммунизма всегда рассматривали критику буржуазного мировоззрения как составную часть идеологической борьбы рабочего класса. И сегодня сохраняет свою силу ленинское положение: «Сознание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных примерах (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во *всех* проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов; — не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку *всех* сторон деятельности и жизни *всех* классов, слоев и групп населения»¹.

На XXVII съезде КПСС отмечалось, что необходимо активизировать работу философов, историков, экономистов по правильной ориентации мировой общественности в социальных вопросах, противопоставить результаты научного анализа тем лживым, враждебным голосам, которые раздаются на Западе. Буржуазные социологи уделяют большое внимание разработке философий истории, обоснованию вечности капитализма, проблеме общественного развития, динамике общественного сознания. «Марксизм-ленинизм — величайшее революционное мировоззрение, — отмечал М. С. Горбачев на XXVII съезде партии. — Он обосновал самую гуманную цель, какую когда-либо ставило перед собой человечество, — создание на Земле справедливого социального строя. Он указывает путь к научному изучению общественного развития как единого, закономерного во всей громадной разносторонности и противоречивости процесса, учит правильно разбираться в характере и взаимодействии экономи-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 69.

ческих сил, избирать верные направления, формы и методы борьбы, уверенно чувствовать себя на крутых исторических поворотах»¹.

§ 2. Непримируемость социалистической и буржуазной идеологий

Принцип непримиримости социалистической и буржуазной идеологий означает, что советская контрпропаганда должна последовательно усиливать критику враждебного нам мировоззрения, раскрывать несостоятельность любых попыток обосновать «конвергенцию» классово враждебных идеологий, последовательно разоблачать ревизионистские и реформистские концепции «поливариантности» марксизма и т. д.

В современных условиях обострения идеологического противоборства между социализмом и капитализмом возрастает значение наиболее полного и последовательного осуществления ленинского принципа партийности в борьбе с буржуазным мировоззрением. Партийные документы последних лет указывают на необходимость дальнейшего совершенствования и углубления критики буржуазной идеологии, убедительного разоблачения ее теоретической и методологической несостоятельности.

«Существенная особенность идеологической работы заключена и в том, — говорил на XXVII съезде КПСС М. С. Горбачев, — что она идет в обстановке острого противоборства социалистической и буржуазной идеологий. Буржуазная идеология — идеология обслуживания капитала и прибылей монополий, авантюризма и социального реванша, идеология общества без будущего. Ее установки очевидны: любыми приемами приукрасить капитализм, прикрасить его природную античеловечность и несправедливость, навязать свои стандарты жизни и культуры; всеми способами очернить социализм, исказить смысл таких ценностей, как демократия, свобода, равенство, социальный прогресс»².

Конечно, переоценивать влияние буржуазной пропаганды на общественное сознание советского общества нет оснований. Советские люди достаточно хорошо знают истинную цену разного рода пророкам и пророчествам, хорошо разбираются в подлинных целях подрывных действий правящих монополистических сил. Но забывать о том, что «психологическая война» — это борьба за умы людей, их миропонимание, их жизненные, социальные и духовные ориентиры, мы не имеем права. Мы имеем дело с искушенным классовым противником, политический опыт которого разнообразен, измеряется по времени веками.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 84.

² Там же. С. 87.

В широком смысле слова «партийность» — принцип поведения людей, деятельности организаций и учреждений, орудие политической и идеологической борьбы. Партийность как принцип контрпропаганды представляет такое проявление ее классового характера, которое связано с высоким уровнем развития политической и идеологической борьбы, с выдвижением на историческую арену партий, отстаивающих интересы противоборствующих общественных сил.

Принцип партийности неразрывно связан с деятельностью политических партий, отчетливо выражающих те или иные классовые интересы. Политическая партия — наиболее активная и организованная часть какого-либо класса или его слоя. Политические партии возникли после раскола общества на противоположные классы и являются высшей формой классовой организации.

Политические партии преследуют определенные цели, добиваясь решающих позиций в осуществлении государственной власти, влияния на политическую жизнь и организацию общества. В буржуазном обществе действует обычно несколько партий, что связано с противоречиями между классами и социальными слоями, с борьбой за большую долю привилегий различных групп буржуазии. Поэтому буржуазная партийность нередко находит выражение в проповеди идейного и политического плюрализма.

Концепция идейного и политического плюрализма в настоящее время, как никогда прежде, широко используется для обоснования правомерности господства буржуазии и в целях критики реального социализма. В сфере политики приверженцы этой концепции трактуют механизм политической власти как аппарат противоборства и равновесия общественных групп, сосуществования различных политических партий, их смены у власти. В сфере идеологии концепция плюрализма находит отражение в мифе о якобы происходящем на Западе «взрыве мировоззрений», неудержимом росте новых идей, философских установок, что изображается как неопровержимое и веское свидетельство духовного изобилия, мировоззренческих исканий. Многие представители правого и «левого» ревизионизма утверждают, что идейный плюрализм допустим и внутри марксизма. В связи с этим они предлагают его различные интерпретации — сциентистские, антропологические, «гуманистические».

В сфере пропаганды идеи плюрализма проводятся под видом духовных нововведений, выработки современных ценностных ориентаций, проповеди буржуазных идеалов. Широко используются концепции культурного и религиозного плюрализма. Распространяются различные идейные поветрия — богоискательство, ориентализм и т. д. Рекламируются контркультурные тенденции и нигилизм, молодежные субкультуры — панки, баба и др.

Концепции плюрализма своим острием направлены против социализма. На этой методологической основе разворачиваются нападки на нашу страну, на реальный социализм и международное коммунистическое движение, строятся рассуждения насчет «множественности моделей социализма», необходимости «свободной игры политических сил» при социализме, ликвидации «идеологической монополии» марксистско-ленинского учения, насаждения буржуазных идеалов и ценностных ориентаций.

Особую активность современные плюралисты проявляют в нападках на ленинское учение о руководящей роли партии в социалистическом обществе. С одной стороны, выдвигаются требования о «праве на оппозицию» внутри партии, о праве на внутрипартийный «плюрализм». С другой стороны, ревизионисты хотят оттеснить марксистско-ленинскую партию от руководящей роли в государстве, поставить рядом с ней оппозиционные партии и другие политические организации, действующие на основе «свободной игры политических сил».

Польский ревизионист А. Шафф в ряде последних работ, в частности в книге «Коммунистическое движение на распутье», утверждает, что подобно тому, как при капитализме существование многих буржуазных партий в одном и том же обществе связано не с различием их отношения к капитализму как к общественной системе, а с различным подходом к вопросу о путях его укрепления и дальнейшего развития, точно так же и в условиях социализма могут будто бы действовать многие партии, принимающие его как общественную систему, но расходящиеся во мнении, как его следует строить. Шафф прямо противопоставляет плюрализм политической организации реального социализма и предлагает соединить в новых моделях социализма общественную собственность и плюрализм. Классовая суть подобных предложений очевидна.

Общетеоретическое назначение плюрализма состоит в противопоставлении материалистическому монизму марксистской философии, идейному и политическому единству стран реального социализма буржуазных идей «разрыхления» социализма, «раздробления» его идеологии под видом поисков различных путей социального развития, культурно-цивилизационных новшеств и т. д.

Проповедь плюрализма, направленная на разобложение демократических сил, антиимпериалистических тенденций, «эрозию» социализма, осуществляется на фоне утверждения неоконсервативной идеологии, выразители которой выступают против «размывания» капиталистических устоев, идейного инакомыслия, открыто добиваются «ликвидации» социализма. Плюрализм призывается лишь как средство более эффективной борьбы против коммунизма.

К сожалению, против этих попыток не ведется достаточно активная контрпропагандистская работа. Буржуазные и ревизионистские толкователи плюрализма спекулируют на неполной изученности ряда аспектов этой проблемы в современной марксистской литературе. Если против идей плюрализма не выступить более решительно и аргументированно, то они могут нанести определенный вред. Вот почему надо разоблачать любые попытки использовать концепции плюрализма для подрыва коммунистического движения.

Концепции плюрализма — продукт буржуазной демократии, ее теоретико-философское обоснование, одно из средств идейной защиты буржуазного строя. Корни плюрализма заложены в антагонистическом классовом характере буржуазной действительности, в неоднородности самих буржуазных слоев, их далеко не совпадающих интересов. Одновременно это средство для разобщения и ослабления международного коммунистического движения, мировой системы социализма. Плюрализм — методологическая, мировоззренческая альтернатива монистической теории научного социализма.

Плюрализм — результат противоборства различных идейных и политических течений буржуазного мира. Сама буржуазная идеология, как отмечалось, полна сегодня противоречивых устремлений. Наличие идейного и политического плюрализма в буржуазном мире — проявление кризисных процессов капитализма, результат борьбы рабочего класса, демократических, антиимпериалистических сил против власти капитала. Общество, состоящее из антагонистических классов, все более глубоко раздираемое социальными конфликтами, лицемерно стремится трактовать плюрализм как результат «свободы духа», естественного сосуществования мировоззренческих оттенков и вполне «плодотворных» расхождений. Однако это представление неправильно отображает суть явления. Отношения между различными течениями внутри буржуазной идеологии становятся все более напряженными. Это связано с обострением идеологической ситуации, с кризисом буржуазной системы. Вот почему каждое идейное направление под видом плюрализма стремится доказать, будто именно оно может спасти отжившую формацию, указать верные пути для исправления дела. Плюрализм — проявление идейной слабости и несостоятельности буржуазного мировоззрения, не способного выдвинуть целостную теорию развития, обоснованную, научную перспективу социального прогресса.

Марксисты оценивают многообразие форм политической жизни в современном мире конкретно-исторически, с позиций интересов рабочего класса, с позиций социализма. Содержание плюрализма обусловлено в каждом конкретном случае характером политической власти, общественного строя в той или иной стране, соотношением внутренних и международных классовых

сил. При оценке плюрализма важно учитывать все богатство социальной практики, тенденции общественного развития. Следует решительно опровергать буржуазный тезис о том, что марксисты отстаивают программу «тоталитаристской унификации» общественной жизни.

При оценке плюрализма в буржуазном мире важно учитывать реальный характер различных политических тенденций. Рабочий класс высоко оценивает те права и свободы, которые ему удалось завоевать в борьбе против капитала. Добиваясь сотрудничества со всеми демократическими и миролюбивыми силами, требуя от буржуазной власти отмены ограничений социальных свобод и политической деятельности, отстаивая право на свободное выражение интересов и настроений всех слоев трудящихся, коммунисты содействуют развертыванию политической инициативы и классового сознания масс, их действий в пользу общественного прогресса и мира между народами. Плюрализм в этом случае объективно отражает факт завоевания трудящимися возможности отстаивать свои интересы. Он облегчает ему дальнейшую борьбу за социализм.

Оппозиционные силы в капиталистических странах заинтересованы в сохранении плюрализма, так как это является непременным условием их существования и борьбы. Буржуазная пропаганда учитывает эту реальность. Она отдает себе отчет в том, что противоречивая идейная и политическая жизнь при капитализме, пестрота партий нередко сбивает с толку определенные группы трудящихся. Навязывая лозунги плюрализма, трактованные в выгодном для нее духе, буржуазия стремится оказать идейное воздействие на антиимпериалистические движения.

В этих условиях коммунисты разъясняют трудящимся всю ограниченность буржуазной демократии, ее враждебную коренным потребностям подавляющего большинства населения классовую природу. Плюрализм буржуазного общества означает на деле диктатуру буржуазии над трудящимися. Борясь за широкую демократию, коммунисты решительно выступают против свободы действий, легализации сил фашизма, расизма и войны. Во всех случаях они исходят из интересов революционного рабочего класса. С этих позиций подходят они к оценке многообразия форм политической жизни в той или иной стране.

Утверждая принципиальное единство научного знания, предполагающее многообразие научных подходов и демократические методы обсуждения и решения конкретных проблем познания и общественной жизни, марксизм-ленинизм решительно отвергает философский и политический плюрализм. Концепция плюрализма с философской точки зрения несостоятельна.

В методологическом отношении концепция плюрализма базируется на отрицании единой истины, на провозглашении субъективизма и релятивизма в познании. При исследовании познания сторонники этого подхода исходят из особенностей

индивидуального сознания. Они выдвигают целую систему аргументов для доказательства тезиса о том, что лишь принятие субъективно-идеалистической позиции («сколько исследователей, столько и истин») позволяют решить проблему обоснования знания.

При обсуждении проблемы обоснования знания представители такого подхода исходят из ложных предпосылок, которые определяют субъективистский характер их гносеологических концепций. Плюралисты пытаются возвеличить относительное в ранг абсолюта, ограничить объективность истины сменой неких относительных к ней приближений. При этом исчезает критерий истины и открывается широкий простор для возникновения ненаучных, субъективистских методов в исследовании явлений природы и общества.

Плюралисты призывают не отказываться от знания, полученного вненаучными средствами. Они считают неоправданным разделение концепций на научные и ненаучные, выступают против универсальных принципов научной деятельности. Все это ограничивает возможности познающего разума, мешает созданию целостной научной концепции мира.

Политический плюрализм проявляется в абсолютизации и универсализации социально-политических структур буржуазной «плюралистической» демократии, противопоставляемых реальному социализму. Его сторонники активно пропагандируют идею множества «моделей» социализма. Буржуазной пропаганде, спекулирующей на отсутствии многопартийности в СССР, других странах социализма, удается сбивать с толку значительные слои трудящихся капиталистических стран, незнакомых с политической системой социализма.

Между тем социалистическое общество базируется на гигантском многообразии форм, тенденций, культурных традиций. Разнообразие путей, ведущих к коммунизму,— это закон общественного развития. В нашу эпоху, когда в орбиту социализма втягивается все большее число народов, находящихся на разных ступенях развития, многообразие постоянно возрастает.

Для социализма характерно стремительное развитие производительных сил, которое обеспечивает заметный поворот экономики ко все более полному удовлетворению многообразных материальных и культурных потребностей людей. В нашей стране расцветает многонациональная культура. Коммунистическая партия осуществляет широкую программу демократизации всей социальной жизни. Социализм, являясь высшей степенью современной цивилизации, располагает намного большими возможностями выбора для деятельности человека, для проявления его способностей во всех сферах жизни, чем капитализм. Наш строй дает огромные возможности для развертывания многообразия общественной жизни при социализме.

В настоящее время в нашей контрпропаганде весьма замет-

ное значение приобретает показ реального многообразия, богатства материальной и духовной жизни социалистического общества. Важно ярче, чем это мы делаем сегодня, показывать размах нашего социального экспериментирования в экономике, в развитии демократии на всех уровнях, в социальной сфере, в культуре, в науке. Шире, чем это мы делаем сегодня, нужно раскрывать, анализировать, как общие задачи решаются во всем многообразии конкретных подходов на местах, на основе местной инициативы, с учетом национальных, региональных, отраслевых условий и возможностей.

До сознания зарубежной аудитории следует полнее доводить информацию о наших дискуссиях в науке, литературе, искусстве, о спорах и борьбе за поиск наиболее эффективных путей технического прогресса, лучших методов и форм управления и хозяйствования, о всенародных обсуждениях важнейших вопросов жизни страны.

Наша контрпропаганда не должна проходить мимо теорий гносеологического плюрализма, отрицающих истинность научного познания, объявляющего достижения человеческого знания не более чем «грудой конкурирующих гипотез». Гносеологическому релятивизму марксизм противопоставляет научный вывод о достоверности и безграничных возможностях человеческого познания. Не может быть двух или еще большего количества учений о природе, на основе которых можно с равным успехом преобразовывать природу. Точно так же не может быть нескольких одинаково истинных учений о преобразовании общества. Научная, объективная истина и в природных процессах, и в социальной сфере одна и только одна.

Нам следовало бы шире показывать достижения наших естественных и технических наук, раскрывая их связь с диалектико-материалистической методологией и марксистской теорией познания, шире знакомить зарубежную аудиторию с нашими научными и творческими дискуссиями, с многообразием научных школ, направлений, подходов к решению научных проблем.

Обосновывая принцип партийности, В. И. Ленин подчеркивал, что всякий общественный класс, социальная группа имеет собственные экономические и политические интересы, ценностные ориентации. «...Ни один живой человек,— писал он,— не может не становиться на сторону того или иного класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчаться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений...»¹.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 547—548.

Принцип партийности выступает для нашей пропаганды как всеобщий принцип анализа и оценки социальных явлений, научных концепций, политических программ и лозунгов. В нашем мировоззрении он последовательно соединяет в себе подлинно научное постижение действительности и неуклонную защиту интересов пролетариата. Коммунистическая партийность требует четкости и ясности идейных позиций, единства слова и дела, последовательной борьбы против аполитичности, буржуазных и ревизионистских взглядов. Пролетариат нуждается в научном, объективном раскрытии картины мира, законов, путей движения общества от капитализма к коммунизму.

В. И. Ленин показал, что «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе... Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»¹.

В противовес этой четкой марксистской позиции многие буржуазные ученые пытаются развить концепцию объективизма в науке. Последний приравнивается ими к подлинной научности. Раскрывая вздорность такого воззрения, В. И. Ленин писал: «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения... Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»².

Коммунистическая партийность предполагает классовый подход ко всем явлениям общественной жизни. Она противостоит буржуазным и ревизионистским концепциям объективизма, беспартийности идеологии, мирного сосуществования идеологий. Принцип партийности во всех областях деятельности, включая и художественное творчество, отвечает объективному ходу исторического процесса и в нашу эпоху представляет собой высшую форму народности, выражение коренных интересов народа. Если истинный смысл партийности не всегда четко осознается буржуазными деятелями, а нередко намеренно маскируется, выступая, например, под видом «беспартийности», «внеклассо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 418—419.

ности», то борцы за коммунизм прямо и открыто провозглашают идею строгой партийности, сознательно и целеустремленно проводят ее в жизнь.

Марксистский принцип партийности означает борьбу не только с буржуазным подходом к философии как средству обоснования и защиты ценностей капиталистического общества, не только с ревизионистскими попытками пересмотреть принципы философии марксизма-ленинизма, но и с догматическим окостенением мысли. Он предполагает творческое развитие идеологии, выдвижение в ней новых положений и обновление старых в соответствии с прогрессом науки, углублением революционно-преобразующей деятельности людей, в соответствии с задачами, которые ставит перед идеологией развивающаяся историческая действительность. Коммунистическая партийность требует решительной критики буржуазной идеологии, антикоммунизма и антисоветизма, всех отступлений от принципов марксизма-ленинизма.

Наступательность коммунистической пропаганды. Наша партия в ряде документов подчеркивает, что агрессивная сущность империализма не изменилась. Обострение международной обстановки, начавшееся на рубеже 80-х годов, показывает: империализм не отказывается ни от каких форм давления на социалистические страны, используя в широких масштабах различные формы и методы идеологической борьбы. В этой борьбе империализм не брезгует ничем, стремясь дискредитировать социализм как идею и как реально существующий строй, расшатать мировое социалистическое содружество.

Буржуазное влияние на население СССР и страны социализма, как отмечается в последних партийных документах, империалистические агентства пытаются осуществить и путем проповеди чуждых нам ценностей и идеалов — потребительства, религиозности, так называемой массовой культуры, аполитичности и т. д. Позиция нейтралитета, а тем более уступки буржуазной идеологии несовместимы с принципом партийности, так как это почва для проникновения буржуазной, враждебной нашему строю идеологии в сознание трудящихся.

Боевой программой действий вошли в нашу жизнь решения XXVII съезда КПСС, на котором был дан глубокий и принципиальный анализ состояния дел на одном из важнейших участков коммунистического строительства — в деле воспитания нового человека. В документах съезда указаны пути обогащения идейно-воспитательной работы, ее форм и методов, усиления наступательности нашей пропаганды.

«Политика дает нужные результаты, — говорил на XXVII съезде партии М. С. Горбачев, — когда она строится на точном учете интересов классов, социальных групп, личности. Если это верно с точки зрения управления обществом, то тем более верно в идеологическом, воспитательном плане. Общество — это кон-

кретные люди, у них конкретные интересы, свои радости и драмы, свои представления о жизни, ее действительных и мнимых ценностях»¹.

Перед коммунистами, перед всеми, кто причастен к делу воспитания, выдвинута задача исключительной важности — поднять идеологическую, воспитательную, пропагандистскую работу на уровень тех больших и сложных задач, которые решает партия в процессе совершенствования социализма. Это диктуется и внутренними (рост сознания, культуры советских людей, их духовных запросов), и внешними (резкое обострение идеологической борьбы на международной арене) условиями.

«Изворотливости и беспринципности буржуазных пропагандистов,— отмечалось на XXVII съезде КПСС,— должны быть противопоставлены высокий профессионализм наших идеологических работников, мораль социалистического общества, его культура, открытость информации, смелый и творческий характер нашей пропаганды. Нужна наступательность — и в том, что касается разоблачения идеологических диверсий, и в доведении правдивой информации о реальных достижениях социализма, социалистическом образе жизни»².

В распоряжении партии — богатейший арсенал различных средств воспитания. Дело за тем, чтобы более эффективно использовать эти средства, непременно учитывать возросший уровень образованности и запросов советских людей. XXVII съезд КПСС призвал решительнее изживать формализм, шаблон, робость, всемерно утверждать в нашей пропаганде и агитации реализм, правдивость и деловитость, умелый показ достижений социализма и вдумчивый анализ вопросов, волнующих советских людей.

«Идейно-политическое воспитание трудящихся, его содержание, формы и методы,— отмечается в Резолюции XXVII съезда КПСС,— следует привести в соответствие с реальностями внутренней и международной жизни, обеспечить его сопряженность с организаторской и хозяйственной деятельностью. Повышать зрелость социалистического общества, строить коммунизм — это значит неуклонно повышать сознание человека, обогащать его духовный мир, приводить в действие творческий потенциал народа»³.

Развитие социалистического сознания идет в упорном противоборстве с рецидивами мелкобуржуазной психологии, с идеологическими диверсиями империалистической пропаганды. Создание обстановки нетерпимости к проявлениям чуждой нашему строю идеологии и морали, целенаправленная работа по форми-

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 87.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 117—118.

рованию разумных потребностей, интересов личности, активный отпор антисоветизму и антикоммунизму — все это должно стать постоянной заботой партийных и комсомольских комитетов, средств массовой информации.

У нас нет оснований занимать оборонительную позицию ни по одному принципиальному вопросу. Предстоит еще немало сделать для того, чтобы идеологическая работа по своему идейно-теоретическому содержанию, по формам и методам воздействия отвечала самым высоким требованиям времени, всегда была близкой и понятной людям. Перед нашим обществом стоят качественно новые задачи, требующие мобилизации всего творческого потенциала народа. И сегодня особенно важно, чтобы наметившийся в общественном сознании поворот к проблемам всесторонней интенсификации производства, ускорения социально-экономического развития на базе научно-технического прогресса, лучшего использования трудовых и материальных ресурсов был надежно закреплен и развит в работе каждого труженика и коллектива.

Творческий, наступательный дух нашей пропаганды и контрпропаганды, ее смелость и настойчивость, непримиримость к чуждой нам идеологии и морали — залог успеха в отражении любых «психологических» атак классового противника, его попыток очернить социализм, затормозить наше движение вперед. В современных условиях, как никогда, нужны партийная принципиальность, последовательно классовый подход к оценке происходящих событий и явлений, политическая бдительность и непримиримость к чуждым нам взглядам, творческий, наступательный характер идеологической работы, деловитость, смелость и настойчивость.

Наступательность нашей идеологии — это не только развенчание буржуазных идеологических мифов и стереотипов. Это прежде всего утверждение наших идеалов, социалистических норм общественной жизни, подлинной свободы и демократии, пропаганда исторических достижений реального социализма.

Наступательность нашей идеологии — в активнейшей пропаганде миролюбивой международной политики КПСС и Советского государства, стран социалистического содружества.

Наконец, наступательность нашей идеологии — это партийная принципиальность и оперативность информации. Мы должны своевременно и по существу отвечать на вопросы, которые ставит мировое развитие, ход борьбы и соревнования двух противоположных систем, вовремя вносить те или иные коррективы в наши представления и практику, когда этого требует жизнь.

§ 3. Конкретность социалистической пропаганды; связь с жизнью

Главное воздействие на мировое развитие социализм оказывал и оказывает через свою хозяйственную политику, через успехи в социально-экономической области. Каждый новый шаг вперед на этом пути — самый убедительный аргумент в пользу социалистического строя и советского образа жизни. Социалистическая идеология несет в себе подлинно гуманистические идеалы общественного прогресса, развития человеческой личности, мира без оружия и войны, без эксплуатации и угнетения.

Решения XXVII съезда партии, программные положения сегодня материализуются в практических делах, позитивных переменах в народном хозяйстве страны, мощном подъеме активности советских людей, в росте их политического самосознания. Всеобщее одобрение получила развернутая партийная борьба за повсеместное утверждение порядка, организованности, дисциплины, повышение требовательности и ответственности кадров.

Перед нашим обществом стоят качественно новые задачи, требующие мобилизации всего творческого потенциала народа. И сегодня особенно важно, чтобы наметившийся в общественном сознании поворот к проблемам всесторонней интенсификации производства, ускорения социально-экономического развития на базе научно-технического прогресса, лучшего использования трудовых и материальных ресурсов был надежно закреплен и развит в работе каждого труженика и коллектива. А это означает, что огромный идейный и организующий потенциал партийной пропаганды должен быть сконцентрирован на ключевых направлениях социально-экономической политики партии.

Экономика и идеология неразделимы. Настоящий прочный успех достигается прежде всего там, где обеспечено единство политико-воспитательной работы с практической деятельностью по реализации решений партии. Реализм, правдивость и деловитость, чуткость к новому, широкая опора на науку, знание и учет интересов, запросов людей были и остаются неотъемлемыми чертами ленинского стиля работы, партийного руководства всеми сферами общественной жизни. Именно на этой основе необходимо вести пропаганду наших идеалов, исторических завоеваний реального социализма, внутренней и внешней политики КПСС, формировать в сознании советских людей высокую идейную убежденность, моральную стойкость, патриотические и интернационалистские чувства. В то же время важно не уходить от острых проблем, убедительно разъяснять имеющиеся трудности, реальные противоречия в жизни общества, показывать работу партии по их преодолению. «...Совершенствование социализма происходит тем успешнее, чем точнее в политике учитываются объективные закономерности общественного развития, чем активнее роль марксистско-ленинской теории в осмыслении

живой практики. Следует настойчиво преодолевать проявления застоя, догматизма, равно как и делячества в идейно-теоретической работе, активизировать коллективную мысль партии, воспитывать у кадров вкус к теории, умение владеть ленинской методологией анализа социальных процессов»¹.

Связь идейно-политической работы с практикой созидания непосредственно обуславливает принцип конкретно-исторического подхода к нашей пропаганде. Главной сферой деятельности партии была и остается экономика. Именно здесь создаются предпосылки для обеспечения материально и духовно богатой, социально насыщенной жизни советских людей в условиях мира, для достижения нового качественного состояния общества. Стратегия ускорения нашего развития включает в себя дальнейшее совершенствование общественных отношений, обновление содержания, форм и методов работы политических и идеологических институтов, углубление социалистической демократии.

Марксизм-ленинизм предполагает такой подход к познанию социальных явлений и процессов, при котором они рассматриваются в их развитии, становлении, в связи с конкретными историческими условиями, которые порождают их. Последовательно принцип историзма был разработан классиками марксизма-ленинизма. В. И. Ленин писал: «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»².

Применительно к пропаганде и контрпропаганде этот принцип предполагает выделение наиболее важных, главенствующих вопросов современной идейной жизни, конкретность в постановке социальных проблем, выявление тенденций развития общественных процессов, предвидение их динамики.

Сегодня нам предстоит сконцентрировать на решающих направлениях социально-экономической политики партии разъяснительную, мобилизующую и организаторскую деятельность всего идеологического фронта, и прежде всего средств печатной и устной пропаганды и агитации, оказывать еще более активную поддержку начинаниям передовиков и новаторов. «В современных условиях, когда масштабы, новизна и сложность решаемых задач,— отмечается в Резолюции XXVII съезда партии,— предъявляют высокие требования ко всей политической, идеологической и организаторской деятельности партии, делом первостепенной важности является обеспечение коренной перестройки партийной работы, утверждение в каждой партийной организации атмосферы творчества, принципиальной требова-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 118.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

тельности и самокритичности, поиск новых действенных решений социально-экономических, научно-технических и идейно-воспитательных проблем»¹.

Основой коммунистического образования и воспитания было и остается формирование у трудящихся марксистско-ленинского мировоззрения. «КПСС будет постоянно заботиться о том, чтобы все советские люди,— говорится в Программе КПСС,— глубоко овладевали марксистско-ленинским учением, повышали политическую культуру, сознательно участвовали в выработке политики партии и активно проводили ее в жизнь»². Классовый противник хотел бы столкнуть нас на оборонительные позиции. Но историческая правда на нашей стороне. Сегодня мы располагаем неопровержимыми историческими аргументами в пользу социализма.

Советская контрпропаганда должна учитывать особенности и эволюцию идеологической борьбы, изменение свойственных ей тенденций. Это позволит ей быть глубоко научной по содержанию и яркой по форме, непримиримой и наступательной в борьбе с буржуазной, ревизионистской идеологией, давать исчерпывающие ответы на важные и острые проблемы, служить эффективным средством формирования и изучения общественного мнения.

Цель коммунистической пропаганды состоит в том, чтобы живо и убедительно показывать наши достижения, обеспечивать своевременность, документальную точность и идеологическую бескомпромиссность материалов. Советские журналисты ярко и убедительно раскрывают преимущества социалистического образа жизни, огромные перемены, происходящие сегодня в нашей стране. Они стремятся опередить буржуазную пропаганду, парализовать ее идеологические диверсии, попытки использовать в своих подрывных действиях все средства, повлиять на морально неустойчивых, политически незрелых людей. Важную роль в этом отношении играет и знание социально-психологических механизмов поведения людей. Оно содействует повышению эффективности советской пропаганды.

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 114.

² Там же. С. 163—164.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОПАГАНДЫ

§ 1. Методологические проблемы

В нашей стране накоплен большой эмпирический материал, связанный с изучением психологических основ пропаганды. В разных городах проведены сотни исследований, раскрывающих особенности восприятия информации разными группами людей, развернуты экспериментальные работы, уточняющие действие тех или иных психологических механизмов, собраны разнообразные сведения о поведении личности, группы или социальной общности в системе массовой пропаганды.

Однако сегодня, как никогда, ощущается потребность в более широком развертывании исследовательской работы по психологии пропаганды. Важно обобщить накопленный материал, осмыслить складывающиеся тенденции, проанализировать имеющиеся подходы к этой теме, чтобы изучать психологические аспекты пропаганды комплексно, на уровне современного знания, повышая эффективность советской контрпропаганды.

Стремление очертить круг исследуемых работ, обрисовать широко панораму проводимых исследований с необходимостью ведет к постановке общих методологических вопросов, к характеристике конкретных направлений, в рамках которых уже сегодня ведется изучение психологических аспектов массовой пропаганды.

Пожалуй, никто из советских исследователей не отрицает важность изучения психологических механизмов в функционировании коммунистической пропаганды. В самой общей постановке эта проблема не вызывает сомнений. Однако при конкретизировании темы сразу обнаруживаются разные позиции. Некоторые авторы полагают, что психологические и технические аспекты в марксистской концепции пропаганды играют подчиненную роль. Поскольку наша идеология имеет научное содержание и рациональный смысл, постольку, по их мнению, активизация психологических механизмов нужна, пожалуй, в очень ограниченных пределах.

При таком ходе рассуждения психология в пропаганде ассоциируется с экзальтацией, игрой на чувствах или инстинктах, а сама пропаганда — с социальным знанием, рассчитанным на человека, носителя «экспертного сознания». Между тем изучение психологии пропаганды вовсе не предполагает разработку техники внушения, методики воздействия на иррациональную сферу психики и т. д. Такой подход действительно присущ буржуазной пропаганде. Однако строгий реализм нашей идеологии,

присущий ей научный характер не исключает познания и использования психологических механизмов.

Массовая пропаганда обращается не только к жизненным убеждениям человека, к его взглядам и представлениям. Она учитывает также всю гамму человеческих чувств и переживаний во всем богатстве их неповторимых конкретных и в то же время типичных проявлений. Поведение одного человека, агента группы или представителя того или иного класса не может быть описано через характеристику тех идей, носителем которых выступает данная личность. Людям присущи определенные интересы и потребности, ожидания и идеалы, настроения и переживания, иллюзии и устремления. Внутренний мир человека сложен. Личность не только познает, она переживает, анализирует, вырабатывает жизненную позицию. Понять все эти процессы можно только на базе изучения психологических механизмов. Без их учета пропаганда и контрпропаганда теряют не только адресность, но и присущие им многослойность, конкретность.

К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали объективный характер иллюзий и предрассудков, которые присущи тем или иным социальным слоям общества. «Над различными формами собственности, над социальными условиями существования,— писали они,— возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений. Ведь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответствующих общественных отношений. Отдельный индивид, которому эти чувства и взгляды передаются по традиции и в результате воспитания, может вообразить, что они-то и образуют действительные мотивы и исходную точку его деятельности»¹.

К. Маркс и Ф. Энгельс оставили важные в методологическом отношении высказывания о роли традиции в динамике общественного сознания, показали механизм действия идеологической фикции на примере фигуры Лун-Бонапарта, раскрыли особенности массового поведения революционной и реакционной массы. Эта традиция обостренного интереса к социальной психологии получила дальнейшее развитие в работах В. И. Ленина. Проблема наследия В. И. Ленина в этом вопросе поставлена в нашей литературе недавно. Но применительно к пропаганде такого рода исследования пока не проводились. Между тем у В. И. Ленина немало важных положений о психологии масс, о роли жизненного и социального опыта в оценке пропагандистского воздействия и т. д. Развитие марксистской социальной психологии открывает широкие перспективы для такого изучения психологии пропаганды.

В. И. Ленин подчеркивал, что социалистическая пропаганда строится не на внушении, а на убеждении трудящихся. Однако

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 145.

при этом теория научного коммунизма учитывает наличие в обществе индивидуального и общественного, научного и идеологического, социально-психологического и теоретического уровней сознания, важную роль психологических процессов. Поэтому изучение общественного сознания предполагает выявление специфической диалектики, характеризующей соотношение между психологией и идеологией класса.

Социальная психология изучает не только предрассудки, иллюзии, фантазии различных слоев населения, но и житейскую трезвость, богатство социального опыта, теоретическую зрелость социального авангарда революции, передового пролетариата¹. В. И. Ленин любил повторять слова Маркса о том, что у «крестьянина есть *предрассудок*, ведущий его за капиталистом... но у него есть и *рассудок*, все больше приводящий его к союзу с рабочим»². Крестьянин «сочувствует пролетарию, хотя туманно, инстинктивно, ибо он видит, что пролетариат всю свою жизнь посвящает и всю кровь отдает за то, чтобы свергнуть капитал»³. В. И. Ленин выдвигал в качестве главной задачи убеждения народных масс⁴, подчеркивая необходимость создания объективных экономических, социальных и культурных условий как почвы «для подготовки общественного мнения трудящихся»⁵.

Следовательно, социалистическая пропаганда осуществляет развернутую программу политического просвещения масс, призванную развивать их общественное сознание и активизировать их историческую деятельность. При этом она опирается на знание объективных психологических закономерностей поведения. Буржуазная пропаганда, напротив, ведет манипуляторскую, дезориентирующую работу, направленную на отвлечение масс от действительности, от противоречий буржуазного строя.

Казалось бы, что может быть проще, элементарнее короткого газетного сообщения? Соотнесенное с тремя вопросами: «кто? где? когда?», — оно по самой жанровой природе стремится к предельной ясности и доступности. Но что может быть ошибочнее представления, будто в сознании человека это сообщение запечатлевается спонтанно и с абсолютной точностью? Речь идет в данном случае не только о фактах избирательного восприятия информации, которые диктуют человеку, чем интересоваться, а чем — нет.

Теперь уже доказано, что многие сообщения проходят мимо сознания людей, ибо конкретно взятые читатели или зрители не предрасположены к восприятию определенных фактов. Человек, не любящий фантастику, не побежит за приключенческим романом. Большой поток новостей не привлекает всего нашего вни-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 54—55.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 49.

³ Там же. С. 32—33.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 127.

⁵ Там же. С. 142.

мания, ибо у каждого из нас есть свои интересы, склонности, устоявшиеся представления. Они-то и обуславливают избирательность психической деятельности человека в мире фактов.

Советские исследователи уже неоднократно отмечали эту закономерность, приводили многочисленные примеры, свидетельствующие о внутренней готовности человека воспринять тот или иной факт. При этом раскрывались такие факторы, которые мешают встрече конкретного индивида с определенным сообщением. Многие сообщения в своем движении наталкиваются на своеобразные барьеры: часть из них проходит по касательной, не завладевая нашим вниманием.

Но вот встреча с фактом состоялась. Сообщение вошло в наше сознание. И здесь выявляется еще одна парадоксальная закономерность: сообщение воспринимается нами с неожиданными «допущениями», «отвлечениями» и т. д. Оно переосмысливается, преобразуется. Оказывается, сообщение и его образ в сознании человека не адекватны: они не совпадают, ибо возникают весьма характерные разночтения.

Известного советского диктора Юрия Левитана однажды пригласили на телевизионный «Голубой огонек». По сценарию передачи он должен был выступить с воспоминаниями о войне. Рассказывая о тех далеких для современного зрителя днях, Ю. Левитан «воспроизвел», как он тогда читал сообщение о начале второй мировой войны. Этот эпизод в передаче вызвал различную реакцию. Некоторые зрители приняли факт как данность с учетом прокомментированных обстоятельств приглашения Левитана на «Огонек». Они с самого начала поняли, что диктор приглашен как очевидец, как участник тех событий. Другие зрители тоже отдавали себе отчет о том, что речь идет о воспоминаниях. Но воспоминания ожили для них, обрели неожиданную эмоциональную конкретность, наполнились дополнительным содержанием. Были и такие зрители, которые, как потом выяснилось, просто испугались: Левитан читает о войне. Эффект подлинности едва не разрушил временную дистанцию...

Давно подмечено, что одно и то же сообщение вызывает целый спектр представлений. В сознании аудитории могут возникнуть (а нередко и возникают) самые неожиданные образы этого факта. Причем фиксируются не только частичные «помехи», «недопонимания», но порою и прямо противоположные «смыслы». Иначе говоря, сообщение воспринимается в совершенно ином содержательном истолковании.

В повседневной пропагандистской практике мы порою не учитываем, что по поводу каждого факта, переданного аудитории, возникает некоторое поле суждений. Оценка сообщения слушателем или читателем далеко не всегда совпадает с мнением коммуникатора. Факт переосмысливается через призму жизненного опыта, нравственных представлений, свойств, индивидуального мира. В сознании человека возникает отнюдь не

зеркальное отражение самого факта, а его образ. Так происходит потому, что представление о событии в психике индивида обязательно включает в себя отношение к миру фактов, т. е. несет на себе отпечаток субъективности.

Образ того или иного явления возникает в голове индивида прежде всего потому, что человек, встречаясь с фактом, уже обладает суммой конкретных представлений о действительности. Кроме того, он в этом акте выступает как действующий субъект, ибо оценивает, размышляет, принимает решение. Воспринятое значение приобретает для субъекта личностный смысл. Именно эту сторону процесса подчеркивал в свое время С. Л. Рубинштейн. «Динамика осознания человеком различных сторон действительности, — писал он, — тесно связана с изменением их значимости для человека. Эти изменения смысла, который явления и события приобретают для человека, передвижка их значения, совершающаяся по ходу жизни, изменение интонационных ударений, которые падают на те или иные места «партитуры» событий, образуют главное содержание того, что обычно имеют в виду под духовной жизнью человека»¹.

Несоответствие факта и его образа в сознании людей подмечено психологами давно. Фиксация этой закономерности и положила начало буржуазной теории пропаганды как самостоятельной дисциплины. До тех пор пока журналисты не сталкивались с поляризацией оценок одного факта, не могло быть и речи о формах и методах подачи материала, о повышении эффективности сообщений. Факт казался одинаково доступным и очевидным для каждого.

Само же различие между фактом и его возможной оценкой в буржуазной теории пропаганды сразу предстало в извращенном истолковании. Напомним эпизод, который вошел в хрестоматию западной теории массовой коммуникации. На конгрессе психологов был поставлен любопытный эксперимент. В зал, где проходило заседание, неожиданно вбежал клоун. Его преследовал негр с револьвером в руке. Между ними завязалась потасовка. Клоун упал, негр вскочил на него, выстрелил, и оба моментально скрылись. Весь эпизод продолжался 20 секунд. Организаторы эксперимента попросили очевидцев представить письменный отчет по поводу увиденного. Результаты оказались поразительными. Из 40 отчетов только 6 правдоподобно излагали эпизод. 24 отчета содержали 50% выдумки. 10 рассказов не имели ничего общего с происшествием, явились плодом чистой фантазии.

Излагая этот пример, американский социолог У. Липпман пришел к выводу, что между подлинным фактом и его отражением в голове человека вообще нет логической связи. Сообше-

---

¹ Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959. С. 159.

ния проходят мимо сознания людей, провоцируя поток ложных картинок, названных Липпманом стереотипами. Теория пропаганды, таким образом, мыслилась как наука о классификации стереотипов, формирующих общественное мнение.

«Из огромного мира, наполненного разнообразными звуками и красками,— пишет Липпман,— мы извлекаем лишь то, что наша культура уже предопределила за нас, отлила в некие картинки. Из потока жизни мы схватываем смутные образы, стереотипизированные для нас господствующей культурой»¹. Вот почему «самые тонкие и самые убедительные из всех факторов, оказывающих влияние на человека, это именно те, которые создают и поддерживают повторяющийся характер стереотипов»². Индивид подделывается под окружающую среду путем игры воображения, которая охватывает весь процесс социальной ориентировки, «от галлюцинаций до научной истины». При этом стереотип трактуется как сверхупрошенная модель, помогающая постигать смысл мира, вернее, приспособившись к нему, как простой, но легко схватываемый образ общественных процессов, политических событий, расовых, национальных или религиозных групп.

Таким образом, Липпман полагает, что между человеком и его окружением возникает мир превратных образов — псевдоокружение. Это окружение достаточно «плотно», и если поведение не представляет собой практического действия, а является мыслью и эмоцией, то может пройти много времени, прежде чем станет заметным разрыв в ткани фиктивного мира. Следовательно, на уровне социальной жизни человек приспособливается к своему окружению посредством фикций. Речь идет не о лжи, не о заблуждениях, а о конкретных психологических образованиях, которые служат для индивида реальными ориентирами поведения.

В нашей литературе концепция Липпмана подвергнута аргументированной критике³. Однако его теория не оценена в историко-генетическом аспекте именно как социологическая концепция. В силу этого остается неясным, почему концепция, созданная более полувека назад, не утрачивает популярности в современной буржуазной социологии и продолжает оказывать воздействие на практику массовой пропаганды в капиталистическом мире.

Советские авторы отмечают, что в психологическом плане

---

¹ *Lippman W.* Public opinion. N. Y., 1922. P. 30.

² *Ibid.* P. 59.

³ О буржуазной теории стереотипизации см.: *Ядов В. А.* К вопросу о теории «стереотипизации» в социологии /Философские науки, 1960, № 2; *его же.* Идеология как форма духовной деятельности общества. Л., 1961; *Уледов А. К.* Общественное мнение советского общества. М., 1963; *Власов А. И.* В конфликте с реальностью. М., 1972; и др.

явление стереотипизации несомненно¹. Оно связано с так называемой установкой, т. е. с готовностью человека воспринимать предмет, событие с позиции предшествующего опыта. Не подлежит сомнению тот факт, что социальное поведение индивида вообще не складывается из непрерывной аналитической работы сознания. На оценку того или иного явления конкретным индивидом влияют его прежний социальный опыт, его интересы, эмоциональная впечатлительность и т. д. К тому же человеку часто приходится высказывать свое мнение по тем вопросам, о которых он имеет поверхностное представление, не располагая ни знанием, ни полной информацией. Наконец, существует известная инерция мышления, не позволяющая индивиду создать в своем воображении адекватную картину мира. Это находит свое выражение не только в повседневной жизни отдельных людей, но и в сознании социальных групп. Об этом свидетельствует, в частности, ссылка В. И. Ленина на сочинения Г. Успенского, который рассказывает о том, как в 80-е и 90-е годы «искренне добросовестные старики из крестьян и иногда даже просто пожилые люди говорили, что при крепостном праве было лучше». Отмечая социально-психологический механизм такого рода инерции, В. И. Ленин подчеркивал, что, «когда уничтожают старые общественные порядки, уничтожить их сразу в сознании всех людей нельзя, остается еще небольшое число, которое тянется к старому»².

Эмоционально окрашенные образы представляют собой простейшие элементы общественной психологии. В этом смысле массы могут вносить в политическое поведение не только последовательно продуманные взгляды, но и «свои предрассудки, свои реакционные фантазии...»³. Но все это не означает, что человеку будто бы не присуща трезвая ориентация в реальных исторических событиях и что поэтому сознание больших социальных групп по своему содержанию исключительно иллюзорно.

Раскрывая особенности стереотипизации как социально-психологического явления, Г. М. Кондратенко приводит замечание И. М. Сеченова о субъективной, «пристрастной» стороне человеческого восприятия и мышления⁴. В нашей литературе появились работы, авторы которых пытаются раскрыть эту сторону индивидуального сознания, изучить особенности и механизмы формирования мнений и представлений⁵.

Тщательный анализ «пристрастного», эмоционального вос-

---

¹ См.: Шихирев П. Н. Исследования стереотипа в американской социальной науке//Вопросы философии. 1971. № 5. С. 168—175.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 11.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 54—55.

⁴ См.: Кондратенко Г. М. Об особенностях стереотипизации//Вестник МГУ. 1966. № 1.

⁵ См.: Проблемы социальной психологии и пропаганды. М., 1971.

приятия показывает, что само понятие стереотипа нуждается в критическом осмыслении. В буржуазной литературе оно трактуется весьма расширительно, этим термином зачастую обозначают процессы, разные по своему содержанию.

В самом деле, этнический предрассудок, политический лозунг и научное заблуждение могут быть названы стереотипом. Однако если этнический предрассудок представляет собой эмоционально окрашенный образ, в котором едва ли не полностью отсутствует рациональное начало, то этого нельзя сказать о политическом лозунге. В формулировке лозунга нет последовательно развернутой аргументации. Но она может подразумеваться, включаться в него в сжатом виде. По форме своего существования лозунг может выглядеть как некая «картинка» в голове. Тем не менее вряд ли можно квалифицировать такой образ как фикцию, как упрощение, устраняющее логически ориентированное мышление.

Все это свидетельствует о том, что абстрактное противопоставление стереотипа идее, эмоционального образа — аналитическому суждению нуждается в уточнении. Именно неразличность этих образов знания составила методологически самый уязвимый пункт в концепции Липпмана. По сути дела, он предложил рассматривать содержание пропаганды как поток идеологических функций, направленных на создание превратных представлений о реальности. Липпман придал стереотипам универсальное значение, поскольку именно в этих иррациональных образованиях и символах он нашел ключ к расшифровке всего общественного сознания, его содержания и форм существования. Буржуазное манипулирование, таким образом, предстало как следствие определенных социально-психологических закономерностей, определяющих функционирование массового сознания.

Важно иметь в виду, что стереотип в трактовке Липпмана обусловлен не только функционированием социально-психологических механизмов, но и целым рядом общественных факторов. Поэтому вряд ли допустимо, как это нередко делается, сблизать его позицию с фрейдистскими концепциями или описанием специфики бессознательного. И в том и в другом варианте речь идет об иррациональности человеческих представлений, об их иллюзорности. Однако методология Липпмана была принципиально иной, а поиск ответа на поставленные вопросы не имел ничего общего ни с фрейдистской терминологией, ни с анализом природы бессознательного вообще.

Мысли Липпмана о тайнах индивидуального восприятия, о всевластии «упрощенной картинки» оказались весьма созвучными идеям воротил журнального мира, которые были озабочены тем, как привлечь к изданиям в качестве подписчиков так называемого среднего человека. Ведь именно он мог обеспечить массовость новых журналов. Пытаясь охарактеризовать этого

потенциального читателя, издатели пришли к выводу, что его отличительной чертой стала все возрастающая тяга к информации.

§ 2. Буржуазные стереотипы

Многочисленные издания Запада распространяют в наши дни целую серию политических мифов. Такие понятия, как «свобода», «демократия», «братство», «изобилие», они пытаются превратить в бессодержательные символы, в упрощенные образы, которые должны войти в сознание читателя, не пробуждая желания проверить, насколько они соответствуют действительности.

Политические мифы особенно популярны, если они олицетворены, т. е. существуют не анонимно, а в образе конкретного государственного деятеля. Буржуазная пропаганда систематически использует эти возможности для создания стереотипов. Она закрепляет в сознании среднего американца образ всемогущего и всеведущего президента США.

Каковы основные черты этого стереотипа? Американским гражданам внушалось, что Франклин Рузвельт вывел нацию из тупика «великой депрессии», Ф. Рузвельт и Г. Трумэн успешно и умело завершили вторую мировую войну. «Храбрый» Трумэн лично поднял американцев на борьбу с «коммунистической агрессией» во всемирном масштабе. Во время избирательной кампании генерал Д. Эйзенхауэр обещал, что если он станет президентом, то он «поедет в Корею» и покончит с корейской войной. Р. Никсон провозгласил «гуамскую доктрину», в соответствии с которой американцы должны были начать «сворачивать» свое «военно-политическое «присутствие» на территории иностранных государств, и т. д.

Сложные общественно-политические процессы представлены в этих пропагандистских акциях как выражение «воли президента», как результат активности «сильной личности». Пропаганда пытается внушить массам мысль о том, что президенты всегда действуют в качестве «целестремленных активистов», ибо «президентство» есть «великий механизм демократии», «единственно подлинный рупор мнения американского народа» и, вероятно, самый важный из существующих в мире государственных институтов. «Персонализация» президента особенно активной становится в ходе предвыборных кампаний. Обещания и лозунги, которые сопровождают предвыборную борьбу, например «война с бедностью», «безопасность в городах» и т. д., тоже представляют собой набор стереотипов.

Нетрудно заметить, что «миф президента» строится в соответствии с типичными механизмами создания стереотипов. Он опирается на стереотипный образ государственного мужа, на веру в то, что президент может покончить с войной, депрессией,

коррупцией. При этом расчеты пропаганды строятся на том, что «миф президента» более доступен пониманию неискушенного в политике обывателя, чем научные доктрины. Заметим также, что стереотипы, создаваемые вокруг президента, предполагают дальнейшее расширение и укрепление президентской власти.

В империалистической пропаганде широко используются также этнические предрассудки и созданные на этой основе стереотипы. Целая система стереотипов создана на Западе в связи со стремлением буржуазной пропаганды исказить правду о реальном социализме, представляя его под ярлыками «коммунистической угрозы», «тоталитарного режима», «ущемления прав» и т. д. В системе буржуазных стереотипов видное место занимает миф об индивидуализме и личном выборе (включающий в себя так называемую американскую мечту о том, чтобы иметь личные средства передвижения, индивидуальный дом, собственное дело), о нейтральности всех ключевых социальных институтов — правительства, средств массовой коммуникации, системы образования, науки и пр., усиленно рекламируется образ социальной гармонии, исключаяющей якобы социальные конфликты, противоречия и т. п.

Коммунистическая контрпропаганда должна раскрывать истинный смысл этих стереотипов, технику их рождения. Разоблачение мифов — это прежде всего привлечение необходимой информации, разрушающей стереотипы. В снижении эффективности стереотипа большую роль играет также показ его природы, слагаемых элементов и т. д. В целях доходчивости пропаганды наши средства информации используют различные образы, которые противостоят буржуазным стереотипам.

С точки зрения марксистской науки нет фатального разрыва между фактом и его образом в сознании людей. Поэтому пропаганда способна порождать стереотипы, но в той же мере и разрушать их. Стереотипы носят характер безотчетного образа. Поэтому разрушение стереотипа возможно как на базе детальной картины мира, так и путем «выдвижения» более адекватного действительности образа.

Липпман, по существу, первым в истории буржуазной пропаганды обратил внимание на социологический аспект функционирования массовых изданий. Он показал, что не может быть никакой речи о том, будто сообщение, переданное каналами информации, адекватно откладывается в сознании читателя. Напротив, оно порождает стереотип, реальное содержание которого трудно предвидеть, ибо оно обусловлено индивидуальными особенностями восприятия.

Но если сообщение вызывает пучок несогласованных реакций, то как же «обеспечить согласие», т. е. сфабриковать коллективные мнения и настроения? Ведь коллекционирование реакций читателей утрачивает всякий смысл. Гораздо проще,

забыв о теории, эмпирически, в ходе конкретной пропагандистской практики находить контакт с аудиторией.

Все это ставило перед теоретиками и практиками буржуазной пропаганды ряд острейших вопросов: можно ли и если можно, то как управлять мнениями разрозненной аудитории? Да, один и тот же факт может вызвать целый спектр образов в сознании людей. Но эти образы вместе с тем поддаются типологизации, ибо на восприятие пропагандистского сообщения оказывают воздействие объективные социально-психологические закономерности и механизмы.

В конце 50-х годов американское телевидение показало серию передач для молодых родителей. В них демонстрировалось, как пеленать ребенка, как его кормить. Самые известные в стране специалисты давали советы молодоженам. Затем был проведен опрос аудитории, чтобы выявить популярность цикла. И тут обнаружился парадоксальный факт. Оказалось, что многие родители вообще не имели представления о программе. Зато бездетные телезрители смотрели серию с нарастающим увлечением. Именно те, у кого не было потомства, с наслаждением пеленали младенца, играли с ним, приобщались к азбуке родительского чувства.

Буржуазная пропаганда к этому времени накопила уже немалый опыт манипулирования массовым сознанием. Газетные магнаты давно пришли к выводу, что эксплуатация таких тем, как преступление, смерть, секс, способствует увеличению тиражей изданий. Но пример с телевизионной серией о пестовании младенца мог обескуражить самого увлеченного манипулятора. Ведь до сих пор буржуазная пропаганда, ориентируясь на данные о росте тиражей, предполагала, что хотя рядовой читатель примитивен, поддается внушению, тянется к развлечению, однако он в меру сознателен, по крайней мере отдает себе отчет в своих поступках.

Реальная картина оказалась совсем иной. Оказывается, читатель или зритель живет в мире напряженной психологической мотивации. Он одержим подавленными влечениями, желаниями, стремлениями. Именно эти побуждения, а вовсе не критическое мышление обуславливают его поступки. Иллюзия сознательности, якобы присущей личности, мешает понять действительные скрытые импульсы поведения человека. Между тем именно погружение в сферу напряженной психической жизни индивида позволяет раскрыть реальные закономерности массовой пропаганды.

Многие западные мыслители, изучавшие механизмы пропаганды, отмечали, что она оперирует идеологическими фикциями. В частности, В. Парето, итальянский социолог, даже пытался разьяснить, почему человек так охотно приобщается к этим духовным стандартам, — он просто стремится облечь в рассудочную оболочку свои инстинктивные побуждения; отсюда интен-

сивная тяга к общепонятным трафаретам. Основываясь на таком понимании, нельзя последовательно объяснить, почему все-таки люди, осознавая убогость буржуазной псевдокультуры, тем не менее «потребляют» ее. Сторонники элитарных концепций выдвигали единственный довод: так поступают массы, заведомо лишенные подлинных духовных запросов. Однако эмпирические исследования, которые проводились на Западе, постоянно обнаруживали странную противоречивость в поведении людей.

Например, в ходе опроса зрители резко отзывались о развлекательных программах, о показе насилия на экране, о принудительной эротизации культуры. Но странное дело: контрольные эксперименты показывали, что именно эти передачи постоянно привлекают внимание аудитории, причем как раз тех слоев населения, которые больше других возмущались ими. Высоко оценивая немногочисленные просветительские циклы, зрители, напротив, как правило, пренебрегали ими.

Как объяснить это постоянное раздвоение мотива и поступка, оценки и предпочтения? Некоторые буржуазные социологи, например П. Лазарфельд, ссылались на престижные соображения, на желание зрителей скрыть свою духовную неприязнительность. Такое объяснение имеет известные основания: в капиталистическом мире господствует престижная символика, статусное потребление. Поэтому многие участники опросов искусственно завышали свои культурные стандарты. Только ли в этом, однако, дело? Ведь игра в возвышенные запросы велась зачастую неосознанно, например в ходе анонимных опросов. Более того, как показывали дополнительные исследования, люди даже не замечали своего лицемерия. В своей сознательной жизни они оставались вполне логичными и убежденными противниками псевдокультуры.

У некоторых буржуазных социологов возникло подозрение: а не воспроизводят ли участники опросов готовые оценки, стереотипы «культурного человека», сложившиеся в капиталистическом обществе? Если так, тогда, может быть, все дело в природе клишированных духовных образований, о которых говорил У Липпман? Правда, излагая свои культурные пристрастия, читатели и зрители обнаруживали вкус, пытаясь последовательно обосновать свои предпочтения, что в значительной мере противоречило представлениям об упрощенности, трафаретности мышления аудитории. Пример с телевизионной серией, рассчитанной на молодоженов, вообще не укладывался в эти социологические версии — ни один человек, заполняя анкету, не заявил бы, что хочет пеленать воображаемого младенца. А между тем такая потребность жила в нем, она была подтверждена популярностью названной серии.

В чем же реальная причина тяги аудитории к вымыслу, к удовлетворению с помощью массовой продукции своих запро-

сов? В действии некоторых объективных закономерностей психики. Дело в том, что психический мир человека обладает способностью менять свое состояние. Если бы психика человека не располагала таким адаптационным механизмом, она просто не выдержала бы огромной нагрузки. Однако когда психологическое напряжение достигает пика, психика может переключить свою энергию в иное русло. Так проявляет свое действие механизм *сублимации*, позволяющий справиться, скажем, с кризисной ситуацией, переключить психику на иной канал. Например, многие революционеры, находясь в тюрьме, оторванные от активной деятельности, обращались к творческой работе. Так родились, например, «Тюремные тетради» А. Грамши.

Механизм сублимации оказывает большое воздействие на восприятие пропагандистской продукции. Среди журналистов часто ведутся споры о том, нужно ли соблюдать принцип строгой адресности при подготовке программ. Иначе говоря, предполагается, что передачи, обращенные, например, к рабочим, должны содержать в себе только производственные темы. При этом не учитывается естественная потребность «потребителя пропаганды» отвлечься от каждодневных впечатлений, добиться сублимационного эффекта. Это нередко приводит к снижению пропагандистской эффективности. Известен пример, когда один архитектор построил в одном из горняцких городов Дом культуры для шахтеров. По замыслу архитектора он напоминал шахту, столь привычную для рабочих. Однако в этот Дом культуры они предпочитали не ходить.

Разумеется, не следует абсолютизировать действие механизма сублимации. Рабочие проявляют огромный интерес к производственной тематике, воплощенной в печати, на радио или телевидении, если эта тема получает яркую разработку. Они отрицательно реагируют лишь на однообразие, на стремление автоматически соотнести профессию, род занятий с характером пропагандистской передачи.

Сошлемся в этой связи на опыт рождения четвертой телевизионной программы в нашей стране. В середине 60-х годов советское телевидение получило возможность передавать передачи еще по одному каналу. Встал вопрос о профилизации этой программы. Велись дискуссии о том, какой она должна быть. Некоторые предлагали сделать ее многонациональной, другие — спортивной, третьи — развлекательной.

Свою программную концепцию сформулировали и журналисты, работающие в штате четвертой телевизионной программы. Они решили сделать программу «элитарной», т. е. рассчитанной на высокие духовные запросы зрителей. Именно в эти годы в нашей стране появились многочисленные исследования зарубежных социологов, которые третируют телевидение как массовое зрелище, обесценивающее высокие образцы художественной продукции.

Создавая свою программную концепцию, работники четвертой программы исходили именно из этой посылки. Они предлагали сделать одну программу средоточием высокой культуры, рассчитанной на самых образованных зрителей. Предполагалось, что люди, занимающиеся напряженным интеллектуальным трудом, хотя бы с экрана звучали классическая музыка, философские тексты, художественные трактаты. Разумеется, высокообразованный человек имеет соответствующие духовные запросы. Однако формулируя свою концепцию, работники четвертой телевизионной программы не проявили интереса к психологическим закономерностям аудитории.

В частности, они не учли того факта, что образованный человек отличается от менее образованного не только своими запросами, но также избирательным отношением к каналам информации. Неграмотный человек может воспринимать радио как единственный источник информации. Напротив, человек высокой культуры знает и о других каналах знания. Поэтому он может искать в конкретном канале информации то, чего не может получить по другим каналам.

Четвертая программа Центрального телевидения вышла в эфир в октябре 1967 г. Она принципиально отличалась от первой и второй по верстке и структуре, по содержанию и тематике, по формам подачи материала. Хотя адресность программы официально нигде не была определена, однако при знакомстве с документами, в которых получила свое оформление идея новой программы, видно, что эта программа рассчитана на подготовленного зрителя. Вот как определяли ее творцы программы: «Развивая культурно-просветительные традиции I и II программ, эта «телевизионная академия науки и техники, культуры и искусства» ставит своей целью широкую пропаганду научно-технических знаний и культурно-художественных ценностей, необходимых для воспитания широко образованной, гармонично развитой личности. Ввести зрителя в сокровищницу общественной мысли, в беспредельный мир научного поиска, познакомить его с диалектикой природы и диалектикой общественных процессов, показать выдающиеся памятники материальной культуры и художественного творчества всех времен и народов, научить его творить жизнь «по законам красоты» — такова необъятная, но увлекательная задача четвертой программы».

Однако социологические опросы, проведенные научной службой Гостелерадио, показали, что стремление редакции ориентироваться на самые образованные слои населения не оправдало себя. Программа стала пользоваться немалой популярностью, но не среди интеллигенции, а среди людей, имеющих средний образовательный ценз. Дело в том, что самые образованные зрители не стремились приобщиться к Канту или Бетховену с помощью телеэкрана. Они пользовались другими источниками

информации, а телевидение рассматривали в основном как канал развлечения.

Этот эксперимент показывает, что механизм сублимации существенно влияет на избирательность телепередач, на восприятие программ. Зрители не могут пребывать постоянно в ситуации предельного интеллектуального напряжения. Поэтому даже самые образованные, отличающиеся высоким уровнем запросов, ищут порою переключения психической энергии, разрядки, разнообразия. Это и необходимо учитывать при определении программной политики.

Социальная психология помогает в известной мере понять и популярность «массовой культуры» среди определенных слоев буржуазного общества. Какие же психологические механизмы выступают в качестве формообразующих факторов «массовой культуры»? Известный американский философ Т. Адорно стремится показать действие глубинных, бессознательных процессов, на базе которых складываются фактические запросы к «массовой культуре». Он подчеркивает, например, роль «вытеснения», т. е. бессознательного устранения тягостных чувств, воспоминаний или побуждений. Монотонная, изматывающая повседневность капиталистического мира постоянно порождает в человеке чувство неудовлетворенности. Многие его стремления, ожидания не сбываются, не осуществляются и поэтому вытесняются в сферу бессознательного. Все это порождает потребность в психологической компенсации, в отвлечении от неприятной действительности. Вот почему телевизионная серия об уходе за младенцем вызвала столь явный интерес бездетных зрителей.

Нет оснований отрицать действие описанного психологического механизма. Однако в трактовке роли этого процесса Адорно, как нам кажется, допустил ряд ошибок, непосредственно связанных с его психоаналитической методологией. На формирование тех или иных типов восприятия оказывают воздействие не только психологические механизмы, но и ценностные ориентации. Скажем, интерес к фантастике обусловлен не одной потребностью оторваться от действительности, но и ценностно-познавательными факторами. Адорно более или менее правильно указал на то, как в буржуазном мире возникает спрос на галлюцинаторную литературу, на такую псевдокультурную продукцию, которая порождает грезу, иллюзию, ощущение гармонии. Однако он подошел к делу упрощенно. Ведь бегство от действительности продиктовано не только психологической потребностью. Например, общественное безразличие, политическая инертность в капиталистическом мире могут быть и вполне осознанной позицией людей, изверившихся в буржуазной демократии с ее политиканством, демагогической фразеологией, инспириацией воодушевления и активных действий.

Наконец, потребность в произведениях, которые отражают

действительность не правдиво, а создают некий иллюзорный мир, принципиально отличающийся от реального, тоже не может быть объяснена одними лишь психологическими факторами. Спрос на такого рода литературу искусственно создается пропагандой, всей индустрией псевдокультуры и имеет вполне определенный социально-классовый смысл: буржуазия стремится путем проповеди пассивности, эскапизма (бегства от действительности) сбить волну роста гражданской сознательности у тех или иных слоев населения, нейтрализовать те или иные формы классового протеста против капиталистической реальности.

Рассмотрим другой психологический механизм, на который ссылается Адорно,— механизм перенесения, или проекции. Речь идет о том, что раздражение или аффект, переживаемые кем-то, могут получить ложную направленность. Вспомним у А. С. Грибоедова: «Ах! Этот человек всегда причиной мне ужасного расстройства!». Но действительно ли именно этот субъект служит подлинным источником тех или иных болезненных чувств? Или в силу различных психологических закономерностей в качестве «виновника» оказывается совсем другой индивид?

По сути дела, об этом писал уже итальянский социолог В. Парето. Он говорил о том, что любая идеология стремится персонифицировать «пагубную силу», воплощая ее в образе конкретного человека или абстрактной сущности (дьявол, враг). Действие этого механизма Адорно описал опять-таки более или менее адекватно. Действительно, манипулятору важно нейтрализовать психологическое раздражение, направив его по ложному адресу. В этом смысле средневековые судилища над «ведьмами» и политические процессы времен маккартизма эксплуатировали одни и те же пружины психической природы людей.

И в этом случае, однако, Адорно остается в рамках чисто психологического анализа, что приводит его к односторонним умозаключениям и неоправданным обобщениям. С социально-политической точки зрения между средневековой «охотой за ведьмами» и антикоммунистической истерией в США, например, существует немалая разница. Точно так же, подчеркивая постоянное переключение недовольства, поиск все новых и новых объектов для персонификации зла, Адорно упускает из виду, что многие подмеченные им явления, например фанатическое ослепление, являются не только продуктом «фиктивного олицетворения». Они восходят к действительным событиям, процессам, к подлинным социальным характерам. Настроения экстремизма и насилия, бытующие в капиталистическом мире, порождены не одними лишь психологическими причинами или направленностью «массовой культуры».

Адорно описывает также действие механизма сублимации, когда энергия человека переключается в иное русло, так сказать, не по прямому назначению. Например, психологическое

напряжение, вызванное неудовлетворенной сексуальностью, может стать побудительным импульсом фантазии, творчества. Потребность в злодеянии, переживаемая неким субъектом, способна получить фиктивное воплощение, если данный индивид приобщится к «кровавому» зрелищу. Буржуазная пропаганда постоянно использует «сублимированные аффекты». Например, господин Дюмон, домосед, женатый на очень немолодой особе, прекрасно знает, что никогда в жизни он не окажется на необитаемом острове в обществе очаровательной обнаженной девицы. Это приключение ему предлагает театр.

Советская психологическая наука не отрицает роли бессознательного в психике человека. Нет необходимости отказываться и от понятий «вытеснение», «психологическая защита» и многих других, на которые ссылается Адорно. Весь вопрос в том, как эти понятия раскрывать, как использовать их в конкретном анализе культурной продукции, социального поведения человека и т. д. «Порок психоаналитической концепции заключается вовсе не в том, что она не соответствует никакой действительности. Напротив, она достаточно откровенно описывает реальные психологические механизмы воздействия на людей продукции капиталистической «массовой культуры» и, более того, составляет конкретные, «научно обоснованные» рецепты изготовления этой продукции. При этом психоанализ хотел бы представить свои конструкции в качестве «всеобщей модели искусства», и именно в этом пункте он подлежит бескомпромиссной критике»¹.

Адорно обратил внимание еще на один существенно важный факт: буржуазная «массовая культура» при всем разнообразии своих сюжетов, тем, приемов тяготеет к двум полюсам. На одном из них галлюцинаторный, благостный мир удачи, гармонии, безоблачного сентиментального счастья, на другом — мир злодеяния, крови, насилия. С точки зрения психоаналитической методологии разительная противоположность этих сфер и в то же время их близость как раз и обеспечивают необходимый психологический эффект. «Красивая» жизнь нужна рядовому человеку буржуазного общества, чтобы отвлечься от тревожной действительности, ее горестей и потрясений. Но такого переключения психической энергии явно недостаточно. Многие люди мучительно переживают накопившееся раздражение, боль, досаду. «Массовая культура» опять-таки приходит на выручку. Она предлагает сюжеты расправы, мести, справедливого воздаяния. Итак, механизмы проекции, сублимации, вытеснения, по Адорно, и порождают структуру «массовой культуры», ее противоречивый ландшафт.

Эти представления получили свое оформление в обстоятель-

---

¹ *Бородай Ю.* Психоанализ и «массовое искусство» // «Массовая культура»: иллюзии и действительность. М., 1975. С. 180.

ном анализе так называемого авторитарного человека. Адорно исходит из того, что в современном мире сложился новый тип личности. Особенность его состоит в том, что ему присуща двойственность поведения, неискоренимая разорванность сознания. Человек испытывает настроения подавленности, одиночества, у него появляется потребность в грезе. Но взрывная психологическая реакция то и дело превращает этого тихоню в мятежника и психопата. Таким образом, два полюса буржуазной «массовой культуры» непосредственно порождены природой современного человека, совокупностью присущих ему духовно-психологических черт.

К тому времени, когда складывалась концепция Адорно, буржуазная пропаганда и в самом деле демонстрировала разительное сочетание двух фабул — сюжетов удачи, неслыханного возвышения, безоблачного счастья и преследования, преступления, мести. «Массовая культура» показывала причудливую смесь покорности и фанатизма, доброты и злодейства, всепрощения и садизма.

С одной стороны, выходили так называемые фотороманы, иллюстрированные журналы для домохозяек. Многие «солидные» буржуазные издания из номера в номер стали печатать романы-приложения, которые рассказывали о похождениях светских красавиц, переодетых принцев, явившихся, чтобы осчастливить бедную падчерицу. Скромная девушка из народа выходит замуж за миллионера, жалкий воришка становится всемогущим графом или князем, а «совсем простой человек» возносится в члены правительства — таковы излюбленные темы этих романов. Сюжеты галлюцинаторного счастья приобрели огромный тираж. Появилось множество терминов для обозначения массовой литературной продукции, повествующей о «красивой жизни», — «тривиальная», «мусорная», «низкопробная», «литература с черного хода», «литература вразнос», «развлекательная литература», «обиходная литература», китч...

С другой стороны, как бы эксплуатируя иные психологические механизмы, «солидные» издания печатали уголовную хронику, рассказы о преступлениях, сексе и насилии. Многие буржуазные журналы стали специализироваться на произведениях полицейского жанра. Выпускались серии и детективные новеллы, в которых излагались «кровавые» события, изобличались бандиты и растлители, прославлялись ловкие мстители.

Развитие массового телевидения в США совпало по времени с развертыванием в стране антикоммунистической истерии. Теоретики и практики буржуазной пропаганды быстро разглядели огромные манипулятивные возможности домашнего экрана. И характерно, что пропагандистское наступление политической реакции в США, как выяснилось, основывалось на использовании рецептов «массовой культуры», специфических механизмов человеческой психики. Империалистическая пропаганда

изо дня в день насаждала шпиономанию, рассказывала об умышленных злодействах недремлющего и злокозненного врага. «Охота за ведьмами» была призвана создать неослабевающее психологическое напряжение. Манипуляторы стремились запугать обывателя, они твердили о «разоблаченном заговоре», о «красной опасности», пытаясь укрепить страх перед завтрашним днем.

Так, в период «холодной войны» усилиями империалистических правительств был развернут специфический тип пропаганды — «психологическая война», а также создан специальный механизм для ведения такой пропаганды. Они предназначены были для возбуждения ненависти к странам социализма и вмешательства в их внутренние дела.

Исследуя стереотипы телевидения, образы «массовой культуры», Адорно сумел дать выразительное описание многих особенностей империалистической пропаганды, которая насаждает грезы, порождает настроения ненависти, мстительности. Однако психоаналитическая методология Адорно привела к превратному истолкованию многих процессов, к искажению социально-классовых аспектов буржуазного манипулирования массовым сознанием. Рассуждения Адорно пропитаны явным высокомерием по отношению к простым людям, неспособным якобы компетентно судить о проблемах политической жизни. Этот приговор вынесен Адорно на том основании, что простые люди обычно наклеивают «ярлыки» на реальные факты социальной жизни. Такие выводы Адорно требуют существенных корректив.

В реальной жизни действуют не эксперты, а обыкновенные люди, оценивающие события с позиции своего социального, классового опыта. Поэтому мнение индивида по тому или иному вопросу включает в себя не только основательно продуманные суждения, но и стихийно переживаемые формы согласия или несогласия с конкретными ценностями и установками, всевозможные реакции на внешнее влияние в виде настроений, эмоционально окрашенные образы и т. д.

На пути к продуманному и взвешенному мнению нередко происходят своеобразные срывы, когда индивид оставляет последовательную логику, замещая ее общей эмоциональной оценкой, апеллирующей к повседневному опыту. Процесс размышления при этом подменяется готовым результатом. «Соскользнув» со стези логических операций, человек в данном случае демонстрирует «здравомыслие»: «это правильно, потому что так думают все».

Сложный процесс осмысления и анализа социального опыта, усвоения массами трудящихся передовых идей Адорно представлен схематически, оценив все формы продвижения к сознательной политической жизни как различные виды стереотипного мышления. Таким образом, он, по сути дела, абсолютизировал приемы и методы империалистической пропаганды.

§ 3. Механизмы психики

На самом деле причины «невежественности» аудитории, нечеткой политической ориентированности масс лежат вовсе не в их фатальной иррациональности, а в самой империалистической пропаганде, которая навязывает людям свои стереотипы, разражированные клише. При этом манипуляторы обращаются не только к чувствам индивида, но и к его сознанию, тщательно имитируя процесс аналитического рассуждения, порождая и культивируя всевозможные формы псевдорефлексии. Империалистическая пропаганда как раз и заинтересована в том, чтобы приглушить «здравый смысл», способность к социальному поведению, заставить людей следовать навязываемым стереотипам.

Оценивая различные формы эскапизма, вызванные к жизни социально-психологическими механизмами, Адорно также не сумел всесторонне проанализировать содержание этих процессов. Буржуазная пропаганда действительно фабрикует иллюзии, грезы, отвлекающие людей от реального мира. Однако вряд ли можно вывести характер идеологических явлений из особенностей психического склада человека, стремящегося к психологической компенсации. Например, в эпоху свободной конкуренции в массовой литературе нередко рассказывалось о сказочном обогащении, быстром социальном возвышении людей. Но эта продукция вовсе не была в ту пору средством «успокоения» читателей, инструментом отвлечения от реальности, ибо сама практика в какой-то мере подкрепляла эти сюжеты. Другое дело, когда концентрация капитала лишила людей свободной инициативы. Вот тогда-то и возникла объективная потребность в иллюзорном замещении реально утраченных свойств личности. Разумеется, «массовая культура» эксплуатирует психологические механизмы людей, их потребности в галлюцинаторном воплощении своей мечты, в «реализации» возмездия за крушение собственных иллюзий. Но действительная пружина этой псевдокультуры лежит совсем в другой плоскости — в стремлении скрыть кричащие противоречия между официальной идеологией и реальностью.

Адорно понял «массовую культуру» буржуазного мира как выражение определенных объективных процессов. Он вполне справедливо предлагал видеть в ней не только «вранье», плод субъективного вымысла, призванного обслужить низкопробные вкусы. В развитии «массовой культуры» Адорно усмотрел нечто закономерное. Но поскольку он связал ее функционирование лишь с действием психоаналитических механизмов, многие явления буржуазной пропаганды остались необъясненными.

Неясно, например, почему потребность аудитории в галлюцинаторной культуре реализуется в галерее постоянно меняющихся социальных персонажей. Для концепции, оценивающей

«массовую культуру» как порождение индивидуальных механизмов психики человека, а не как форму приспособления индивида к наличной социально-экономической практике, такого рода вопросы принципиально неразрешимы. Чтобы понять их, важно показать действие еще одного механизма — *идентификации*.

В пору стремительного развития телевидения американские зрители полюбили цикл мультипликаций, главным героем которого был Микки Маус. В начале этой фантастической серии серому мышонку все время не везло. Всюду его подстерегали невероятные опасности. Но однажды, совершенно случайно, Микки отведал некоего снадобья, придающего необыкновенную силу. С той поры все изменилось. Обретя могущество, он стал верным защитником всех гонимых и обездоленных. Разглядев с небесной высоты какое-нибудь бедствие, Микки, точно метеор, обрушивался на злодеев, спасая жертву в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях.

Разумеется, в этой серии обыгрывался нехитрый набор одинаковых ситуаций. Лукавые коты, кровожадные волки получали по заслугам каждый раз, как только намеревались обидеть мышат или овец. В каждой программе действие достигало остроты за счет одного и того же приема — злоумышленники были предельно близки к своей цели, но вездесущий Маус... Однако, несмотря на стереотипность образов и сюжетов, зрители не могли оторваться от зрелища.

Почему зрители с такой инфантильностью погружаются в фантастическое действие? Отчего они столь доверчивы, так безмерно сочувствуют любимым персонажам? Чем объяснить, что картины справедливой мести, заслуженного воздаяния доставляют аудитории острое чувство возбуждения и радости? Что, вообще говоря, заставляет зрителей переживать за гонимых и злорадно торжествовать над наказанным притеснителем?

Конечно, объяснить популярность серии мультипликаций, противоречивость восприятия этого зрелища (причудливое сплетение сочувствия и ненависти у зрителей), потребность в постоянном продолжении цикла можно было и по Адорно: рядовой индивид, сталкиваясь с суровой буржуазной действительностью и переживая психологическое напряжение, ищет в «массовой культуре» иллюзорного воплощения своих побуждений. Ощущая себя песчинкой, человек стремится раствориться в образе Микки, почувствовать себя, хотя бы в воображении, всемогущим и удачливым. С другой стороны, он жаждет реванша, т. е. расправы над теми, кому завидует, кого считает «счастливым». Таким образом, человек избавляется от болезненных напряжений либо путем фиктивного воплощения своих влечений (греза), либо путем агрессивного акта (фанатизм).

Однако в таком истолковании метафизики «массовой куль-

туры» немало неувязок, хотя бы потому, что весь анализ, по сути дела, здесь сводится к регистрации различных проявлений эскапизма. Однообразное указание исследователя на то, что в культурной продукции можно обнаружить галлюцинаторные эффекты и сюжетику злодейства, не позволяет раскрыть содержание массовой буржуазной пропаганды более конкретно, детализированно.

Следовательно, надо сделать еще один шаг на пути к анализу строения «массовой культуры» — обратить внимание на всевозможные персонификации, порожденные психологическими механизмами, в частности потребностью индивида в идентификации. Речь идет о том, что человек воспринимает мир как поток персонализированных образцов, постоянно соотносит себя с другими людьми, в их индивидуальными свойствами, обликом, характером. Индивид, собственно, и формируется-то отождествляя себя с конкретным образом, персонажем, реальным или выдуманным «кумиром».

Буржуазные психологи-эмпирики давно натолкнулись на это явление. Они подчеркивали, что поведение человека в значительной степени обусловлено тем, как он оценивает себя, как воспринимает свои социальные роли. Оказалось, например, что многие представители средних слоев населения склонны в собственной оценке причислять себя к более состоятельным людям и соответственно следовать другим стандартам мысли и поступка. Иначе говоря, выяснилось, что поведение человека регулируется не только присущими ему социальными ролями, но и тем, как он сам «определяет» себя. Например, тщетно искать в поступках скромной консьержки черты того образа жизни, который присущ людям ее профессии, если она сама мысленно отождествляет (идентифицирует) себя с кем-то, кому присущи неожиданные мотивы, необычные ценностные ориентации.

Важно, таким образом, не только знать, кем является данный «потребитель культурной продукции» — миллионером, рабочим, служащим, но и то, как он сам себя воспринимает, как оценивает собственное социальное положение, роль, образ жизни. Все это существенно влияет на отношение конкретного человека к пропаганде, к «массовой культуре». Манипулятивная пропаганда буквально одержима манией персонификации. Она предлагает аудитории многочисленные варианты, позволяющие отождествить себя с образами удачников, суперменов, аутсайдеров, мстителей. Глубокое внутреннее влечение человека к осознанию собственного «я» подменяется, по сути дела, фиктивным, иллюзорным самоуверением.

В 1977 г. на экране американского телевидения появилась эффектная блондинка, причесанная по последней моде и осыпанная с головы до ног золотыми блестками. «Меня зовут Мамми Лиз». Телевизионная красавица призвала всех, кто смотрит в эту минуту передачу, покупать «люкс-автомобиль»

производства новой фирмы «Твэнтис сенчури мотор каркомпани». В эфир был брошен клич: «Спешите, а то вас опередят! Чем скорее вы вложите деньги в это надежное дело, тем лучше!..». За несколько месяцев фирма получила тысячи заявок с необходимым авансом. Но вскоре грянул скандал. Оказалось, что такой фирмы в природе не существует, ее «изобрел» мошенник-рецидивист, загримированный на экране под блондинку.

Нас интересует в данном случае не столько факт дубовой рекламы, сколько конкретный, «удачно угаданный» облик персонификации. Преступник убедил аудиторию в реальном наличии суперавтомобиля не просто потому, что зрители вообще склонны обольщаться блондинками. В качестве рекламы он выбрал определенный образ — не делового человека (мужчины), а именно эффектный стереотип «блондинка», образ размытой привлекательности, в котором можно разглядеть секретаршу, представительницу фирмы и спутницу жизни одновременно.

Механизм персонификации действует изощренно. Он опирается не только на психологические закономерности, но и на определенные социокультурные черты. Европейские телезрители, например, привыкли к мультипликационному персонажу Дональду Даку. Но вот телевизионную серию об этом утенке показали в одной африканской стране. И произошло непредвиденное. Зрители стали бросать в экран различные предметы, выражать свое возмущение. Аудитория не приняла персонификацию, обнаружила в ней нечто несуразное, оскорбительное.

Буржуазные агентства давно убедились в том, что зрители могут поверить в реальность вымышленного персонажа, если он не разрушает эффекта персонификации. Именно поэтому такой популярностью пользуются многосерийные фильмы. Люди привыкают к конкретному герою, «сопереживают» с ним, испытывают потребность в «продолжении» его жизни на экране. Каждое воскресенье и каждый вторник на протяжении четырнадцати лет американцы включали экраны, чтобы оказаться на ранчо в полюбившейся им семье Бена Картрайта и трех его сыновей. Другая еженедельная телевизионная серия выходила в эфир двадцать три года подряд. Ее популярность поддерживалась персонификацией, которую создала телевизионная звезда Люсиль Болл.

«В анонсах очередного телесезона,— отмечает С. Муратов,— американским телезрителям предлагают неизменный набор сериалов: адвокатских, медицинских, школьных, криминальных, ковбойских, семейных хроник, комедий положений и фильмов ужасов»¹. Но вот что парадоксально: зрители привыкают к эффекту многосерийности, воспринимают экранную жизнь героев как достоверную, реальную. Они гневно и решительно возра-

---

¹ Муратов С. Парадоксы многосерийности//Проблемы телевидения. М., 1976. С. 58.

жают против попыток сценаристов «умертвить» персонаж, к которому привыкли, болезненно реагируют на все попытки изменить облик героя, разрушить персонификацию.

Буржуазная пропаганда предлагает сегодня широкий набор стереотипных героев — она стремится утвердить свои мифы с помощью культа звезд, будь то Мэрилин Монро или Раquel Уэлч, Брижит Бардо или Ален Делон, биттлзлы или законодательницы моды, вроде знаменитой в 60-е годы Твигги. Американский президент Кеннеди видел в механизме персонификации весьма эффективный способ идеологического влияния на массы. Как умный и расчетливый политик, он первым стал рекламировать Я. Флемминга, заявив, что это его любимый писатель. Джеймс Бонд превратился, таким образом, в модного персонажа, призванного вывести обывателя из состояния апатии и безверия.

В процессе социализации человек соотносит себя не только с теми или иными конкретными социальными ролями, но и с особым рода абстрактно-персонифицированными образными представлениями, созвучными его собственным личностным ориентациям. Это могут быть, например, литературные герои, реальные исторические лица, «условные» социально-психологические или культурно-исторические типажи («романтик», «деловой человек», «сильная личность» и т. д.). Подобные идеальные образные конструкции, развертывание которых связано с интенсивной работой воображения, имеют для индивида ярко выраженную ценностную значимость.

Слой этих «условно-воображаемых» символических значений содержит в себе, по-видимому, различные сочетания ценностей, их всевозможные комбинации, оказывая сильное — и зачастую глубоко плодотворное — влияние на мотивы поведения людей. Однако в условиях буржуазного общества механизм самоотождествления с «идеальным» образом используется пропагандой как средство культивирования ложных ориентиров, наркотических состояний, персонифицированных идолов.

Индивид, включенный в социальную систему, которая извращает и мистифицирует все человеческие связи и отношения, может утратить реальное представление о том, «кто он такой», и попытаться выйти из тупика с помощью полуфантастической ориентации на так называемые референтные группы, к которым он в реальности не принадлежит и принадлежать не может.

Строительным материалом соответствующих фантазий могут оказаться неожиданные и затейливые образы, «взятые напрокат» из самых непредвиденных источников. Эти образы (а точнее — персонализированные образцы, наглядным примером которых может служить исследованная К. Марксом фикция Луи-Бонапарта) ищутся индивидом прежде всего в реальном окружении. Однако далеко не каждому удается найти в своей среде людей, которые могли бы выполнить прототипическую функцию в процессе иллюзорной самоидентификации. Поэтому индивид

устремляется за пределы своего окружения — в мир образов, предоставляемых существующей культурой, и, конечно, не в последнюю очередь «массовой». Благодаря средствам массовой коммуникации круг потенциальных объектов отождествления многократно расширяется. Производство тиражированных «идеальных образцов» может при определенных условиях привести к выработке готового ассортимента сугубо индивидуальных иллюзий, к возрастающей стандартности глубоко интимного мира массы индивидов в буржуазном обществе.

Таким образом, если мы будем рассматривать социализацию индивида, осознание им своей классовой принадлежности, интересов и ценностей, вытекающих из его социальных ролей в обществе, как реальный и конкретный процесс, можно зафиксировать различные формы социального самосознания, присущие индивиду, включенному в определенный социально-исторический процесс.

Постановка проблемы несоответствия факта и его образа в сознании аудитории выдвигает ряд новых вопросов, требующих изучения. Среди них можно назвать вопрос об отношении личностных особенностей коммуникатора к содержательным характеристикам сообщений, о констатационных и дискуссионных способах подачи материала, о барьерах восприятия и т. д. Эти проблемы представляют интерес для повышения эффективности советской контрпропаганды.

Личность на экране... Эта тема за последние годы стала все чаще обсуждаться в теории журналистики. В самом деле популярность персонифицированных программ намного выше, чем программ, лишенных постоянного ведущего. Образ человека, который как бы воплощает собой содержание программы, обеспечивает нередко и доверие к фактам, и возможность раскрыть их реальный смысл. Это относится, скажем, к нашим политическим и международным комментаторам. Сейчас немало внимания уделяется тому, чтобы они были как можно более индивидуальны, воспринимались бы именно как личности.

На протяжении многих лет «Кинопанорама» оставалась неизменной по своей жанровой определенности. Это и сегодня телевизионное обозрение, в котором демонстрируются отрывки из фильмов, идет обсуждение творческих проблем кино. При этом смена ведущего в этой передаче решительно меняла и характер программы. Вспомним: А. Каплер, Ю. Яковлев, Г. Капралов, Д. Орлов, Э. Рязанов...

Однако возможности персонифицированной пропаганды используются у нас еще слабо. По существу, мы стоим у истоков этой проблемы. Обостренный интерес к ней свидетельствует о том, что в ближайшие годы положение изменится. Стоит подумать также и о том, чтобы изучить опыт советского радиовещания, телевидения в области психологии восприятия программ. И в этой сфере накоплен у нас большой материал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показывает, что круг проблем, которые разрабатывают сегодня буржуазные теоретики «массовой идеологии», за последние годы значительно изменился. В течение ряда десятилетий он нередко сводился к анализу форм и методов функционирования каналов массовой информации. В наши дни происходит процесс активного освоения идей классиков буржуазной социологии, обобщения данных, полученных представителями различных дисциплин. Поэтому в западные теории пропаганды все чаще входят мировоззренческие вопросы.

Концепции пропаганды в буржуазной литературе получают явный мировоззренческий смысл как попытки дать объяснение светлым и трагическим сторонам современного мира, обнаружить логику в цепи зависимостей, обуславливающих конъюнктуру политических ситуаций, социальные потрясения и «отклонения» в поведении человека, духовное обогащение личности и дегуманизацию буржуазной культуры, нарастание информационных потоков и усиление потребительской психологии.

Филологический, философско-социологический анализ современной буржуазной идеологии, как нам кажется, предполагает критическое изучение мировоззренческих сторон различных концепций, объяснение причин своеобразного бума, возникшего в последние десятилетия в данной области исследований и демонстрирующего важные стороны общественного сознания в странах капитала.

Антикоммунистическая и антисоветская клевета, искусное извращение правды, эксплуатация стихийно складывающихся иллюзий и предрассудков, инспирирование слухов, расчетливая дозировка фактов и вымыслов — таков арсенал буржуазного пропагандистского «искусства» лжи и обмана. Многие из этих приемов — идет ли речь о семи, десяти, двадцати четырех или ста двух способах дезинформирования (именно о данном возрастании числа возможных уловок при воздействии на общественное мнение говорят сами буржуазные исследователи) — родились в самой практике империалистической пропаганды. Роль концепций пропаганды в этом смысле свелась к обнару-

жению, систематизации и описанию различных приемов манипулирования общественным сознанием.

Буржуазной теории и практике манипулирования общественным мнением противостоит последовательно и глубоко разработанная теория коммунистической пропаганды. Как показывает проведенный анализ, теоретические основы и принципы коммунистической пропаганды разработаны и осуществлены К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным. В центре коммунистической пропаганды находится разъяснение научной идеологии и политики партии, раскрытие закономерностей развития и функционирования социалистического общества, показ его исторических преимуществ, путей перерастания в коммунизм. Она ведет борьбу против пережитков прошлого, разоблачает идеологические и психологические диверсии империализма, направленные против стран социализма и национально-освободительного движения, мира и мирного сосуществования двух социальных систем. Целью коммунистической пропаганды является формирование научного мировоззрения, патриотизма и пролетарского интернационализма, воспитание активной жизненной позиции личности, направленной на торжество коммунизма.

«Партия исходит из того,—отмечается в Программе КПСС,— что воспитание человека неотделимо от его практического участия в созидательном труде на благо народа, в общественной жизни, в решении задач социально-экономического и культурного строительства. Отрыв от действительности, от ее реальных проблем обрекает идейно-воспитательную работу на абстрактное просветительство, беспредметную словесность, уводит в сторону от насущных задач коммунистического созидания. Идеологическую деятельность должны отличать тесное сопряжение с общественной практикой, глубина идейно-теоретического содержания, полный и точный учет реальностей внутренней и международной жизни, возросших духовных запросов трудящихся, близость к людям, правдивость, аргументированность, конкретность»¹.

В развитии и реализации идей XXVII съезда КПСС, дальнейшем развертывании и углублении новой проблематики исследования, в обеспечении решительного поворота научных исследований к потребностям практики, в воспитании у всех кадров умения мыслить и действовать по-новому активная роль принадлежит коммунистической пропаганде. В публикуемых прессой материалах, в программах радио и телевидения ощущается сегодня живая связь времен, политики, революционных традиций, их созвучие с общей морально-психологической атмосферой, сложившейся после XXVII съезда КПСС.

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 163.

В современных условиях чрезвычайно возрастает роль пропаганды. Она призвана раскрывать историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Наша революция — самое выдающееся событие XX века, возвестившее начало новой эры в жизни человечества. Время глубоко раскрыло ее непреходящее значение, высветило гигантские возможности, которые открывает социалистическое общественное развитие.

Великий Октябрь продолжается в наших делах сегодня. В стране разворачивается перестройка — революционная по своей сути созидательная работа. Цель ее — ускорить прогресс социалистического общества. Крупные, принципиально важные решения приняты на состоявшемся в июне 1987 г. Пленуме Центрального Комитета. Они вооружают партию и народ теорией перестройки, мобилизуют их на более глубокие реформы, на смелые меры, призванные придать социализму самые современные формы общественной организации.

Сегодня наша страна — быстро меняющееся общество. Это общество уже с другими настроениями и другими надеждами. Общество обновляется, пришло в движение, заработала мысль, а практические действия становятся активнее и приносят все более осязаемые результаты. Июньский Пленум как бы завершил выработку целостной концепции перестройки, идея которой была выдвинута в апреле 1985 г., разработана в документах XXVII съезда партии, январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС. Политическое значение июньского Пленума в том, что он переводит идеи перестройки в практическую плоскость, причем в решающей общественной сфере — экономической, затрагивающей первоосновы жизни народа.

Строительство социализма начиналось в нашей стране в обстановке хозяйственного хаоса и военной разрухи. Почти три десятилетия СССР один на один противостоял мировому капитализму, непрерывно подвергался империалистическому давлению и шантажу. В войне против гитлеровской агрессии страна потеряла 20 миллионов своих сынов и дочерей, лишилась трети национального богатства. Многие годы приходилось работать с крайним напряжением сил, жить, отказывая себе в самом необходимом. Мы выстояли, нас не согнули и не сломали.

Но было и другое. Дорогой ценой пришлось расплачиваться за отступления от ленинских принципов и методов строительства нового общества, за нарушения социалистической законности, демократических норм жизни в партии и обществе, за волюнтаристские ошибки, за догматизм в мышлении, инерцию в практических действиях. Величественна картина достигнутого после Октября, за десятилетия социалистического строительства. Но время бросает нам новый вызов. В изменившихся условиях наше общество вновь проверяется на динамизм, на способность быстро подниматься по ступеням прогресса.

«Наша экономика, — отмечается в Обращении Центрального

Комитета Коммунистической партии Советского Союза в связи с 70-летием Великого Октября, — испытывается на эффективность, на восприимчивость к передовым технологиям, на умение выдавать первоклассную продукцию, выдерживать любую конкуренцию на мировых рынках. Наша мораль, весь наш образ жизни испытывается на способность неуклонно развивать и обогащать ценности социалистической демократии, социальной справедливости и гуманизма. Наша внешняя политика — на твердость и последовательность в защите мира, на гибкость и выдержку в условиях раздуваемой лихорадочной гонки вооружений, нагнетаемой им международной напряженности».

Многие органы советской пропаганды ведут активнейшую работу по разъяснению положений, которые содержатся в материалах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, добиваясь того, чтобы призывы и решения партии стали руководством к действию для всех советских людей. Публикации органов печати, тематические передачи Центрального телевидения привлекают внимание к конкретным насущным проблемам нашего общества, побуждают к поискам средств их разрешения, ориентируя на имеющийся положительный опыт.

Успех любого дела определяется прежде всего человеком. В человеческом факторе — основа нашего ускорения, залог необратимости перестройки. В этот переломный момент работники пропаганды как никогда осознают значение будничной работы, и не только работы трудовых коллективов, но также и своей собственной повседневной, будничной, самой трудной работы.

Гласность — это форма общественного самоуправления и самоконтроля. Идеологическим работникам поручено эту форму развивать и утверждать через полное информирование народа о реальном положении в стране, о ее прошлом, настоящем и будущем. Только так мы будем застрахованы от ошибок в политике и в повседневной практике.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Глава I</i>	
ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	9
§ 1. Закономерности классовой борьбы	9
§ 2. Роль теории в идеологической борьбе	16
§ 3. Многоликость антикоммунизма	24
<i>Глава II</i>	
СООТНОШЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ И ПРОПАГАНДЫ	37
§ 1. Генезис идеологии	37
§ 2. Классики марксизма об идеологии	51
§ 3. Буржуазные фальсификации марксистского учения об идеологии	59
<i>Глава III</i>	
В. И. ЛЕНИН О ПРОПАГАНДЕ	71
§ 1. Понятие научной идеологии	71
§ 2. Информирование и пропаганда	83
§ 3. «Пропаганда делом»	97
<i>Глава IV</i>	
ПРОПАГАНДА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ	99
§ 1. Опыт понятийно-терминологического анализа	99
§ 2. Типологические черты	107
§ 3. Современная трактовка	112
<i>Глава V</i>	
ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЫ В СОЦИАЛИ- СТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ	121
§ 1. Идея централизации пропаганды	121
§ 2. Средства массовой информации в системе советской пропаган- ды	131

Глава VI

МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	142
§ 1. Концепции массовой коммуникации	142
§ 2. Факт и комментарий	153
§ 3. Радиовещание сегодня	160
§ 4. Космическая техника и средства массовой информации	164

Глава VII

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ В БОРЬБЕ ПРОТИВ БУРЖУАЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	167
§ 1. Понятие ценности	167
§ 2. Роль ценностей в современную эпоху	175
§ 3. Распространение социалистических ценностей	185

Глава VIII

ПРОПАГАНДА ОБРАЗА ЖИЗНИ	189
§ 1. Реклама буржуазной действительности	189
§ 2. Символика в антисоветской пропаганде и задачи контрпропаганды	200

Глава IX

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И КОНТРПРОПАГАНДЫ	209
§ 1. Партийность и наступательность	209
§ 2. Непримируемость социалистической и буржуазной идеологий	219
§ 3. Конкретность социалистической пропаганды; связь с жизнью	230

Глава X

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОПАГАНДЫ	233
§ 1. Методологические проблемы	233
§ 2. Буржуазные стереотипы	241
§ 3. Механизмы психики	252
Заключение	258

Учебное издание

Павел Семенович Гуревич

**ПРОПАГАНДА
В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ**

**Заведующий редакцией А. Д. Кашин. Редактор О. В. Кирьязен
Младшие редакторы Т. А. Шагинна, Л. Ф. Петецкая
Художественный редактор С. Г. Абелин
Технический редактор А. А. Фетисова
Корректор М. М. Сапожникова**

ИБ № 7364

Изд. № ФПН-656. Сдано в набор 03.06.87. Подп. в печать 25.09.87. А—03488.
Формат 60×88^{1/16}. Бум. офсетная № 2. Гарнитура литературная. Печать оф-
сетная. Объем 16,17 усл. печ. л. 16,29 усл. кр.-отт. 18,03 уч. изд. л. Тираж
20 000 экз. Зак. № 1341. Цена 65 коп.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.

65 коп.

ПРОПАГАНДА В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ